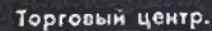

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 41 ОКТЯБРЬ 1980

Сборщицы полупроводниковых приборов Раиса Ташкова (слева) и Зина Смирнова.

Торговый центр.

Сборочный цех.

МАРИЙСКОЙ АССР — 60 ЛЕТ

В БОЛЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 41 (2778)

11 ОКТЯБРЯ 1980

Незадолго до революции один из исследователей Марийского края писал: «Печально настоящее этой народности, печально прошедшее и еще более печально будущее. До настоящего времени, а быть может, и до конца существования этого племени, что очень вероятно,— одна только непроглядная темень беспробудной ночи, и впереди не сияет спасительный луч зари новой жизни».

Если говорить о прошлом и относящемся к тому времени настоящем, исследователь был прав. Недаром в докладе Чебоксарского уездного земства констатировалось: «Инородцы эти живут у нас едва ли не хуже, чем домашний скот в хороших хозяйствах». А вот будущее Марийского края ученый предугадать не смог. Впереди была не темь беспробудной ночи, а сиял спасительный луч зари новой жизни. Этим лучом стал Великий Октябрь. 4 ноября 1920 года была образована Марийская автономная область, через шестнадцать лет ставшая автономной республикой.

Всего одну тысячную часть территории Советского Союза занимает Марийская АССР, но ведь это часть величайшей державы, провозгласившей свободу, равенство и братство всех народов. Крепло могущество СССР, крепла мощь всех составляющих его частей. Ныне Марийская АССР — край развитой промышленности и крупного, механизированного сельского хозяйства. Древесная смола, рогожа, лапти да плетеные корзины — вот что производил Марийский край до Октября. А теперь! Электронные, автоматические и полупроводниковые приборы, металлорежущие инструменты, радиодетали, холодильники, витамины, велосипеды, лесные комбайны, искусственную кожу, техническую бумагу и многое другое получает страна из Марийской АССР. В республике около пятисот школ, десятки техникумов, три вуза, четыре театра, множество дворцов культуры... Словом, Марийская АССР стала вровень с другими краями, областями и республиками Советского Союза. Успехи МАССР в хозяйственном и культурном строительстве высоко оценены Родиной — республика награждена орденом Ленина, орденами Октябрьской Революции и Дружбы народов.

Сегодня «Огонек» рассказывает об одном предприятии — заводе полупроводниковых приборов. Но если верно, что по одной капле воды можно судить о целом море, то и наши читатели, побывав на этом уникальном предприятии, смогут представить, что же такое Марийская республика.

В музее завода.

Йошкар-Ола. Новый микрорайон «Сомбатхей».

Здесь выпускаются вычислительные машины «Электроника-155».

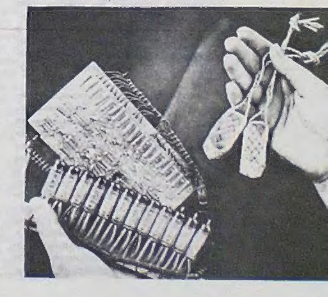
ШОЙ СЕМЬЕ

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Юля Черкасова молода — ей нет и тридцати, но на заводе уже десять лет. Пришла сюда после окончания технологического техникума и сразу попала в сборочный цех.

— Сперва, конечно, растерялась,— вспоминает Юля,— куда ни глянешь, везде осциллографы, стрелки, датчики, пульты; все сверкает, гудит. Сосредоточиться невозможно. Только на что-нибудь засмотришься — звучит зуммер. А это значит, что по твоей вине произошла задержка конвейера. Да, жесткий производственный ритм — это, конечно, не учебная лаборатория. Там мы могли без конца что-то доделывать и переделывать, а тут если деталь ушла на другую операцию, а ты, не дай бог, схалтурила, все—быть браку, а значит, и беде. Да-да, я не преувеличиваю! Ведь мы выпускаем счетные машины, переговорные устройства, зарядные станции и другие электронные приборы. Представляете, какой расчет моста, самолета или многоэтажного здания сделает наша машина, если я не так припаяю какой-нибудь проводок или не замечу лишний кусочек олова?! Дело прошлое, но я не знаю, как бы справилась со своей работой, если б не сосед — тоже регулировщик радиоаппаратуры. Сперва он помогал мне в цехе, а потом... и по хозяйству. Наша дочка уже в первый класс пошла, а мы с Павлом работаем все так же, бок о бок. Правда, в этом году ему пришлось взять на себя еще большую часть домашних дел — свободного времени совсем не стало. Когда меня избрали депутатом горсовета, я так активно включилась в работу комиссии по охране труда, материнства и организации быта жен-

Лапти и электроника.

щин, что дома почти не бываю. Зато мы навели порядок в быткомбинате, парикмахерских и детских садах.

— А заводской детсад вообще один из лучших в городе, — поддержала подругу Зина Краснова.—Моего Алешку оттуда домой не дозовешься.

— Зина, а как вы попали на завод?— поинтересовался я.

— Ну-у, это целая история! Я ведь жила в далеком марийском селе Кюшнур. Уезжать никуда не собиралась и ни о каком заводе не мечтала. А тут приехали в отпуск две наши девушки: не прошли по конкурсу в институт и поступили на завод полупроводниковых приборов. Все уши прожужжали, как там интересно, какая чистота, какие заработки, какая база отдыха, какие кружки, и все такое прочее. Короче говоря, смутили покой крестьянской девушки, и уехала я с ними. Десять лет пролетели, как десять дней! Теперь я считаю, что вся моя жизнь связана с заводом: здесь я стала кандидатом в члены КПСС, здесь меня избрали заместителем секретаря цеховой комсомольской организации, а в этом году — депутатом Заводского районного Совета народных депутатов.

— Ваша профессия называется: испытатель радиоаппаратуры. Что это значит?

— Это значит, что через мои руки проходят все счетные машины и все я должна не просто проверить, а испытать, причем, если так можно выразиться, на предельных нагрузках. Иначе говоря, задаю задачи по проверке памяти машины, заставляю ее умножать, делить или складывать такие числа да еще в таком темпе, какой за воротами завода ей, как говорится, и не приснится. Вы не поверите, но иной раз от напряжения из машины дым идет!

А потом мы все вместе ходили по заводу. Чистота везде отменная. В цехах ни пылинки, все рабочие в белых халатах, девушки с аккуратными прическами и обязательным маникюром. Между корпусами — самый настоящий парк с клумбами и фонтанами.

Когда мы встретились с главным инженером завода Р. И. Никитиным (двадцать лет назад он начинал упаковщиком в тарном цехе, и его инструментом был молоток да клещи), Рудольф Иванович рассказал о планах реконструкции завода, о том, что без его продукции не может работать ни один цветной телевизор или рентгеновский аппарат, не говоря уже о транзисторных приемниках, магнитофонах, электронных часах, а также приборах, которые находят массовое применение в гражданской авиации и на железных дорогах.

Завод полупроводниковых приборов в Йошкар-Оле, бывшем захолустном Царевококшайске,— не так уж давно это не могло прийти в голову самому оптимистичному футурологу. Между тем сегодня это реальность, та реальность, о которой, характеризуя совершенное нами после Великого Октября, товарищ Л. И. Брежнев говорил: «...За это время наша страна прошла путь, равный столетиям».

Вместе со всеми народами Советского Союза прошел этот славный путь и марийский народ.

Проводы на аэродроме.

ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ВИЗИТ

3 октября из Москвы в Ленинград отбыл Президент Республики Индии Н. С. Редди, находившийся в нашей стране с официальным дружественным визитом по приглашению Президиума Верховного Совета СССР.

На Шереметьевском аэродроме Н. С. Редди провожали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, другие официальные лица.

Среди провожавших находились дипломати-

Бригадир А. Лукьянов, А. Агапов, А. Шведов, В. Пичужкин и А. Дурнин. Фото А. Сенцова (ТАСС)

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ческие сотрудники посольства Республики Индии в Советском Союзе.

На летном поле был выстроен почетный караул представителей трех видов Вооруженных Сил СССР — Сухопутных войск, Военно-Воздушных Сил и Военно-Морского Флота.

Л. И. Брежнев и Н. С. Редди обошли строй советских воинов. Были исполнены государственные гимны двух стран.

В поездке Н. С. Редди сопровождали заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР И. Б. Усманходжаев, посол СССР в Индии Ю. М. Воронцов, а также посол Индии в СССР И. К. Гуджрал.

XXVI СЪЕЗДУ КПСС — 26 УДАРНЫХ НЕДЕЛЬ!

Бригадой дружных называют на московском заводе «Компрессор» коллектив из семи человек, возглавляемый коммунистом Алексеем Лукьяновым. А известно, что там, где настоящая рабочая дружба и при ней высокая квалификация каждого, там и дело спорится. Все в бригаде освоили смежные профессии, и, если надо, любой заменит товарища или поможет ему. Вот и выполняет семерка норму десяти человек, при этом и качество работы высокое,— продукцию бригада сдает с первого предъявления. Четверо рабочих уже выполнили свои личные пятилетние задания.

В числе первых на заводе лучшая бригада включилась в соревнование «XXVI съезду КПСС — 26 ударных недель!».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ЗА ДЫМОВОЙ ЗАВЕСОЙ

Леонид КОРЯВИН

События, которые разыгрались на ирано-иракской границе, по-разному встретили в мире. Те, кто стоит на позициях оздоровления международного климата, считают, что любой конфликт можно ликвидировать путем переговоров, и выражают надежду на то, что вооруженные столкновения между Ираном и Ираком прекратятся и в этом районе Среднего Востока установится мир и спокойствие. Выступая на обеде в честь Президента Республики Индии Н. С. Редди, Леонид Ильич Брежнев сказал: «Что касается Советского Союза, то мы за то, чтобы Иран и Ирак урегулировали между собой спорные вопросы за столом переговоров».

Однако вопреки логике и здравому смыслу нашлись в мире и такие силы, которые встали на путь подстрекательства, попытались погреть руки на тлеющих углях ирано-иракских противоречий, извлечь из них свою корыстную выгоду. Как же отреагировали силы империализма, когда возник конфликт на ирано-иракской границе? Уже первые сообщения были настораживающими: находящиеся в Персидском заливе американские военные корабли начали продвигаться к зоне военных действий между Ираком и Ираном. Затем вопреки собственным заверениям о «заинтересованности в ликвидации конфликта», о «позиции нейтралитета» официальный Вашингтон повел интенсивные переговоры с другими странами НАТО о формировании «объединенных военно-морских сил», которые, по терминологии пентагоновских генералов, «навели бы порядок» в районе Персидского залива, естественно, «порядок» по американским стандартам. Усилилась подготовка интервенционистских «сил быстрого развертывания». Западная пропаганда стала преднамеренно раздувать конфликт, нагнетать напряженность и выдвинула требования «взять под контроль» нефтяные богатства Персидского залива, «защитить» морские коммуникации, а проще говоря, начала подстрекать к прямому империалистическому вторжению в нефтяные районы Ближнего и Среднего Востока.

Военно-морские силы США не первый день бороздят просторы Персидского залива, как и Аравийского моря и Индийского океана. Давно уже американские базы окружили Ближний и Средний Восток. И во всем этом таится потенциальный источник напряженности, как и в поддержке Соединенными Штатами экспансионистского курса Израиля. Вот те опасные бикфордовы шнуры, которые протягиваются империализмом к этому стратегически важному, богатому нефтью району.

Военное присутствие США на Ближнем и Среднем Востоке является производной от широких американских планов, согласно которым Вашингтон объявил целые районы мира, расположенные в нескольких тысячах километров от американских берегов, пресловутыми зонами «жизненных интересов США». Более того, разработаны целые программы по увеличению масштабов американского военного проникновения на Ближний и Средний Восток.

Именно в эти дни появляются все более настораживающие сообщения, например, опубликованное Дж. Андерсоном в «Вашингтон пост»: «Произошло одно довольно серьезное событие: президент Картер дал Пентагону тайное указание подготовиться к возможности применения ядерного оружия на Ближнем Востоке, где ситуация постоянно меняется». Новая ядерная политика США для этого взрывоопасного района, или, как ее еще именуют, «ограниченный стратегический вариант», значилась в Белом доме в качестве президентского меморандума № 51. Дж. Андерсон пишет далее, что «этот вариант предусматривает доставку 19 ядерных бомб на бомбардировщиках «В-52». Среди этих бомб такие, например, как бомбы «В-57», мощность которых примерно равна мощности бомбы, сброшенной на Хиросиму, и более мощные термоядерные заряды «В-61» с регулируемой мощностью».

США вместе с Израилем и капитулировавшим перед ним Египтом вынашивают широкие планы борьбы с революционными, национально-освободительными силами Ближнего и Среднего Востока. Они не приемлют те антиимпериалистические преобразования, которые произошли, например, в Ираке и позже в Иране, этих странах, являющихся активными участниками борьбы пробудившихся народов за установление в мире нового экономического порядка, отвергающих диктат транснациональных монополий.

Если в США и попытались скрыть активизацию своих военных приготовлений в Персидском заливе за дымовой завесой декларированного «нейтралитета», то в Египте были куда более откровенны. Президент Садат нарисовал угрожающие картины «закрытия судоходства» через Ормузский пролив, грядущего «нефтяного голода» для Запада и открыто призвал «к американскому вмешательству». Об этом же говорил и израильский премьер-министр Бегин. В интервью корреспондентам херстовского газетного треста он заявил, что США не должны «сидеть сложа руки». Говоря о том, что Вашингтон должен создать сильное военное присутствие на Ближнем Востоке, Бегин подчеркнул: «Израиль не будет возражать против создания американских баз на его территории».

Понятно, что любое обострение обстановки в районах Ближнего и Среднего Востока сторонники кемп-дэвидского сговора хотят использовать, чтобы как-то оттянуть агонию этой сделки, отвести от нее волны народного негодования и, главное, попытаться возвести преграды на пути борьбы арабских государств за ликвидацию последствий израильской агрессии.

Миролюбивые силы планеты, проявляя озабоченность возникшим между Ираком и Ираном вооруженным конфликтом, выражают надежду, что эти две страны, занимающие антиимпериалистические позиции, проявят добрую волю и разрешат возникшие противоречия.

Народы бдительно следят за империалистическими военными приготовлениями в районах Ближнего и Среднего Востока. История свидетельствует, что кое-кто на Западе ищет любого повода, чтобы открыть путь монополиям для захвата чужих источников сырья. И сегодня эти планы покоятся в секретных сейфах как Уолл-стрита, так и Пентагона. Но времена, когда колониальная канонерка могла диктовать свои условия народам, навсегда ушли в прошлое.

Петр Миронович
МАШЕРОВ

4 октября 1980 года в автомобильной катастрофе трагически погиб кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Центрального Комитета Компартии Белоруссии, член Президиума Верховного Совета СССР Петр Миронович Машеров. Перестало биться сердце пламенного коммуниста, видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, вся сознательная жизнь которого была отдана делу строительства коммунизма.

Петр Миронович Машеров родился 13 февраля 1918 года в деревне Ширки Сенненского района Витебской области в бедной крестьянской семье. Член КПСС с 1943 года. После окончания Витебского педагогического института работал преподавателем Россонской средней школы.

С первых дней Великой Отечественной войны Петр Миронович Машеров стал одним из организаторов партизанского движения и коммунистического подполья Белоруссии. Он был командиром партизанского отряда имени Щорса, комиссаром партизанской бригады имени Рокоссовского и в 1943 году возглавил Вилейский подпольный обком комсомола. Принимая участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками, П. М. Машеров проявил незаурядные организаторские способности, отвагу и героизм. Был дважды ранен.

После освобождения Белоруссии П. М. Машеров — на руководящей комсомольской и партийной работе. Был первым секретарем Молодечненского обкома комсомола, а затем первым секретарем Центрального комитета ЛКСМ Белоруссии. В 1954 году П. М. Машеров избирался вторым секретарем Минского областного комитета партии, а через год — первым секретарем Брестского обкома Компартии Белоруссии.

Присущие Петру Мироновичу Машерову замечательные качества талантливого руководителя и организатора, обладавшего высокой эрудицией, с особой силой проявились в период его деятельности в Центральном Комитете Компартии Белоруссии, где он плодотворно работал с 1959 года на посту секретаря, второго секретаря, а с 1965 года — первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии.

На XXII съезде КПСС П. М. Машеров избирался кандидатом в члены ЦК КПСС, на XXIII, XXIV и XXV съездах Коммунистической партии — членом ЦК КПСС. С апреля 1966 года — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

П. М. Машеров являлся депутатом Верховного Совета СССР и Верховного Совета Белорусской ССР ряда созывов, с 1966 года был членом Президиума Верховного Совета СССР.

П. М. Машеров на всех участках работы проявлял творчество и инициативу в осуществлении политики партии. Его отличали беззаветная преданность великим идеалам коммунизма, большая энергия и страстность в работе, партийная принципиальность и человечность, личное обаяние и скромность. Все это снискало ему признание, высокий авторитет в партии и народе.

За большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством Петру Мироновичу Машерову были присвоены высокие звания Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда. Он награжден семью орденами Ленина и многими медалями.

Светлая память о Петре Мироновиче Машерове, верном сыне Коммунистической партии и советского народа, навсегда сохранится в сердцах советских людей.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, М. П. Георгадзе, Т. Я. Киселев, Н. С. Патоличев, А. Н. Аксенов, В. И. Бровиков, В. А. Гвоздев, Н. И. Дементей, М. М. Зайцев, Ю. Б. Колоколов, А. Т. Кузьмин, М. И. Лагир, В. А. Микулич, В. Ф. Мицкевич, Я. П. Никулкин, Н. Н. Полозов, И. Е. Поляков, Л. С. Фирисанов, И. Ф. Якушев, В. Е. Лобанок, К. М. Платонов, Н. Л. Снежкова, Л. Г. Клецков, Е. Е. Соколов, В. В. Прищепчик, С. М. Шабашов, Ю. М. Хусаинов, Г. Г. Бартошевич, Н. А. Борисевич, И. Ф. Климов, Е. И. Климченко, В. А. Ралько, Е. И. Скурко (Максим Танк)

ПЕРВЫЙ ШАГ В РАБОЧИЙ КЛАСС

А. А. БУЛГАКОВ,
председатель Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию

— Александр Александрович, система профессионально-технического образования СССР была создана в 1940 году. Но ведь в нашей стране и раньше обучали рабочим специальностям. Может, наш разговор следует начать с обращения к истории?

— Шестьдесят лет назад, в годы гражданской войны, в нашей стране возникли первые советские учебные заведения профтехобразования. Взяв все полезное и ценное из опыта дореволюционного развития, новая профтехшкола с самого своего начала основывалась на соединении производительного труда с обучением. Повышение квалификации и молодых и взрослых рабочих стало неотрывно от их политического образования.

Большое внимание уделял производственному обучению молодежи В. И. Ленин. «...Нельзя себе представить идеала будущего общества,— писал он,— без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания».

Уже первые выпуски учебных заведений советской профессионально-технической школы стали реальным воплощением этой ленинской мысли. Новое поколение рабочего класса отличалось стремлением к знаниям, к повышению своей квалификации, высокой дисциплиной и сознательностью. Из его рядов вышли те, кто восстанавливал хозяйство страны, кто прославил его героическим трудом в годы первых пятилеток.

Со временем школы ФЗУ и другие учебные заведения, готовящие рабочих для предприятий страны, уже перестали удовлетворять потребности народного хозяйства в квалифицированных рабочих. В целях коренного улучшения этой подготовки 2 октября 1940 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах». Тем самым была создана единая государственная система профтехобразования, ставшая основной школой профессионального обучения молодежи, надежным источником подготовки квалифицированных рабочих.

Мы считаем, что выработанные у нас в стране методы образования и трудовой подготовки отвечают требованиям сегодняшнего общественного производства с учетом научно-технического прогресса.

— Какие можно выделить особенности развития профтехобразования в СССР?

— Многолетняя практика полностью подтвердила правильность курса партии и правительства на постоянное совершенствование государственной системы профтехобразования. От пятилетки к пятилетке возрастала экономическая мощь страны, совершенствовались методы ведения народного хозяйства, и все закономерные изменения в содержании труда рабочих не могли не влиять на организацию профессионально-технического обучения. Влияние научно-технической революции сказалось не только на характере труда, но и на подготовке человека к труду. Каков же главный, стратегический путь этой подготовки? Он состоит в том, отметил в речи на XVII съезде ВЛКСМ товарищ Л. И. Брежнев, чтобы рабочая смена, «основная ее масса проходила подготовку в профессионально-технических учебных заведениях, с тем чтобы еще до поступления на работу молодые люди получали специальность». Сейчас в нашей стране работает 7315 профессионально-технических училищ, в них обучается более 3,75 миллиона человек. Только в этой пятилетке в соответствии с решениями XXV съезда КПСС будет подготовлено более 11 миллионов рабочих высокой квалификации. Огромная цифра!

Но сегодняшний уровень подготовки рабочей смены определяет не только количество училищ. Становление коммунистических отношений в нашей стране, всестороннее развитие советского человека обусловило и качественно новый подход к подготовке пополнения рабочего класса. Важнейшим этапом в развитии профтехобразования стало создание средних профтехучилищ, где обстоятельное изучение рабочих специальностей сочетается с обучением по полной программе средней школы.

Иной раз еще возникают вопросы: необходимо ли, скажем, маляру или плотнику знать основы химии, физики, изучать литературу? Да, необходимо — только гармонически развитый человек может стать грамотным, высококвалифицированным специалистом. Решения XXV съезда КПСС, соответствующие постановления партии и правительства призвали трудящихся страны к всемерному повышению производительности труда, улучшению его качества. Отвечая этим требованиям, система профессионально-технического образования СССР осуществляет переход к новому типу учебных заведений, какими являются средние профтехучилища. Таким училищам, несомненно, принадлежит ведущая роль в подготовке рабочих высокой квалификации. Сейчас в стране 4266 этих учебных заведений, а лишь десять лет назад их было немногим более сотни.

Все больше учащихся вместе с дипломом училища получают аттестат о завершении среднего образования. Благодаря целенаправленной работе, которую много лет ведет ленинградская областная партийная организация, здесь полностью решена эта проблема. Готовятся ко всеобщему переходу на получение среднего образования училища Москвы, некоторых областей и республик.

— Конечно, молодежь охотно идет в средние профтехучилища: здесь можно получить аттестат зрелости и одновременно приобрести рабочую специальность. Ну, а в чем выигрывает при такой системе промышленность?

— Всесоюзный научно-исследовательский институт профтехобразования провел специальные исследования. Оказалось, что рабочие со средним образованием в пять раз быстрее повышают свои профессиональные разряды, в десять раз больше вносят рационализаторских предложений, каждый второй выпускник средних профтехучилищ уже через год-другой приобретает смежную профессию. Такие рабочие на производстве считаются очень стабильными — они остаются верны полученной в училище профессии, неизменно добиваются высоких показателей в труде, редко допускают брак, активно участвуют в социалистическом соревновании.

XXV съезд нашей партии убедительно показал тесную связь роста уровня народного хозяйства и увеличения масштабов профессионально-технического образования. Нет такой стройки, такого предприятия, где бы не трудились наши выпускники, и эта армия всесторонне подготовленных молодых рабочих, обладающих глубокими знаниями, прочными профессиональными навыками и широким политическим кругозором, пополняется ежегодно более чем на два миллиона человек.

Как выглядят средние профессионально-технические училища? Это современные учебные заведения, хорошо обеспеченные необходимыми пособиями, оборудованные техническими средствами как для профессиональной, так и для общеобразовательной подготовки. Неотъемлемой частью учебного процесса стало использование всевозможных тренажеров, диапроекторов, кино- и телеустановок, видеомагнитофонов, микрокалькуляторов и других средств. Только за последний год училища страны пополнились 6500 новыми учебными кабинетами и лабораториями, 1400 мастерскими. Государство полностью взяло на себя заботу о питании и обмундировании учащихся, предоставило им общежития, помещения для культурного досуга, занятий спортом. В этом году Совет Министров СССР утвердил новое Положение о профессионально-технических учебных заведениях СССР, которое, в частности, повышает роль базовых предприятий, их ответственность за создание необходимых условий для подготовки квалифицированных рабочих.

Все это, вместе взятое, создает благоприятные условия для обучения и воспитания будущих рабочих.

Хотелось бы отметить, что профессионально-технические училища могут гордиться рабочими династиями. Тридцать третье профтехучилище города Шахты тридцать лет назад окончил Виктор Колмыков, ныне электрослесарь шахты имени Красина. А два года назад диплом об окончании этого же училища получает его сын, который сейчас трудится рядом с отцом.

Два брата Даниловы, Михаил и Юрий, окончили училище в 1975 году — ныне оба на шахте Соколовская. Михаил и Василий Лукьянчиковы, тоже братья, после училища работают на шахте «Майская». Двадцать рабочих династий имеют дипломы об окончании 33-го шахтинского училища. Я мог бы рассказать и о династиях строителей, металлургов — тоже выпускников профессионально-технических училищ.

— Наверное, преимущества тех подростков, которые избрали для себя дорогу в профессионально-техническое училище, не ограничиваются приобретением рабочей специальности? Какие вы могли бы назвать моральные аспекты этого выбора?

— Начнем с главного: воспитанник системы производственного обучения может быстрее и более полно раскрыть свои способности, найти им применение на практике.

Мы считаем, что выпускники средних профтехучилищ находятся в более выгодном положении, чем школьники. Ведь среднее образование служит фундаментом для дальнейшего профессионального роста молодого человека, для более полного раскрытия его индивидуальных качеств. Учащийся профтехучилища получает гораздо больше возможностей проверить себя, проявить свою индивидуальность. Те же формулы и теоремы из учебников он представляет себе уже не абстрактно,

а применительно к каким-то конкретным производственным процессам, приборам, машинам.

Для выпускников профтехучилищ, решивших продолжить образование, открыты широкие возможности: безусловно технический вуз отдает предпочтение тем абитуриентам, которые уже хорошо знакомы с выбранной ими специальностью, а отличники профтехобразования поступают в институты на тех же основаниях, что и школьники-медалисты.

— Александр Александрович, какие профессии наиболее популярны у тех, кто поступает в профтехучилища? Хотелось бы узнать ваше мнение о «престижных» и «непрестижных» специальностях.

— В нашей стране официально зарегистрировано 6363 профессии. В системе профтехобразования ведется подготовка более чем по 1400 из них. Все профессии нужны, все необходимы в нашей стране, и выбор поступающих зависит не столько от «престижности», сколько от целого ряда определяющих причин: здесь и индивидуальные склонности подростка, пример и мнение родителей, наличие предприятий той или иной отрасли промышленности и так далее. Например, в Кривом Роге наибольшей популярностью пользуется профессия металлурга, в Набережных Челнах престижной считается профессия автомобилестроителя, а в Иваново — текстильщика. Повсюду очень ценятся строительные специальности, сейчас в системе профессионально-технического образования действует около 1700 училищ строительного профиля, в которых обучается 850 тысяч будущих молодых рабочих. Наша задача — помочь юношам и девушкам реализовать гарантированное Конституцией СССР право на выбор профессии, дать им возможность согласовать свои способности с интересами страны. Поэтому мы как можно шире стараемся рассказывать о наших профтехучилищах, всесторонне знакомить молодежь с рабочими специальностями.

Например, в профтехучилище № 141 села Белые Воды Чимкентской области Казахской ССР организовано шефство над шестыми — восьмыми классами близлежащих школ. Эти контакты привели к тому, что школьники стали поступать в училище целыми классами. Немало есть примеров того, как помогают профориентации школьников хорошо продуманные мероприятия в Ленинграде, Свердловске, Костроме, Мурманске, Краснодаре и других городах.

Но все-таки, к сожалению, не все обстоит так, как нам хотелось бы. Мало готовится строителей, металлургов, представителей некоторых других профессий. Видимо, и мы и школа недостаточно работаем с молодежью, не прививаем ей вкуса к иным профессиям. Кое-где страдает и материально-техническая база обучения, можно и нужно говорить также о необходимости совершенствования учебного процесса. Решив эти проблемы, профтехобразование сделает новый, значительный шаг вперед. Так что резервы есть, их предстоит проанализировать и использовать.

Мы не забываем, что в профтехучилища поступают пятнадцати — семнадцатилетние подростки, и их выбор нередко зависит от таких причин, как наличие, скажем, в училище спортивных команд, кружков технического творчества и художественной самодеятельности. Поэтому укреплению материальной базы учебных заведений, гармоническому воспитанию учащихся постоянно придается большое значение.

Стало больше возможностей в подготовке высококвалифицированных преподавательских кадров. В Свердловске открыт инженерно-педагогический институт, ведущий подготовку специалистов высшей квалификации для нашей системы. Готовят нам кадры и 36 факультетов в вузах страны. Конечно, это принесет свои результаты.

В наших училищах трудится 322 тысячи квалифицированных инженерно-педагогических работников. Среди них — 86 Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда. Почетное звание «Народный учитель СССР» присвоено директору ПТУ № 15 в Бобруйске Аркадию Егоровичу Ларину, преподавателю технического училища № 19 в Красном Лимане Донецкой области Юрию Ивановичу Бурлику, заведующей учебной частью СПТУ № 203 в Выборге Антонине Николаевне Семеновой. По почину Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР ленинградского рабочего, ныне мастера ПТУ № 90 Бориса Александровича Журавлева на работу в профтехучилища переходят лучшие производственники, наставники молодежи. Это, конечно, повышает авторитет наших училищ, способствует не только производственному обучению, но и нравственному воспитанию учащихся.

Ширится инициатива преподавателей, мастеров производственного обучения Главного управления профтехобразования Москвы, Расейнянского среднего сельского профтехучилища № 10 Латвийской ССР, среднего городского профтехучилища № 41 Алма-Аты и среднего городского профтехучилища № 38 Ленинска-Кузнецкого Кемеровской области, которые первыми приняли социалистические обязательства по достойной встрече XXVI съезда КПСС.

Важнейшая задача государственной системы профессионально-технического образования состоит в том, чтобы в ходе учебно-воспитательного процесса донести до ума и сердца будущего рабочего основополагающий тезис марксистско-ленинского учения об исторической миссии рабочего класса, великое богатство ленинских идей, обеспечить глубокое и всестороннее изучение основ марксизма-ленинизма, трудов Л. И. Брежнева.

«Современное производство требует, — говорил Леонид Ильич Брежнев, — чтобы каждый работник ясно представлял себе свое место в трудовом процессе, знал, что и зачем он делает, что от него зависит, чувствовал, что его труд — необходимая часть общей работы.

Если такое сознание есть, то появляется настоящая заинтересованность, тогда труд в радость, тогда труд — творчество». Этот образ современного рабочего стал целью, к которой стремятся работники профтехобразования в подготовке рабочей смены — юношей и девушек, кому уже завтра предстоит выполнять решения грядущей, одиннадцатой пятилетки.

КАК РАЗ

Ия МЕСХИ

Речь пойдет о двух районах Грузии, разных по величине и характеру сельскохозяйственного производства. И не столько о небольшой кукурузной Абаше, сколько о крупном чайном Махарадзевском районе.

Абаша со своим молодым, смело и остро мыслящим секретарем райкома партии Гурамом Давидовичем Мгеладзе вызвала в свое время много шума, разные толки в республике. На Абашу, ходившую долгое время в отстающих, теперь взирают с уважением. Не далее как в прошлом году сюда на зональный семинар съехались закавказцы, прибалты, молдаване... Вышел в этом году документальный телефильм «Абашский эксперимент».

Сначала история с Абашой может показаться обычной: район был отстающим, стал передовым. Причина? Руководитель хороший! А что такое хороший? Может быть, товарищ Мгеладзе и так дотянул бы глубоко опустившуюся Абашу хотя бы до выполнения плановых заданий? Тянул бы бегемота из болота! Но в том-то и дело, что все не столь просто. Семь лет назад, возглавив партийную организацию района, Гурам Давидович понял, что нужны куда более серьезные меры, требующие коренной ломки экономических отношений, сложившихся к тому времени в районе. То есть требовалось создать такие производственные взаимоотношения, которые были бы благоприятны для людей. Абашские руководители прежде всего сосредоточились на системе широкого материального поощрения трудящихся. На системе, которая иногда почему-то используется неуверенно, робко.

Рассчитав, сколько можно получить для района семян и удобрений, сколько нужно отремонтировать сельхозмашин и запущенных каналов, райком партии поставил перед хозяйствами, всеми абашцами одну задачу — резко повысить урожайность кукурузы и овощей. При этом колхозникам объявили, что их труд будет дополнительно оплачен натурой. Больше сделаешь — больше получишь, в частности, кукурузного зерна. Таким образом в руки отлично поработавшего летом кукурузовода или овощевода осенью перепадала половина, а то и семьдесят процентов сверхпланового урожая — кукурузных початков и овощей. А это вызвало естественный прилив энергии. И в следующем году земледелец работал еще лучше. И вот начиная с 1974 года дела с кукурузой сдвинулись с мертвой точки. Урожайность этой основной для района культуры возросла теперь в пять раз!

Второе, что привлекло внимание нового партийного руководства в районе, — резервы, таившиеся подспудно в приусадебных участках. Они тоже захирели, эти лоскуты доброй земли. Люди попросту перестали откармливать личный скот. Может быть, им надо помочь и в этом деле? А кто в силах помочь? Конечно, колхозы. И вот общественные хозяйства на определенных условиях вступили во взаимовыгодные договорные отношения с населением. Эту форму так и назвали: кооперация с населением.

И когда в Абаше общественное производство как бы пробудилось, задвигалось и расшевелилось, стало на глазах расти и крепнуть, тогда постепенно разрешился и третий, пожалуй, самый главный, давно наболевший вопрос: как же управлять экономикой этого оживившегося районного хозяйства? Абашцы первыми в Грузии создали у себя новую форму хозяйствования: районное аграрно-промышленное объединение. Именно объединение. Оно вобрало в себя дотоле разрозненно действовавшие организации. И, кстати, освободило в какой-то мере райком от непрестанной хозяйственной текучки. И чем дальше, тем нагляднее становилось, что все эти объединенные усилия по наполнению амбаров кукурузой, складов — помидорами и огурцами, а скотных дворов — живностью, оборачиваются для абашцев вниманием к их же социально-бытовым нуждам.

Я тоже побывала здесь, увидела хорошие дороги, ухоженные села, современные животноводческие комплексы. Увидела вновь отстроенный центр района, где нет ни блеска, ни мишуры внезапно раздобревшего провинциала. Напротив, все сделано современно, со вкусом...

Все, что до сих пор сказано было скороговоркой о районе, конечно, заслуживает более развернутого рассказа. Ибо не так просто все тут было, как теперь излагается на бумаге. Прошло время, и спорщики, усматривавшие в действиях районного комитета партии крамолу, поутихли, отступили. И все же, если абашский эксперимент давно уже никакой не эксперимент, а сама восторжествовавшая жизнь, то должны же быть у нее, у этой жизни, у эксперимента продолжатели? Пригодилось ли кому-нибудь то, что сделала Абаша? Или это осталось событием сугубо местного значения? Чтобы получить ответы на все эти вопросы, я и приглашаю вас теперь в неизменно передовой район — в Махарадзевский.

Здесь чай, чай и чай (цитрусовые тоже, но меньше). Это Гурия: близость моря, красноземы, тепло и всегда влажно, то, что нужно капризному кусту. Здесь расположены хорошо знающие чайное дело старые хозяйства: Лайтурскому совхозу, самому крупному в рес-

ВЯЗАЛИ УЗЕЛОК

публике, уже пятьдесят лет. В Гурии два всесоюзных научно-исследовательских института, один занимается исследованиями по чаю и субтропическим культурам, другой — вопросами развития чайной промышленности. За три с половиной года махарадзевцы закончили «чайную» пятилетку. А ведь их продукция — это почти пятая часть всей чайной продукции республики. Есть и свои проблемы: переход на полную механизацию сбора листа, что планируется в середине одиннадцатой пятилетки. Проблема решалась бы легче, кабы не холмы, бугры, пригорки... Встречаются, конечно, поля, где может работать крупногабаритная машина «Сакартвело» или более маневренная ЧА-900. Но чаще ручной труд на крутых склонах облегчается с помощью аппаратов малой механизации. Только их модели надо улучшать.

Созданный селекционерами сорт «Колхида» открывает новый этап в развитии советского чаеводства. Постепенное вытеснение старых сортов новым — большая, новая забота района, дело хлопотливое и нескорое.

Надо заниматься и повышением качества того, что есть. Махарадзевцы обратили свои взоры к промышленности, где для определения качества существуют стандарты и эталоны. И вот теперь выработан единый эталон для чайного сырья. Он позволил ввести в действие комплексную систему управления качеством продукции. Провели паспортизацию плантаций, присвоили плантациям Знак качества по новой системе. В результате махарадзевцы уже в прошлом году сдали на чайные фабрики более семидесяти процентов собранного в районе листа первым сортом.

Рассказ о чайных проблемах Махарадзевского района был необходим для того, чтобы ощутить, чем живет-дышит район и почему тут у работников райкома партии «чаем полна голова». Первый секретарь райкома Демури Ноевич Двалишвили по образованию экономист, он избран первым секретарем три года назад...

Итак, для начала проедемся по каналу, по старой Черпалке времен «Колхиды» Константина Паустовского (канал когда-то прокладывали землечерпалками, почему и осталось такое смешное название). Сейчас это почти река — колхидский Нил! Берега поросли джунглями, кое-где над водой возвышаются охотничьи избушки. На четвертом километре катер поворачивает под прямым углом и входит в другой, более узкий канал. Демури Ноевич рассказывает:

— Мы на «чужой территории», у озера Палиастоми. Чаем, и даже с лимоном, сыт не будешь, не правда ли? Когда я приехал в район и познакомился с положением дел в животноводстве, то пришел в ужас: почти нет своих кормов, сидим на шее у государства! А район сельский... Нет, я не приписывал этого «открытия» себе, ЦК партии республики предложил мне как следует во всем разобраться. Итак, где коровы?—спрашиваю местных товарищей. Они ответили вопросом: а где, мол, корма для них? Сено сюда возят с Украины, с Кубани и Поволжья.

Тут мне сказали, что наш старый колхозный председатель, мудрейший Михако Орагвелидзе, который с помощью украинских друзей из Геническа создал известную ферму крупного рогатого скота, что он посылает косарей к озеру Палиастоми. Я поехал к Орагвелидзе, и он рассказал, как было дело. Все уже забыли, говорит, что лет пятнадцать назад к нашему району присоединили никому не нужные обширные болота возле озера Палиастоми. С тех пор колхозники там промышляют сено, но это чертовски трудно и даже опасно... Тогда мы с Орагвелидзе поехали по этой самой Черпалке и увидели травостой такой, что сена хватит на всю западную Грузию! Но вот беда: много воды, техника потонет в болоте. Стали думать, как быть. Много спорили. Решили провести канал в глубь плавней до реки Пичора — восемь километров. Достали четыре экскаватора. Работа адская...

...Наконец, мы вышли из катера на берег. Гладко выбритая косарями земля пружинит, будто мат в спортзале. Вдоль берегов тянутся шириною метров по двадцать луговые полосы, вода тут как бы отжата в канал: можно ходить, можно косить. Косари под палящим солнцем черные, как черти. Труд их всячески стимулируется: материально и морально. Каждый колхоз посылает свою бригаду. Они расположились вдоль канала, как по линии фронта. Три атаки, по три косьбы в течение года. Сено грузят на баржи, а их уводят по каналу тягачи-катера. Автопогрузчики на базовой пристани переваливают сено в грузовики—и в район. Обходится сено в два раза дешевле, чем покупное на стороне.

А вот еще история с камышом. Здесь его видимо-невидимо. Отличный корм для скота. Теперь на канале опорный пункт Грузинского института механизации и электрификации сельского хозяйства. По рекомендации ученых смонтировали экспериментальную камышекосилку на модернизированном гусеничном тракторе.

Двалишвили со специалистами района продолжал искать, как же все-таки поднять животноводство. Нет, силами чаеводческих хозяйств этого не сделаешь. Необходимы зерно, кукуруза. Но для них земли нет. А если хорошо посмотреть? Все равно нет. А если очень хорошо посмотреть? Небольшие кусочки земли найти можно: там гектар, там полгектара. Но не будут же этой мелочью хозяйства заниматься! Тогда пусть занимаются желающие! Так пришло на ум использовать метод абашцев.

Мелкие лоскутки земли предложили обработать и засеять жителям сел: колхозникам, служащим, пенсионерам, интеллигенции. Раздали землю в качестве приусадебных участков, но с условием засеять только кукурузой. Людям разрешили выращивать и собирать урожай, кормить кукурузой собственный скот, но за это делиться кукурузой с общественным стадом района.

Появились на свет договора кооперации с населением — отдельно по мясу, молоку, свиньям, птицам и яйцам (и даже по кроликам). И откуда что взялось! Например, договора по молоку имеют три формы. Первую можно назвать надомничеством. Ты, колхозник, своей коровы не имеешь, но колхоз выдает тебе на прокорм корову и участок земли под кукурузу, а также и под другие растения — строго по рациону. Уход за буренкой вознаграждается деньгами и натурой: семьдесят процентов урожая кукурузы оставляют крестьянину, а тридцать он сам отвозит в колхоз. Кукурузные стебли полностью твои. Хорошо ухоженная корова дает приплод и много молока. Все это делится пополам: на колхозную ферму и твоей семье, то есть той семье, которая взяла корову на содержание. Дома всегда теперь есть молочные продукты, а если их много, то можно вынести излишки на рынок... Это одна форма новых взаимоотношений коллективного хозяйства с индивидуальным.

Вторая форма. Дают жителю села корову в кредит. Он рассчитывается за нее в течение пяти лет. Нарезают и участок для выращивания кукурузы. Семьдесят процентов кукурузы заключивший договор берет себе (по закупочным ценам), за остальные тридцать, которые он сдает в колхоз, начисляют хорошую плату. При этом обладатель коровы продает колхозу по закупочным ценам триста литров молока (можно расплатиться и сыром).

Третья форма. Владелец собственной коровы подключается к кооперации. Смысл таков: корова твоя из-за отсутствия кормов многие годы малоудойна, а это никому не выгодно. И вот тебе дают землю под кукурузу, тебе помогают с другими кормами, удойность коровы повышается. Теперь двести килограммов молока ты отдаешь государству, но и сам имеешь гораздо больше, чем раньше.

Очень живо откликнулись махарадзевские труженики на эти предложения! У кого дома пенсионеры, у кого взрослые дети, изнывающие от безделья, кто сам вполне успевает справиться — проснулся интерес к животноводству. Ведь что это за житель села без своей коровы, без парного молока?

Разнообразные формы кооперации, даже пробные, создали населению большие удобства. Хотя кооперация по молоку началась всего-навсего только в прошлом году (по мясу раньше), сегодня в ней уже участвуют владельцы более чем четырех тысяч коров. В течение года район получит двадцать две тысячи центнеров молока, восемь с половиной тысяч центнеров мяса, много свинины, птицы, яиц дополнительно.

— За два года,— говорит Демури Ноевич,— мы полностью отказались от государственной дотации по мясу. В этом году в Махарадзе появился магазин мясо-молочных продуктов, его открыло наше аграрно-промышленное объединение.

Районное аграрно-промышленное объединение — развившийся опыт Абаши (также и опыт Талсинского района Латвии и опыт эстонцев из Вильянди). Кто иначе, если не РАПО, смог бы быстро провести канал к озеру, приобрести флот и уборочную технику, дать дополнительную оплату косарям, работающим в тяжелых условиях? А мясо-молочный комбинат? Нежданно-негаданно более чем вдвое увеличилась его нагрузка. Можно себе представить, сколько было бы писанины, нервотрепки и выколачивания даже небольших средств для того, чтобы расширить на комбинате хотя бы приемный пункт! РАПО сделало это в два счета...

Но вернемся к чайным делам. Они по-прежнему главные в районе. Тринадцать чайных фабрик давно страдали от недостатка рабочих рук. Оплата труда низка, и сезонники не шли. К каким только ухищрениям и нарушениям не приходилось прибегать, лишь бы не срывать работу фабрик! Теперь по решению РАПО оплата рабочих на фабриках значительно увеличена. Еще пример. Группа сотрудников института чайной промышленности во главе с кандидатом технических наук Манучаром Геронтьевичем Мамеишвили создала отличные продукты из чая. Получила патент. Пытались было строить комбинат, но пять лет дело не двигалось с места. РАПО построило первую очередь нужного комбината, как в сказке, за четыре месяца. И вложило в срочное строительство достаточно большую сумму, зная, что любые затраты в первый же год окупятся. Откуда же у РАПО туго набитый кошелек? Управляющий РАПО, член бюро райкома партии Нодар Титович Такидзе вспоминает, что раньше аппарат сельхозуправления представлял собой сорок «детей, держащихся за подол мам и бабушек». Сейчас те же люди действуют совсем по-другому. Сейчас в объединении отдел капитального строительства не надзирает, а строит. Отдел экономики рассчитывает, ищет и предвидит...

В Совет РАПО вошли 24 колхоза, 6 совхозов, 9 межколхозных объединений и 2 института. В руках правления Совета централизованный фонд из ежегодных отчислений от доходов хозяйств-пайщиков и других районных организаций и свой счет в банке. Совет в своих расходах исходит из интересов и района в целом и членов объединения. Новой жизнью зажил район. Сам решает, перебрасывая свои средства и силы на тот участок, который, по общему разумению, важен сегодня, а не послезавтра. Меньше приходится требовать, пробиваться и просить. И кто знает, может быть, повседневная жизнь наша, увиденная под новым ракурсом поднявшейся с низов партийной инициативы (в Грузии так же, как и в Эстонии, Латвии, все больше районов обращаются к методу Абаши), быстрее очистится от бюрократического тумана, из-за которого порой трудно различить простые и ясные экономические истины.

МАСТЕР ПОРТРЕТА

Галина ЩЕРБАКОВА

В стремительном потоке современной жизни нам не всегда удается внимательно вглядеться в наших спутников, разобраться в водовороте событий, определить свое отношение к ним.

Увидеть главное, характерное, что в дальнейшем определит лицо эпохи, увидеть и воплотить в конкретных образах — задача, решение которой под силу только большому, серьезному художнику.

Отдавая должное сюжетно-тематической картине, отражающей важнейшие явления современности, скажем, что и другие жанры живописи имеют серьезное значение в решении этой общей большой проблемы. И, конечно, прежде всего портрет.

Задумываясь о событиях, когда-то волновавших человечество, испытываешь желание видеть тех, кто был их участником или хотя бы свидетелем. Мы с благодарностью обращаемся к художнику, сохранившему для потомков образы великих людей прошлого. Пушкин Кипренского, Л. Толстой Крамского, Достоевский Перова, Мусоргский Репина... Манера исполнения, стилистические особенности этих портретов различны, но их объединяют глубокая правда жизни, проникновение во внутренний мир человека, в его характер. И чем больше мы знаем об изображенном на портрете, тем интереснее бывает общение с созданием художника.

В богатом творческом наследии Василия Прокофьевича Ефанова большая галерея образов наших современников. Среди них государственные деятели, ученые, писатели, актеры, художники, рабочие.

Он прожил долгую плодотворную жизнь; на его глазах образовалось первое в мире государство трудящихся, происходили важнейшие исторические события. Художник активно включился в строительство социалистической культуры, создавая в своих полотнах образ нового, советского человека.

Живописец родился 23 ноября 1900 года в деревне Верхне-Заглядино близ Самары, в семье пастуха, где, кроме него, было девять детей. Вскоре всем домом переехали в Самару. Еще в школе будущий художник начал увлекаться рисованием. Увиденные в самарском музее произведения великого И. Е. Репина, передвижников — В. Е. Маковского и других навсегда покорили юношу.

После Великой Октябрьской революции в Самаре открылся художественно-промышленный техникум, куда и поступил начинающий художник. Он увлекается также сценой, участвует в занятиях драматической студии при городском театре, однако живопись остается на первом месте.

Чтобы продолжить образование, в 1922 году Василий Ефанов едет в Москву. Трудное это было время, полное тяжелых испытаний и лишений. Порой у молодого человека даже не было крова над головой, приходилось ночевать на вокзалах. Но необычайная воля и целеустремленность помогали ему переносить невзгоды. Большую поддержку в этот период оказала ему мать, специально приезжавшая к сыну в Москву. В портретах матери, написанных позднее, художник с необыкновенной теплотой создает образ простой русской женщины, прекрасной в своей доброте и самоотверженности.

В столице Ефанов поступил в художественную студию, которой руководил ученик замечательного педагога П. П. Чистякова Дмитрий Николаевич Кардовский. Он был одним из немногих, кто отстаивал тогда реалистическое искусство, давал своим ученикам настоящую школу мастерства. Именно ему целое поколение советских художников обязано своим высоким профессионализмом, именно он внушил им необходимость передавать стиль эпохи, героизм людей, грандиозность строительства и быть верными ленинскому завету — «искусство принадлежит народу». Основы, заложенные Кардовским, сыграли важную роль в формировании творческих принципов Василия Ефанова, и он остался их приверженцем на всю жизнь.

Огромное внимание учитель уделял рисунку как основе изобразительного искусства. И в портретах Ефанова он всегда точный, четкий, уверенный. Впоследствии сам, будучи педагогом, Василий Прокофьевич говорил, что рисунок определяет три самых важных, основополагающих элемента мастерства: «Рисунок в живописи — это движение, пропорция и характер».

В 1926 году он окончил студию Кардовского, но еще долгое время не решался сделать окончательный выбор — театр или изобразительное искусство. Постепенно живопись захватывает его целиком, и в 1928 году он пишет картину, свидетельствующую о зрелости мастера. Это был первый вариант полотна «Подвиг Котовского», изображавшего знаменитого героя гражданской войны. Второй вариант, сделанный в 1932 году, экспонировался на выставке «XV лет Красной Армии» и принес художнику первый успех и признание публики.

Вскоре Ефанова приглашают вместе с группой других художников для работы над панорамой «Штурм Перекопа». Здесь он встретился с Г. К. Савицким, которого впоследствии считал своим вторым учителем. В конце 30-х годов художник написал несколько монументальных произведений, запечатлевших образ нового человека, рядового строителя социализма.

В 1938 году для советского павильона Международной выставки в Нью-Йорке он создал картину «В. И. Ленин и А. М. Горький в Горках». Тема эта часто привлекала внимание живописцев, образы основателя Советского государства и первого пролетарского писателя запечатлены во многих полотнах. Однако Ефанов решает ее по-своему, изображая своих героев сидящими на террасе дома в Горках, спокойно беседующими. Ленин что-то говорит, Горький — весь внимание. Это встреча двух старых товарищей, простая, задушевная.

В годы Великой Отечественной войны художник активно работает в журналах, мгновенно откликаясь на события, происходящие на фронтах. Пишет героев Великой Отечественной войны, военачальников. Один из наиболее интересных — портрет генерала А. А. Игнатьева, созданный в 1942 году. Он выполнен с великолепным мастерством, поражает эмоциональностью. Перед нами человек необычайной судьбы, истинный патриот, отдавший свой опыт и талант Советской Армии.

В феврале 1943 года Ефанов едет в Сталинград. Только что закончилась великая битва — разгром гитлеровской армии, и художник пишет картину «Сталинград», показав пленных фашистов на улицах города-героя.

После войны Ефанов работает преимущественно в области портрета. Увлечение театром приводит его к созданию образов мастеров сцены: А. А. Яблочкиной, Е. Н. Гоголевой, П. М. Садовского. В то же время Василий Прокофьевич пишет портреты ученых, видных государственных деятелей, а также передовиков производства. Особой популярностью пользовался сделанный в 1949 году портрет Т. К. Рожковой, заместителя секретаря комсомольской организации Метростроя. Ясный, чистый образ девушки полон непосредственности и подкупающей доброты.

В пятидесятые годы Ефанов возглавляет группы художников, трудившихся над созданием монументальных полотен «Передовые люди Москвы в Кремле» и «Заседание Президиума Академии наук СССР». Он написал для этого несколько портретов, которые успешно экспонировались на Всесоюзной художественной выставке 1952 года как самостоятельные произведения. Его мастерство совершенствовалось с каждым годом, и к тому времени он уже являлся одним из сильнейших художников этого жанра. За высокие заслуги в области советского изобразительного искусства В. П. Ефанов был неоднократно удостоен Государственной премии СССР.

Важной вехой на творческом пути живописца стала его поездка в Индию в 1951—1952 годах. Он входил в состав делегации, сопровождавшей выставку произведений русского и советского изобразительного искусства. Земля, воспетая кистью В. В. Верещагина и Н. К. Рериха, поразила воображение художника. Особый интерес вызвала судьба простых людей, и мастер создает целую серию портретов, эскизов, зарисовок «Народные типы Индии». Широко и свободно написанные портреты отличаются яркостью и декоративностью красок, продиктованных самой природой. Вместе с тем необычайно остры социальные характеристики. В работах «Нищий в Бомбее», «Женщина с ребенком из Дарджилинга» — изможденные фигуры в жалких отрепьях, в позах отчаяние, измученный взгляд; а рядом с ними «Сикх в фиолетовой чалме», — мужественный, уверенный в себе. Индийцы часто наблюдали за процессом работы художника, их поражала его способность верно и умело передавать внешнее сходство.

Кроме Индии, Ефанов побывал в Италии, а позднее во Франции, Голландии, Испании. Знакомство с живописью великих мастеров прошлого обогатило его внутренний мир, способствовало расширению кругозора, совершенствованию собственной техники.

Один из лучших в творчестве Василия Прокофьевича — портрет Василия Николаевича Бакшеева, прекрасного советского пейзажиста, ученика А. К. Саврасова и В. Д. Поленова. Все живописные средства здесь подчинены идее наиболее полного проникновения в характер. Прекрасно написаны лицо, облик мудреца, погруженного в созерцание. Руки, на которых художник акцентирует наше внимание, как бы живут, передавая эмоциональное напряжение. В этом произведении Ефанову удалось достичь той гармонии, которая и отличает подлинное искусство.

Хочется вспомнить еще один портрет, относящийся к поре высшего расцвета его таланта, на котором изображен замечательный театральный художник Михаил Иванович Курилко.

Тонкий психолог, блестящий рисовальщик, великолепно чувствующий цвет, Ефанов создал десятки и сотни портретов передовых людей науки и искусства, рядовых тружеников. Работы его всегда полны жизнеутверждения, оптимизма — они являют подлинное лицо советского человека.

Выдающегося советского физика И. В. Курчатова он изобразил за работой, у письменного стола. Ученый на минуту откинулся на стуле, задумался. Умное, волевое, энергичное лицо, живой проницательный взгляд, словно устремленный в неведомое...

Женские образы Василия Ефанова полны прелести и очарования. Красота и одухотворенность, целеустремленность и порыв в облике молодой женщины на картине «Москвичка». Радостным ощущением юности, чистоты, веры в счастье и дружбу всех людей на планете пронизаны образы девушек в картине «После форума».

Творческое наследие Василия Прокофьевича Ефанова — большой вклад в советское изобразительное искусство. Мастер также вырастил и воспитал в лучших реалистических традициях не одно поколение художников. Его педагогическая деятельность началась в годы Великой Отечественной войны в Куйбышевской художественной студии, где он преподавал живопись и рисунок. А с 1948 года живописец руководил мастерской в Московском государственном художественном институте имени В. И. Сурикова, учил студентов не только владению профессией, но и хотел, чтобы в многообразии жизни они видели то качественно новое, что присуще нашей эпохе, советским людям.

За выдающиеся заслуги В. П. Ефанову в 1965 году было присвоено звание народного художника СССР.

Вместе со всей нашей страной он участвовал в строительстве нового общества, отдавая весь свой незаурядный талант и блестящее мастерство живописца служению высоким идеалам искусства социализма.

В этом году исполняется восемьдесят лет со дня рождения художника, шестьдесят из них были отданы творчеству.

«Портреты Ефанова,— сказал один из его биографов,— это памятники нашим современникам». Пройдет много лет, и потомки с благодарностью вспомнят этого замечательного художника, стоя перед его полотнами, отражающими столь правдиво и многогранно нашу действительность.

В. Ефанов. 1900—1978. В. И. ЛЕНИН И А. М. ГОРЬКИЙ В ГОРКАХ.

В. Ефанов. МОСКВИЧКА.

ВСЕГДА В ПУТИ

Виктор ПОЛТОРАЦКИЙ

1

Зовет нас даль непройденных дорог.
Услышав этот зов, душа томится,
И сердце жарче начинает биться,
Торопит:— В путь, скорее за порог!
А за порогом — Вечности исток.
Все в мире начинается с движенья:
Из родника река берет теченье,
Из спелого зерна проклюнется росток.
Из темной почвы тянется он к свету,
Чтобы процвесть и вновь родить зерно.
В движенье все как есть вовлечено —
Пылинки и огромные планеты.
Несется, движется, не ведая покоя,
Вся мировая бесконечность звезд,
Где Млечный Путь — всего лишь утлый мост,
Поднявшийся над темною рекою.
А человек? На зернышке Земли
Он, как молекула, невидимая глазом.
Но у него есть сила духа — разум.
И тем он, как Вселенная, велик...
С младенчества, от азбучных азов
Нам слышится дороги вечный зов.

2

Мне в детстве часто снились поезда,
Манили вдаль железные дороги.
Из глухомани, мальчик быстроногий,
Я убегал в большие города.
О, это был прекрасный мир чудес!
Дома, похожие на каменные соты,
Булыжник площадей, чугунные ворота
И труб фабричных бесконечный лес.
Да, да! И трубы, и над ними дым.
Чем гуще дым, тем знаменитей город,
Труда освобожденного опора —
В ту пору он казался мне таким.
Фанфары пели, ухал барабан.
И, развернув, как зарева, знамена,
По улицам, колонна за колонной,
Шагали пролетарии всех стран.
Я с ними шел. Шаг в шаг, к плечу плечо.
Душа моя в восторге ликовала,
И гордые слова «Интернационала»
С горящих губ срывались горячо...

3

И жили мы тогда на Гусь-реке.
На старой пильне, в глубине Мещеры,
За темным бором, будто за забором,
От магистральных линий вдалеке.
Ютился там домишко в три окошка.
Как странница — береза у ворот.
И от крылечка через огород
Петляла к речке узкая дорожка.
За речкой — лес, тогда еще густой,
Цедил настой целительной живицы.
В орешнике еще гнездились птицы.
На просеках ярился травостой.
В лесу ауканья не затихала звень.
Грибов и ягод урожай обильный
Ватажку детворы со старой пильни
Заманивал с утра на целый день.
Но лета благодатная пора
В свой срок сменялась осенью дождливой.
Как глухо, беспросветно и тоскливо
Ненастные тянулись вечера!
День убывал. Темнело в окнах рано.
Дрожал коптилки желтый язычок,
За печкой начинал пилить сверчок,
В углах шуршали сухо тараканы.
Дремота подступала понемногу,
А с ней видений пестрых череда.
И снились мне ночные поезда,
Манила вдаль железная дорога.

4

Из детских лет шагнул я за порог.
С тех пор уже полвека миновало.
И разных городов я повидал немало,
Немало трудных пройдено дорог.
А время, как река, бежит, течет.
Мгновенья наплывают на мгновенья.
Неутомимо память нижет звенья,
Верстающие жизни общий ход.
И в Книгу бытия занесены
Как из железа отлитые строки.
В них наших первых пятилеток стройки,
Могилы и пожарища войны...
Познали полной мерой мы в пути
Огонь и стужу, беды и победы.
Мы из мальчишек сами стали деды.
Да, жизнь прожить — не поле перейти!..
Привычно мне, что в городе мой дом.
С укладом жизни городской я свыкся,
Заботами его давно проникся.
Я здесь не гость за праздничным столом.
Есть у меня товарищества круг,
Союз единомышленников смелых.
Учителем завещанное дело,
Пока живем, не выпустим из рук.
Нам Ленин завещал мир перестроить так,
Чтоб всем досталось радости и хлеба,
Чтоб тучи зла не застили нам неба,
Чтоб был открытьем света каждый шаг.
В быстротекущей смене трудных дней
Мы многое еще не завершили.
И впереди крутой подъем к вершине,
Откуда цель заветная видней.
Движенья бесконечно. Но велик,
Необратим дерзанья жаркий пламень.
В дороге мы! Яснее перед нами
Родной Земли преображенный лик.

5

Взгляни на север, оглянись на юг,
За утренней зарей от Сахалина
До Закарпатья, взглядом соколиным
Окинь надежду и любовь свою.
Увидишь новой стройки города,
Садами окольцованные села.
И то, что зреет в поле хлебный колос,
И то, как в домнах плавится руда.
И словно тихий сон перед рассветом —
Над волжским плесом на угоре — Плес,
С церковной луковкою в зелени берез...
Но Волгу пенит белая «Ракета».
И мать-река течет среди равнин,
Струится за яры и за яруги.
Она качала разинские струги,
А нынче крутит лопасти турбин.
Какие дали стали нам видны!
Как будто окоем раздвинулся, стал шире.
Природными богатствами Сибири
Приумножается могущество страны.
Идет к нам из Тюмени нефть и газ.
Блестит Алдана русло золотое.
В Якутии над вечной мерзлотою
Звездой сияет Мирного алмаз...

6

Есть зов вперед, дающий силы нам,
Товарищества доброе общенье.
Но вместе с тем есть радость возвращенья
К истокам детства, к светлым родникам.
Мать-родина — огромная страна.
Она у всех одна и в радости и в горе.
Одна у всех.
Но на ее просторе
У каждого своя есть сторона.
И где бы ни был ты, в каком ином краю,
И кем бы ни был ты — строитель или воин,—
Великой Родины ты будешь недостоин,
Когда забудешь малую свою...
Как хочется, чтоб хоть приснилась мне
Овеянная тишиной покоя
Слободка старая над Гусь-рекою
В моей родной мещерской стороне.
Я обниму березу у ворот,

Ступлю на потемневшее крылечко,
Разуюсь, босиком пройду на речку
По теплой тропке через огород.
Чтобы упасть в траву среди цветов,
Вдохнуть всей грудью крепкий дух живицы,
Живой воды из родника напиться.
И вдруг услышать снова вечный зов.
Как в юности, он прозвучит опять.
И сразу в каждой жилке отзовется.
Сожмется сердце, горячо забьется:
— Скорее в путь, не в пору отдыхать!

7

Тревогой смутной шар земной объят.
Есть нелюди на нем, чья сущность зла и лжива.
Их символ веры — власть и страсть наживы.
Они над всем господствовать хотят.
С открытою душой народ моей страны
Протягивает людям руку дружбы.
А нелюди вовсю куют оружье,
Чтоб руки греть у очагов войны.
В них ожили Иуда и Пилат,
Двуличие и алчность фарисеев.
Они вражду и зло повсюду сеют.
В их Белом доме — темные дела...
И мухами над свалкой нечистот
Вокруг злодейства искони роятся
Предатели, лжецы и тунеядцы —
Все, кто неправдой на земле живет.
Им ненавистен наш высокий путь
К победе братства, мира и свободы,
Открытый Октябрем семнадцатого года.
Но жизни ход им вспять не повернуть.
С велением Истории в ладу
Свершается Земли преображенье.
Мир тружеников слышит зов движенья
И эхом откликается:— Иду!
И счастье наше в том, чтобы идти
С друзьями и товарищами в ногу.
К вершинам сообща торить дорогу
И быть всегда в пути.
Всегда в пути.

Б. ЛАБУТИН,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Кто не знает старую добрую «Аннушку»! Тридцать с лишним лет трудяга Ан-2, ветеран нашей авиации, перевозит пассажиров и опыляет поля, патрулирует нефтепроводы и ведет разведку недр. В этом году авиапарк страны получает пополнение. Новый самолет, преемник «Аннушки», создан в Чехословакии. В Москве и Саратове закончились его испытания.

Мы увидели его в ангаре летно-испытательного комплекса, он только что вернулся из города Иванова, где отрабатывалась посадка на грунтовой аэродром. В огромном пустом ангаре самолет выглядел игрушкой: 13 метров от носа до хвоста. А вместимость — 15 пассажиров. Современные плавные очертания, стремительный размах крыла. Летчики прозвали его «малым лайнером».

Мы в Государственном научно-исследовательском институте гражданской авиации — ГосНИИГА. Наверное, вы видели его светлые пятиэтажные корпуса рядом с аэропортом Шереметьево. Здесь получает путевку в небо вся гражданская авиатехника, эксплуатируемая на воздушных дорогах СССР. Владимир Константинович Соснин, заместитель начальника института, вел нас по лабораториям, и нам открывался мир, о котором мы часто не подозреваем, когда садимся в надежные комфортабельные лайнеры. Пожалуй, трудно найти другое изделие человеческих рук, которое подвергалось бы столь суровому экзамену, как самолет. В «Нормах летной годности СССР» более тысячи пунктов. По каждому должна быть проверена новая модель, прежде чем в нее войдут пассажиры. Ее испытывают в жару и мороз, дождь и снег, на больших и малых высотах. Приборы на борту фиксируют поведение узлов самолета вплоть до последнего винтика. На земле, в лабораториях, записи расшифровываются. Зал автоматизированной обработки материалов летных испытаний Владимир Константинович показывал с особой гордостью. За считанные часы километровые рулоны шифрограмм превращаются в четкие графики с помощью электронно-вычислительных машин, созданных также в рамках СЭВ в Болгарии, ГДР и Польше. Лаборатория открыта два года назад. Тогда же поступил на государственные испытания и наш «герой».

Официальное название — двухмоторный турбовинтовой самолет для местных воздушных линий Л-410УВП. Создан он в Угерске-Градиште, столице чехословацкого авиастроения, на самом крупном в стране авиазаводе «Лет». С первых дней испытаний в Москве и авторы новинки во главе с главным конструктором завода Ладиславом Смрчеком.

Вместе с ним листаем толстый альбом — историю чехословацкой авиации. Вот ее первенец «Шмолик-1» — «летающая этажерка» 1920 года... Четырехместный «Аэро» — с него два года спустя начались рейсы национальной авиакомпании ЧСА... 1926 год, спортивный «Авиа» — и победа на крупнейших соревнованиях тех лет на Кубок Италии. О чехословацких самолетах заговорил мир, их покупают многие страны. Дальнейшие планы перечеркнула фашистская оккупация.

— Фашисты разграбили нашу авиапромышленность. После освобождения мало кто верил, что она вновь достигнет довоенных высот, — вспоминает Ладислав Смрчек. — Но на помощь пришел Советский Союз. Узнаете? — опять раскрывает он альбом. — Ваши Як, Ил, МиГ. СССР передал лицензии на эти самолеты. В 1951 году строится наш завод. Что значили для нас советские лицензии? Знакомство с прогрессивными конструкциями и передовой технологией. Возможность наладить прежде небывалое по масштабам производство, а на этой основе возродить и развивать и собственные традиции.

И уже в 50-е годы — новый взлет! Учебный самолет «Тренер» получает диплом Международной авиационной федерации и экспортируется в 36 стран. На конкурсе тренировочной авиатехники государств — участников Варшавского Договора лучшим признается чехословацкий «Дельфин». Марина Попович устанавливает на нем мировой рекорд скорости. А вот и оригинальная разработка завода «Лет» — многоцелевой Л-200 «Морава». Но наибольшее признание — за неприхотливость, экономичность, комфорт — получила затем модель, вобравшая лучшее в чехословацком авиастроении: Л-410. Выпускается она с 1969 года, работает и сейчас в ЧССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Советском Союзе. Два года назад самолет был усовершенствован, еще более приспособлен к самым разным климатическим условиям. Так появился Л-410УВП — с укороченным взлетом-посадкой. Вот такая у него родословная.

— Выходит, что путь его в небо начинался в СССР, — говорит товарищ Смрчек. — Я на заводе с первого года, так что большинство советских коллег не просто мои партнеры, а давние друзья. Многие инженеры нашего бюро учились в МАИ. Есть общая с советскими специалистами программа научно-технического сотрудни-

сэв в действии

„ВЗЛЕТ РА

чества, прямые связи между институтами, министерствами, предприятиями. Более 20 процентов приборов на наших самолетах — из СССР.

Институт гражданской авиации, где мы встретились с главным конструктором, в октябре отмечает 50-летие. Здесь подготовлена выставка об отечественном воздухоплавании с тридцатых годов до наших дней. На ней обилие моделей, рекордов. Но если Чехословакия развивала легкую авиатехнику, то здесь прицел был взят на мощные самолеты, способные сокращать огромные расстояния. Две истории, два пути развития авиации... Сегодня они пересеклись, дополнив друг друга. В ЧССР эксплуатируются советские Як и Ту. Чехословацкий Л-410УВП готовится к стартам у нас.

Серийный образец будет отличаться от опытного. За два года совместной работы специалисты ГосНИИГА и инженеры завода улучшили аэродинамику самолета, управление, гидравлическую и противообледенительную системы.

— Мы довольны новинкой,— говорит руководитель испытательной бригады Владлен Валентинович Глазков.— Машина хорошо зарекомендовала себя. Садится на грунтовые, снежные аэродромы, покрытые слякотью, в распутицу. Современные навигационные приборы позволяют летать ночью, в тумане, при низкой облачности. Техника для местных линий была узким местом: самолет маленький, проблемы большие. Выход найден: специализация в рамках СЭВ.

На столе у Глазкова я увидел тоненькую красную книжицу с золотым тиснением и гербом — «Сертификат летной годности». «Удостоверяется, что вышеуказанный тип самолета... признан годным для перевозки пассажиров». Только что такие «права» получил и Л-410УВП. Десять машин уже прошли эксплуатационные испытания — примерку к будущим трассам — в Саратове. И мы отправились туда.

...В салоне уютно, просторно. Устраиваемся в мягких удобных креслах. Над каждым кнопка индивидуальной вентиляции и вызова экипажа.

— 67169 к взлету готов!

— 67169, взлет разрешаю!

Это бортовой номер нашего самолета. По маршруту Саратов — поселок Духовницкое его ведет пилот первого класса Вячеслав Шихалеев. И вот уже крылатая тень неслышно скользит над гладью Волги. Почти не ощущаешь вибрации, через овалы иллюминаторов — отличный обзор. Поля с курчавой бахромой лесополос, сады, похожие на клумбы, с трехсотметровой высоты виден каждый куст. Как же красива земля!

— Я счастливый человек,— убежден Вячеслав.— Мечтал о лайнерах, попал на Ан-2 — за двадцать лет ни разу не пожалел. Есть романтика и у «малых» воздушных дорог!

Л-410 Вячеслав увидел в прошлом году. И взыграла душа у бывалого летчика. Небо для пилота не сэкономленный миг, как для нас, пассажиров, а работа ежедневная, трудная. Новый самолет — современная машина, устойчивая в болтанке, легкая в управлении, с удобной кабиной, совершенными приборами. Когда появился Л-410УВП и было решено, что первым его станет осваивать Приволжское управление, Вячеслав поехал во Львов, там при отделении фирмы «Омнипол» учился у чехословацких летчиков. Наставника, Франтишека Свинку, так же влюбленного в небо, помнит до сих пор. Есть чехословацкие друзья и в Саратове: здесь работает сервисная группа с завода «Лет».

И все же комфорт важный, но не главный аргумент, когда решается судьба самолета.

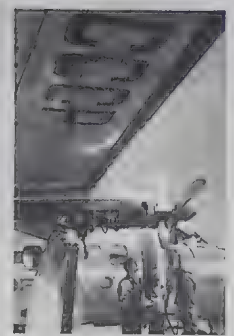
— Новый самолет намного повысит регулярность рейсов. И скорость у него вдвое выше, а это важно при наших степных просторах,— вспоминаю разговор с командиром Саратовского авиаотряда Н. И. Фурсенко.

До Духовницкого мы добрались за сорок минут, на «Аннушке» потребовалось бы часа полтора. Аэродром здесь — деревенский луг между домами и картофельным полем. К крохотному зданию аэропорта высыпали мальчишки и взрослые. Вячеслав махнул своим будущим пассажирам — скоро ждите! — и после короткой стоянки машина снова побежала по траве. В полетном задании значились еще Балашов, Александров Гай, Бакуры. На 18 из 28 трасс, обслуживаемых саратовскими авиаторами, выйдет «малый лайнер». Потом его получат и другие авиапредприятия.

А конструкторы из чехословацкого города Угерске-Градиште работают над новым проектом. Л-610, самолет следующего поколения, будет вдвое вместительнее и тоже для любых, самых отдаленных районов. Сотрудничество продолжается — на земле и в воздухе.

Главный конструктор завода «Лет» Ладислав Смрчек.

Техники чехословацкой сервисной группы в Саратове готовят самолет к старту.

В кабине нового самолета — пилот первого класса В. В. Шихалеев.

ЗРЕШАЮ!"

СВИНЦОВЫЙ МОНУМЕНТ

Сергей САРТАКОВ

РОМАН

Рисунки М. Петровой

Вот все это он и обязан запечатлеть в своих рисунках. Обязан, но не может. Не слушается перо. Он видит всю картину, соединяет зрительные образы с рассказанным Галиной, соединяет с собственной ненавистью, кипящей в душе, но все это целиком никак не вмещается на один лист бумаги. Надо писать по отдельности. Что? Каждого из толпы, сбитой к забору в ожидании расстрела? Каждого из повешенных, осыпанных серым инеем? Каждый дом, пылающий черным пламенем? Каждого гитлеровца, строчащего по женщинам и детям из автомата?

Все это сделать возможно, но тогда получится серия ужасов, серия его, путинцевских, «Капричос» и «Диспаратес», и не будет его, путинцевской, испепеляющей ненависти, включающей всенародную ненависть к врагу, цель которого не просто захват чужой земли, а истребление — истребление! — целого народа. Ах, как мал, как ничтожен его талант! И какое сейчас нравственное право имеет он на непослушных ногах передвигаться по медсанбату вместо того, чтобы лежать в окопе с винтовкой и, как сказать, может быть, не промахнуться по цели, прежде чем его самого срежет фашистская пуля. Не художники выигрывают бой, а солдаты.

Приходила Галина. Опускалась к его ногам, доверчиво клала ему на колени свои забинтованные руки, несколько пальцев пришлось ампутировать. Врачи говорили, что еще удивительный это случай, не окажись там Андрей — и она бы погибла через несколько часов. Ей было двадцать два года. Она рассказывала, что с Митей они поженились всего за две недели до начала войны и что ногу ему ниже колена отсек осколок вражеской бомбы при самом первом налете на Москву — бомбу фашисты сбросили, не долетев до столицы. А Митю тогда еще не успели призвать. Митя такой хороший-хороший был парень! Почему ее, Галину, не убили с ним вместе, не сожгли в дому, не сожгли живой на костре? Так торопились фашисты, даже керосин не успели плеснуть на дрова. Зачем ей одной жить на свете? Теперь только и дума: при тех пальцах, сколько осталось и когда заживут, разрешили бы ей остаться при госпитале, ухаживать за ранеными. А больше чего? Раз осталась жить — жить надо. И за себя и за Митю. И за всех, кто, как Митя, убит.

Андрей ей показывал свои рисунки. Очень его трогало доверительное обращение Галины «братка», напоминая о Мироне и вызывая желание относиться к ней тоже как к родной сестре. Столь открыта и доверчива всегда она с ним была в разговоре. Андрею хотелось, чтобы Галина высказала свое мнение — человека, не искушенного в технике рисунка,— о его работе.

Галина брала рисунки Андрея в руки бережно, словно они были тонкими золотыми листочками,— дохни, и разлетятся, словно снежинки. Вглядывалась и застывала в молчании. Иной раз строгом, печальном, иной раз гневном и яростном, но никогда равнодушном.

«Братка Андрей,— говорила она тихо,— если бы тебе пригодились и если бы я могла, я бы тебе отдала и все те пальцы свои, что у меня еще остались».

Она считала, что главное для художника — это его руки, пальцы. В них заключено все волшебство. Придумать можно что угодно, а вот нарисовать!.. Андрей пытался ее расспрашивать о подробностях, что, на ее взгляд, ему удалось, а что—нет. Галина стеснительно пожимала плечами:

«Не знаю я. Вот это чистая правда. А тут чего-то понять не могу. — И виновато добавляла:— Нарисовано здорово! Братка, ты на меня не сердись».

Андрей попросил ее рассказать подробнее, что произошло у них в доме, как вступилась она за Дмитрия и как замахнулся на нее фашист своим тяжелым пистолетом. Хочется нарисовать. Галина сразу словно бы померкла и затрясла головой. С мукой в голосе проговорила:

«Нет, нет, это нельзя рисовать. И Митю моего никак не рисуй. Вот как прошу!»

«Почему нельзя, Галя?»

Губы Галины совсем побелели.

«Да как же... Ведь Митя-то...— И притиснула руки, белые култышки в бинтах, к груди:— Он же ведь только здесь!»

И после того Андрей долго раздумывал над ее словами. Все можно нарисовать. Портрет человека. Его дела. Его движения, даже движение мысли. Можно душу самой Галины нарисовать, но нельзя нарисовать то, что хранит она в своей душе неприкосновенно и свято,— первую любовь. Никакого мастерства художника для этого не хватит: дескать, вот он, Митя, совершенно живой, такой, как был. Нет и нет, он все равно будет другой. Потому что настоящего, живого Митю знала только она. И сейчас только она одна видит. Настоящего, живого. На рисунке Митя, конечно, тоже останется жить. Но для нее умрет. Не надо силой врываться в такие тайники души, которые имеют только один вход. И только для одного человека.

А набросков разных сделаны груды. И по мере новой и новой дополнительной работы над ними он начинает все отчетливее понимать, что в широкие полотна никогда их развернуть не сумеет — не в его это манере — и не сумеет сделать серию офортов, подобных «Капричос» и «Диспаратес» Гойи, потому что и таланта у него изумительного нет такого и видят они мир по-разному. У Гойи фантазия, соединенная с реальностью, дает зримый образ того чудовища, с которым художник борется своим пером и кистью. В сознании Андрея фантастичные образы, гипербола, сарказм, гротеск никак не укладываются. Он видит ужасы только как чистую реальность. И через художественно убеждающую реальность рисунка хочет обратить внимание людей: «Глядите, вот она, действительность!»

Для него сейчас одна действительность — война. Судьба Отечества, судьба людей, ею захваченных. И если сражения выигрывают солдаты, а не художники, то художники обязаны на будущие времена в памяти народной закрепить великий подвиг солдат.

Он теперь уже многое знает, хотя войну вплотную увидел лишь на кромке ее гигантского полотна. В капле воды виден весь мир. В тех ужасах, что он увидел в безымянной для него деревушке, отражены все ужасы войны. Особой. Войны за жизнь. Насмерть. Третьего не дано.

И так будет долго. Каждый день. На каждом шагу вперед на запад по родной земле. И потом по чужой, нам ненужной, но минуя которую не дойдешь до Берлина. А только в Берлине возможен конец пути. И на всем этом долгом и тяжком пути он, Андрей, уже никак не может позволить себе того, что случилось сейчас. Медсанбат для него отныне словно запрещенное. Он должен делать свое дело не на больничных койках. А как? Андрей горько усмехнулся.

Одно, только одно — никогда, ни на волос, не отступать в своих работах от правды! Не малодушничать, если иной раз что-то не выйдет. Тогда опять начинать сначала.

Ему вдруг подумалось: Галина осталась без пальцев,— и непроизвольно пробежало в мозгу: без ласковых женских пальцев. Будут торчать вместо них короткие тупые культи. С ней Митя, которого нет. Она часто плачет. А цель свою в разоренной своей жизни все же определила. Перевязывая раненых, дойти до Берлина. Должен и он дойти.

Андрей зажмурился. И как бы весь шар земной перед ним медленно повернулся. Огонь. Разрывы бомб и снарядов. Ползущие по белому полю черные танки. Надрывный вой пикирующих самолетов. И смерть. И смерть. А все-таки жизнь господствует над нею.

И нет уже войны. И молодые зеленые березки лепятся по обрушенным кромкам окопов.

...Андрей Арсентьевич неохотно, медленным, тяжелым шагом вернулся к палатке. Постоял, вдыхая теплый, влажный запах тайги. Кинул недобрый взгляд на стоящую поодаль другую палатку. И что-то новое внутри у него ворохнулось — недоброе чувство уже к себе самому.

Кого ты винишь в случившемся? Вот ты создал в своем понимании негативную биографию Германа Петровича да и Зенцовых тоже. А какую они должны бы сложить для себя твою биографию? Вряд ли и для них ты ангел во плоти, ты, которому все не нравится, в особенности отношение Германа Петровича к Даше и беззаботная жизнерадостность Зенцовых. Ведь там, не в тайге, все они пользовались общим уважением. И никто из их окружения не считал, что Герман Петрович—плохой семьянин и неважный руководитель лаборатории. А Зенцовыми просто-таки восторгались: милые люди. Если быть совсем объективным, они жили как все. А именно объективности сейчас у тебя и не хватает. Ее отняла, заслонила Даша. Признайся хотя бы себе.

Как раз Германа Петровича все жалели. Дважды женился — и неудачно. Попадались совершенно пустые спутницы жизни. Они сломали ему и карьеру, замедлили продвижение в большую науку — эти красивенькие и очень молодые. Зачем же ты так?

И не разобраться, пожалуй, сейчас, кто и кого и понапрасну ли соблазнил составить эту компанию. Ясно только одно: он, Андрей Путинцев, зная, что Даша отправляется в таежный поход с малоопытными людьми, не поехать с ними не мог бы. В этом главное. В этом все.

И еще главное в том, что он полагал себя обязанным наконец найти «свинцового человечка». Это — веление совести; не оскорбить память отца, не превратить его честный, правдивый рас-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34—40.

сказ в беспочвенную красивую легенду. Не мог, не мог же отец все выдумать! Пусть не сыщется сам «человечек», но выходы-то свинцовой руды никуда не исчезли, хотя геологи и утверждают, что эти места все прочесаны, пройдены ранее и топтаться по тайге повторно нет никакого резона. Тем более, что письменных свидетельств никаких не сохранилось.

Однако ж самая большая ошибка с этим злосчастным таежным походом не в том, что подобралась очень не совпадающая по своим характерам группа, а в том, что с такой группой следовало ставить иные цели. Поиски же заветных нравственных святынь ему следовало продолжать, как и прежде, в полном одиночестве. Зачем, зачем он проговорился о «свинцовом человечке»! И о том, как искал могилу Мирона. Для других все это не больше как экзотика. Именно с этого началось и какое-то снисходительно-ироническое отношение к его, Андрея Путинцева, упрямству в выборе маршрутов, увенчавшееся полным захватом власти со стороны Германа Петровича.

И еще, еще одна ошибка. Самая ранняя. Не нужно было ему, художнику, коллективно работающему над созданием великолепного академического атласа «Фауна и флора СССР», а сверх того на детское издательство и в одном избранном жанре — живая природа,—соглашаться на побочную работу для научно-исследовательского института, в котором заведовал лабораторией Герман Петрович, и тем самым закреплять с ним, а значит, и с Дашей, знакомство. Ошибка — с Дашей знакомство? Чудовищно! Как путаются мысли в голове! И вот...

Уму непостижимо, как могут люди спокойно спать в той, большой палатке? Ах, этот дождь, дождь и черная, черная, непроглядная ночь! А Даша так боится в тайге темноты...

5

Андрей дошел-таки до Берлина. Трижды еще попадая в медсанбат, но уклоняясь от посылки в тыловой госпиталь. И каждый раз на той острой грани, когда вообще поднимался вопрос об отчислении его из действующей на фронте воинской части.

Он угадывал: ему помогал далекий, но имеющий большую силу Зыбин. Фамилия Зыбина часто упоминалась в приказах Верховного Главнокомандующего. О Зыбине писали в центральных газетах. Почетным считалось сражаться под начальствованием Зыбина. А личной встречи не получалось, хотя Яниш многократно передавал Андрею добрые слова, сказанные Зыбиным о его рисунках. Значит, следил за ним. И верил в него. А ведь среди тысяч и тысяч рисунков, сделанных Андреем, не так-то много оказывалось законченных целиком. Чаще наброски так и оставались набросками. И неизвестно, что попадалось на глаза Зыбину. Этого и Яниш не знал. Он пересылал в политотдел армии все рисунки Андрея подряд, по мере их накопления.

Дошел до Берлина и Яниш. После подписания акта о капитуляции фашистской Германии, выслушав сообщение об этом, он признался Андрею, что очень устал.

«В боевой обстановке спать я ложился — и сразу словно под воду уходил, все исчезало. А вскакивал после сна, как на пружинах. Побрился, умылся и готов ехать, шагать, бежать бегом. А теперь заснуть не могу, голова болит, раскалывается, и утром ноги словно чугунные. Хожу, пол боюсь проломить. Такие тяжелые шаги. И зевота одолевает, противная, тягучая зевота.— Недоуменно развел руками.— Вы этого, товарищ Путинцев, не испытываете?»

«Нет,—ответил ему Андрей. — Ноги у меня не чугунные. И голова не болит. Спать я стал крепче. Хуже другое: не сумел я сделать то, что должен был сделать».

«Вы сделали больше, чем могли. Говорю это без лести. Я видел, как вы работали».

«Согласен. Больше, чем мог бы, и меньше, чем должен был сделать. Тоже говорю честно».

«Ну, это за пределами моего понимания».

Андрей не кривил душой. Чувство невыполненного долга не покидало его. Да, работал он много и сделал много. И если мерить искусство рисунка обычными мерами, работал неплохо. Его рисунки ходили по рукам, ими восхищались, просили подарить на память.

Всех подкупало мастерство Андрея. Но сам он оставался недоволен. Точность, правдивость — да. Ему же хотелось добиться еще и набатной силы. В любой из каждой своей работы. Добиться той потрясающей силы, с которой он в большой серии рисунков изобразил трагедию Галины, все, что произошло в ту страшную ночь. Никто, разглядывая эту серию, не мог оставаться спокойным.

Он понимал: тогда это был самый первый и самый сильный, оглушающий удар войны. Потом, став повседневными, они уже не такой жгучей болью отдавались в его сердце. Ненависть к врагу накипала и становилась все яростнее, а в конкретные образы таким же палящим пламенем перетечь не могла — не хватало профессионального мастерства. Только сама Галина в рисунках удавалась Андрею именно так, как ему хотелось.

Галина тоже дошла до Берлина. В том самом медсанбате, в который она с обмороженными руками попала, снятая с не подожженного фашистами костра. Медсанбат передвигался на запад вместе с наступающими войсками генерала Комаровского, а стало быть, и вместе с редакцией дивизионной газеты, куда причислен был Андрей. Они виделись довольно часто. Галина радостно вскрикивала: «Андрейка пришел! — Поясняла:—Братец мой».

И бежала ему навстречу. Ластилась, обнимала. Сквозь гимнастерку Андрей ощущал ее маленькие тугие груди. Своими цепкими ладошками Галина стискивала Андрею руки, поглаживала нежно:

«Братка, береги это чудо — пальцы твои!»

И тихо радовалась, замечая в его руках блокнот и карандаш. А он боялся, как бы Галина не стала принимать искусственные позы. Он и сам не знал, почему ему хотелось рисовать Галину. Когда она моет руки, вытирает их полотенцем. Когда перевязывает раненых или поправляет подушки на их постелях. Когда с кем-то возбужденно спорит или внимательно вслушивается в чей-то рассказ. В каждом рисунке Андрею открывались все новые и новые черты и в облике и в характере Галины. Все более казались они ему привлекательными — преданность делу, доброта, доброта,— и очень тянуло сделать и для нее что-нибудь доброе, вызвать открытую, простодушную улыбку. Андрей показывал свои наброски, схваченные в тот миг, когда Галина представала немного смешной. Она вздыхала:

«Ой, как здорово! Видел бы Митя! Он посмеялся бы с нами».

Митю никак забыть она не могла. Каждый день вспоминала по многу раз.

Было. Один из тяжелораненых, молодой лейтенант Березин, которого после двух трудных операций решили врачи направить в тыловой госпиталь, при народе и при Андрее сказал ей:

«Золотая! Галя! Вот тебе мой адрес домашний, дай мне свой. Останемся живы, прошу, не откажи, после войны выйди за меня замуж. Врачам спасибо. А все же это ты меня у смерти отняла, твой милый взгляд, твои заботливые руки. Полюбил я тебя, при всех признаюся».

Очень искренне говорил лейтенант. И все кивали головами сочувственно. Потому что на фронте, случалось, на любовь смотрели как на мгновение забытья: хоть час, да мой, война все спишет. Лейтенант молил, ждал ответа, но Галина беспомощно оглянулась.

«Андрейка, ты хоть ему скажи: не могу я. И никогда. Ни за кого не пойду.— Багрецом зардевшись, еле слышно прибавила:— Даже за тебя не пошла бы».

Ему долго потом чудился сбивающийся, тихий голос Галины и виделись ее щеки, залитые жарким румянцем. Почему? Ведь все это противоречило сказанным ею словам. И не знал он сам, как к ним отнестись. Он сделал вид тогда, что ничего не понял, не расслышал. Как будто и никто не обратил внимания. Галина же несколько недель избегала с ним встреч даже тогда, когда такие встречи напрашивались сами собою. Андрей не находил объяснения этому.

О Галине он думал лишь как об очень хорошем и несчастном человеке. Хорошем тем более еще и потому, что несчастье свое она переносила стойко.

И когда Андрей думал так, ему почему-то вспоминались слова Зыбина, сказанные при последней с ним встрече в Чите: «Ты холост, тебе еще, возможно, неведомо чувство чистой и единственной любви. А без Нины, чем и когда бы теперь ни кончилась война, для меня жизни полной, многоцветной уже нет. И не будет».

Вот, видимо, так и для Галины. Остался ей с изуродованными руками свет один: самозабвенно ухаживать за ранеными. Ведь и Зыбин тогда прибавил: «И из армии, если останусь жив, я теперь никуда не уйду, стариком, инвалидом — все равно, в любом качестве и любом звании, буду нести свою службу».

Зыбин не дошел до Берлина. В звании генерал-полковника, готовясь принять командование фронтом, он был убит. Слишком отчаянно, смело, держал себя при обходе, проверке боевой готовности войсковых соединений на передовой линии.

Известие о гибели Зыбина Андрей принял так, словно на него обрушилось небо. Долго ходил, ни с кем не общаясь, не разговаривая. Вызывал перед своим мысленным взором его внешний облик и повторял про себя: «Вот чей портрет написать я должен. Не тот, что знают все по фотографиям генерала Зыбина. А единственный, который ведом только мне».

Он сделал несколько эскизов. И все отложил в сторону. Зыбин получился. Не схожий со своими генеральскими фронтовыми фотографиями, а схожий именно с тем комдивом, что впервые врезался в память Андрея словно летящим над снежным полем, где проводились учебные стрельбы. И еще — чуть-чуть с тем Зыбиным, что тяжело приподнял голову при появлении Андрея в его кабинете в Чите и ладонью как бы умыл лицо, прежде чем заговорить — открыть свою душу. Это было хорошо, именно к этому стремился Андрей, рисуя по памяти Зыбина, и все-таки этого было мало. Недоставало в набросках портрета еще того человека, что, невидимый и безмолвный, настойчиво и властно определял жизненный путь Андрея на самых решающих поворотах.

Пусть над рисунками поработает время. Может быть, спокойные мирные дни лучше, чем военные тревоги, подскажут, помогут найти пока еще не открытые мягкие черты в облике «каменного комдива». Хотя...

Хотя ведь сам же Зыбин сказал, что служба в армии всегда была и будет для него главным делом жизни и что в армии это нужно — быть каменным.

Быть каменным... А только ли в армии? Теперь, когда затих железный скрежет танковых сражений и земля не вздрагивает от ударов тяжелых снарядов, надо заново определять себе место в жизни. Но чем бы ты ни занялся, за спиной все равно неизгладимо будут стоять грозные тени войны и нелегко будет вспоминать о чем-либо веселом, перебирая листы бумаги с запечатленными на них картинами страданий народных.

Быть каменным... И Андрей ощущал, что он становится каменным. К той окаменелости сердца, что возникла у него после гибели Мирона и жестоких слов Ольги, теперь прибавлялась и другая — невосприимчивость к боли. Своей. И чужой.

Свою, самую затяжную и мучительную боль, когда против воли темнело в глазах и холодная испарина покрывала лицо, он приучился выносить, спокойно выполняя начатую работу, если не впрямую, руками, так мысленно. Ему казалось, что в эти минуты, иной раз долгие, он покидает самого себя и смотрит на побледневшего Андрея Путинцева откуда-то со стороны. В чужую боль — а эта боль опаляла сильнее — он, наоборот, сначала как бы вливался сам с тем, чтобы потом отстраниться от нее, как и от собственной боли.

Но все это незримо и таинственно свершалось у него в душе, а по внешности только тяжелый, свинцовый взгляд, неподвижные мускулы щек и плотно сжатые губы. Он и сам не заметил, как постепенно накопились эти в нем изменения и сделались постоянными. Даже был удивлен, когда — перед штурмом Берлина,— вручая ему партийный билет, Яниш воскликнул: «Да ты хоть сейчас улыбнись!» Вот так. И разве же он в тот необыкновенный час не сиял радостным чувством глубокой внутренней удовлетворенности?

А после, оставшись один, разглядывал маленькую красную книжку и думал: какие же новые человеческие обязанности накладываются теперь на него сверх того, что он нес всегда? Он хорошо знал историю партии в рамках Краткого курса, знал хорошо и Устав. Получалось, что и до вступления в партию, еще комсомолец, был он уже коммунистом. Стало быть, и вся разница заключалась лишь в его возрасте. Столь ли большая? Какой порог жизни перешагнул он сейчас? Тоже нет никакого явно ощутимого порога. И все-таки... Андрей стал словно бы шире в плечах. Сделался взгляд острее. И труднее выговаривались даже самые обиходные фразы, содержащие местоимение «я», они теперь всегда как бы проверялись строгим голосом совести.

Вечер перед отъездом Андрей провел с Янишем. Вспоминали свой долгий совместный путь к главному логову врага. Вспоминали хороших людей, погибших в боях или которых развели с ними иные дороги войны. О мрачных полосах фронтовой жизни говорить не хотелось. Андрею в особенности. Эти мрачные полосы, засвидетельствованные его рисунками, были словно бы упрятаны вместе с листами бумаги на самое дно большого дорожного чемодана.

Яниш расспрашивал Андрея — они теперь были прочно на «ты»,— чем он намерен заняться «на гражданке». И Андрей сразу не мог найти твердого ответа.

— Буду работать.

— Ну, это не новость. И каждый должен работать. Ты же не будешь добиваться установления какой-то там группы инвалидности! Хотя и мог бы, конечно.

— Зачем ты говоришь об этом? Знаешь и сам, я никогда на инвалидность не выйду и пенсионером не стану.

— Не хочу быть вороном. А так, теоретически. Ведь может же случиться полная утрата трудоспособности.

— Полной, — подчеркнул Андрей, — случиться никогда не может. Следует найти способ ее преодолеть.

— А если не удастся?

— Тогда найду уже совсем другой способ,— решительно сказал Андрей.

Яниш помолчал, обдумывая ответ Андрея. Что-то хотелось ему возразить, резко, осуждающе, но вдруг потеплел.

— Ладно, давай начнем сначала. Видится тебе какая-то совершенно определенная работа? И город? Либо едешь наугад? Спрашиваю потому, что, может быть, помощь с моей стороны нужна. Силен я не очень в таких делах, но все же...

— За помощь спасибо. Но еду я в родные места. А дома и стены помогают. Устроюсь. Скорее всего, опять учителем рисования.

— И только?

— К другой работе я не способен. Хотя, пожалуй, маляром...

— Вот тебе на!

— По-честному, и я так подумал. Физически, конечно, я стал вроде крепче, надежнее. Но ведь и детишек рисованию кому-то надо учить. Это же очень важно.

— Важно до чрезвычайности!

— А тут рука меня все же слушается. И глаз хорошо ухватывает. Где больше пользы я принесу?

— Знаешь, Путинцев, ты не прибедняйся, ты пробивай себе дорогу в большое искусство. Это и право твое и обязанность.

— Пусть пробивают дорогу мои рисунки, если они этого стоят, а себе я ничего пробивать не стану.

— Софистика! И глупая. Как можно отделять личность художника от его творений! Пробивать не значит быть нахалом. Пробивать — идти к твердо намеченной цели. Пробивать — это отбрасывать в сторону мешающие завалы. Из бесполезного камня, коряг и прочего мусора.

— Рука мастера может сотворить чудо искусства и из обыкновенной коряги и из любого камня. А я еще не такой мастер.

— Такой! Почти такой. А чудо искусства не создается из любой коряги и из любого камня.

— Пусть не из любого, — помедлив, согласился Андрей.— Но не могу я бить себя в грудь и восклицать: «Смотрите, вот я — художник!»

— Давай, буду я стучать в свою грудь и восклицать: «Смотрите, вот он — художник!»

И оба рассмеялись. А разговор окончился как-то ничем.

7

Поезд шел медленно, с частыми продолжительными остановками даже на небольших разъездах. Приходилось пропускать встречные составы или становиться под обгон. Эшелон, в котором ехал Андрей, не обладал никакими преимуществами перед другими поездами. Но это не тяготило. Теперь особенно спешить было некуда. Угнетало другое. Руины, бесконечные руины по обеим сторонам железнодорожного полотна. Нет городов и сел, нет станционных построек, одни печальные развалины, мертво глядящие окна в редких неразбитых домах и черная гарь, устилающая улицы.

В движении с боями на запад все это оставалось словно бы за спиной, в какой-то смутной надежде, что будем вот возвращаться домой и все, ныне разбитое, тем временем встанет из пепла, как по весне подымается от земли молодая зеленая трава. А может быть, это встретилось лишь на моем пути, а где-то в стороне и не было совсем сражений, и не рвались снаряды, и не пылали все сжигающие пожары войны. Иной раз, где-нибудь на быстром марше пробиваясь сквозь пламя, Андрей ловил себя на мысли, что этот дом, завод или колхозная ферма не догорит, кто-то, идущий вслед, его погасит.

Теперь он видел, как неохватны и страшны жестокие следы войны. Многие развалины по времени настолько завеяны пыльными ветрами и выщерблены зимними морозами, тронуты — металл или дерево — ржавчиной или плесенью, гнилью, что, кажется, засасывает их неведомая сила вглубь, в пучину. Так — из окна вагона — много дней подряд. И хотя вокруг неоглядно разливались поля и луга, на деревьях молодо трепетали не развившиеся еще листочки, Андрей не мог преодолеть в себе чувства подавленности. Что может и что должен сделать он, лично он, чтобы быстрее зажили глубокие раны на теле родной земли?

Куда яснее для него было это, когда он в Чите стоял перед Зыбиным и убеждал «каменного комдива» направить его добровольцем на фронт. Именно там прежде всего решалась судьба страны, решалась с оружием в руках. Но Зыбин тогда сказал: «Твое оружие — кисть, карандаш — сильнее, чем твоя винтовка, ибо ты стрелок плохой, а художник хороший. Ты можешь и ты обязан изобразить страшную правду войны, обостряя у людей чувство ненависти к врагу. Только на этих условиях помогу я тебе — белобилетнику — стать в боевой строй». Зыбин помог. И три с половиной года он, Андрей Путинцев, честно выполнял условия комдива, зная, он тоже в солдатском ряду, его рисунки печатались во фронтовой газете и даже в «Красной звезде». И не раз ему объявляли благодарность от высшего командования. Два ордена Отечественной войны и несколько медалей — это тоже награды за его ратный труд. Каждый наступающий день требовал от него точно определенной работы. И он ее выполнял. Как приказ. Без принуждения, а горя неизменным чувством своей прямой причастности к сражениям передовой линии фронта.

Теперь кто, кроме собственной совести, отдаст ему такой приказ? И достаточно ли только такого приказа? Там, на фронте, от него нетерпеливо ждали новых рисунков. Кто и почему теперь будет их ждать? Что станет он теперь рисовать? Как школьный учитель — морковки и ромашки, домики с трубой? Другой профессии у него нет. Да ведь и школьным-то учителем, по существу, он работал очень и очень короткое время.

Эта мысль не давала Андрею покоя. Дело не в заработке. Он может и вновь, как было в родном городке Чаусинске, взять в руки малярную кисть. Когтистая пуля хотя все время напоминала о себе, но с нею он все же дошел до Берлина. Неужели в условиях мира она ему как раз и не даст жизни? Даст. Дело в ином. Он действительно кое-что умеет нарисовать так, как не умеют другие, хорошие, признанные художники. И тогда, значит, ему надо п р о б и в а т ь дорогу в большое искусство, как настаивал Яниш. А это так чуждо его характеру. Но даже если так, с чего он должен начать? Те бесчисленные рисунки, что бегло набрасывал он ежедневно, порой по двадцати—тридцати, не отрываясь от блокнота, все эти рисунки частично куда-то отосланы Янишем, и неизвестна их судьба, частично же — и в большей степени — выброшены им самим. Как неудачные. Как кипа бумаги, которую нет возможности и надобности повсюду таскать за собой.

При нем в чемодане есть несколько сотен по-настоящему отличных эскизов, хотя и нуждающихся в известной доработке. Ими он очень дорожит, эти эскизы возникли в минуты необычайно высокого душевного напряжения, чаще — гневного и скорбного, но они как раз и не для показа, чтобы этак с ходу похваляться перед незнакомыми людьми своим мастерством. Нет, надо думать и думать.

А пока думать еще и о другом: что ждет его в родном городе? Куда бы он потом ни устроился, он прежде всего должен повидаться с матерью. От нее приходили письма. Наигранно веселые: не жизнь, а просто масленица. Но он читал между строк: здоровье стало неважное, грызет тоска, тревога за его благополучие и с топливом, с продовольствием плохо.

Конечно, надо мать вытащить из Чаусинска. Быть им надо вместе. Это — давнее решение. Помешала война. Правда, сейчас определенности у него стало и еще меньше, со Светлогорском связи оборвались, постеснялся с фронта писать Седельникову. Это звучало бы: кто действительно хотел пойти добровольцем, тот своего и добился, ну, а кому «сверху» сказали: «Пока подожди»,— тот и рад был за такие слова уцепиться. А Седельников — человек острый, как ни сглаживай эту мысль, он сразу поймет. Камнем на сердце ему ляжет обида, потому что кто уж кто, но Алексей Седельников не сфальшивит. Впрочем, может быть, и зря, что ни разу не написал. Выходит, не поверил товарищу. И если теперь бросать якорь опять-таки в Светлогорске, а Седельников по-прежнему на своем месте, как обойдешь его, как ему не покажешься? Трудный получится разговор.

Да столь ли уж трудный? Друзья же все-таки...

Промелькнула мысль и об Ольге. Вот уж с кем в Чаусинске не встретиться бы! Но эту мысль заслонило воспоминание о том, как прощалась с ним, провожала на поезд Галина.

Состав долго не подавали. На перроне была невообразимая толчея. Песни, пляски, играли вразнобой три или четыре гармони. Солдаты и офицеры, одни прогуливались в обнимку, другие, образовав небольшие кружки, травили веселые анекдоты и заливисто хохотали. Яниш с редактором газеты — тоже провожающие — куда-то отлучились, и Галина торопливо поманила Андрея немного в сторонку, к стене вокзала, где было не так суетно.

«Знаешь, Андрейка,— сказала она.— Посоветуй, что же мне все-таки делать. Таила, таила в себе и не могу больше. С кем, кроме тебя, поговорить? Хорошо, что ты еще не успел уехать».

«А что тебя томит, Галя?»— спросил Андрей.

Он давно уже стал замечать перемены в настроении Галины. Что-то частенько она стала делать ошибки в перевязках, не так ловко, как прежде, накладывала бинты. Рассеянно выслушивала замечания врачей. Не сразу отзывалась на оклик. И в разговорах с ним, с Андреем, забывала свои же собственные слова, только что сказанные.

«Ну что мне делать? Что мне делать? — повторяла Галина. — Митя стал куда-то отходить от меня! Не могу даже вспомнить голос его, как я ни прислушиваюсь. И лицо его тонет в тумане, разве что глаза одни остались».

«Времени много прошло»,— сказал Андрей. А сам подумал: да так ли уж много? Он, например, хорошо помнит и голос и лицо Мирона, отца. Помнит и голоса Ольги, Жени.

«Говорю с ним, а он молчит. Не так, чтобы серди лся, а просто ну нет его. И все».

«О чем же ты его спрашиваешь?»

Галина помолчала. Короткими обрубками пальцев провела по рукаву гимнастерки Андрея.

«Как думаешь, сколько прожить я могу на свете?»

Ему хотелось засмеяться. Но даже улыбки не получилось. Сказал серьезно:

«Ты здоровая, сильная. Проживешь долго».

«А все равно ведь повяну. И ничего после меня не останется».

«Так и с каждым, Галя».

«Почему с каждым? У других останутся дети».

Галина смотрела ему прямо в глаза и все поглаживала руку. А он потупился, отвел глаза в сторону, не знал, что ответить. Зачем Галина задает именно ему такие вопросы?

«Наш медсанбат теперь расформировывать будут,— снова заговорила Галина и прикусила губу, постояла так, превозмогая готовые набежать слезы.— Куда я тогда? Кому я нужна с такими култышками?»

«Так и будешь работать по специальности. Ты ведь хорошо приспособилась. И еще подучишься. На медсестру».— Он не решился сказать: на врача.

«Нет, Андрейка, на медсестру мне не выучиться. Я же своими култышками не все могу сделать — тонкую работу. Санитаркой только... А вдруг поставят на инвалидность, назначат пенсию. Это же для меня лучше в гроб».

И снова Андрей не знал, что ответить. Не простых ведь слов утешения ищет у него Галина, а ждет серьезного ответа. Можно понять ее тревоги. Вся жизнь у нее еще впереди. Сделай один неверный шаг, и неизвестно, как потом она сложится. Действительно, вряд ли ее «на гражданке» возьмут в школу медицинских сестер. Ее и в медсанбате оставили только при заступничестве Янниша.

«Не знаю, Галя. Ты-то сама как думаешь?»

Нехорошо стало Андрею. Даже соломинки не бросил он утопающему. Выплывай, как хочешь, а я посмотрю.

Галина сняла свою руку с его гимнастерки. Горько проговорила:

«И не знаю даже, сколько раз все передумала. Да не додумалась. Потому тебя и спросила. Ты же для меня больше, чем кто другой».

Страшно не подтвердить этого. Человек ждет, человек верит. Уклонись еще раз от прямого, твердого ответа, и рухнет для Галины вот это светлое, голубое небо, придавит ее своей неимоверной тяжестью. Почему-то вспомнилась Женя. Прощание с нею.

«Галя, для тебя я сделаю все, что смогу. Скажи, что я должен сделать?»

«Опять: скажи...— Она отрицательно покачала головой.— Делать ничего не надо, я только просила совета».

«Мне трудно, Галя. Мне казалось, если бы ты сначала...»

Галина протянула перед ним свои изуродованные руки. Быстро сказала: «Возьми меня замуж»,— и обессиленно поникла головой.

Андрей вздрогнул от этих прямых, ясных слов. Он уже смутно угадывал, что у Галины созрело какое-то твердое решение и только хочется ей, чтобы оно прозвучало добрым советом от его имени. Но не это ему виделось, только не это. Тем более не это, что когда-то она же сама, отвечая на просьбу раненого лейтенанта выйти за него замуж, принародно заявила: «Никогда ни за кого не пойду.— А ему, только ему, Андрею, прибавила:—Даже за тебя не пошла бы». И всем своим поведением потом подтверждала это. Что же значат теперь ее слова? Слова, на которые и совсем невозможно ответить. Галине действительно он желал всегда только добра: Уважительно думал о ее преданной любви к Мите, заставлявшей его иной раз и поколебаться: может быть, и существует все же на свете истинная женская любовь? И еще раз все рухнуло. И эта теперь, как Женя Рыбакова, бросится ему на шею и станет целовать. Вот почему она и о Мите заговорила: «Стал он отходить от меня».

«Тебе нарочно я свои култышки сызнова показала,—расслышал Андрей заглохшими ушами.— Это чтобы тебе легче было выговорить: не возьму. А мне легче такие слова от тебя услышать. И чтобы ты знал, в который раз повторяю: после Мити любви у меня уже нету. А замуж выйти хочу. Такого совета и у тебя спрашивала. Мне лейтенант Березин все пишет и пишет».

Невыносимо стыдно стало Андрею. Нет, это

не Женя в чувственном своем порыве. И не холодный деловой расчет. Тогда совета от него Галина и не стала бы добиваться. Что-то еще она не досказала. Или он не сумел сразу понять.

«Галя, ты прости меня, но если пишет Березин...»

«Наверно, любит. Нужна я ему и такая. Разве не мог бы он себе какую хочешь красивую найти?»

«А как же ты?»

«Меня два раза фашисты убивали, а я все не убитая. Живу. И жить хочется. Митя уже не вернется. Скоро и совсем уйдет. Тогда с чем же я останусь? Уж и совсем ничего?»

«Так ведь Березина ты не любишь! Сказала сама...»

Галина тихо вздохнула, умоляюще посмотрела на Андрея.

«Стану любить его детей. Если родятся от него дети. Они же вперед всего будут моими детьми, и когда помру — в них я останусь, кровинка живая моя».

«А не будет это обманом Березина? Если дети от него не родятся?»

Андрею хотелось в полный голос, гневно выкрикнуть эти слова. Он едва сумел удержаться. Вытянулся, прямой, холодный. А Галина этого не заметила, с прежней доверительностью спросила:

«В чем же я его обману? Все равно буду честной женой. Все как надо. Так и заранее, еще в своем письме, ему объясню. Пусть решает».

«Вот так! «Пусть он решает». А ведь это решить ты одна должна. Зачем же его испытывать?»

Грустная усмешка тронула губы Галины.

«А ты не подумал, Андрейка, что мужчине женщину обманывать легче?»

Подбежали, запыхавшиеся, Янниш с редактором газеты. Янниш подхватил чемодан Андрея.

«Состав подают. Вместо второго на пятый путь. Айда скорее. Место занять получше».

Место удалось занять очень хорошее. Но прощание получилось каким-то скомканным. В толкотне пожали друг другу руки. Галину, по вспыхнувшей к ней жалости, он хотел поцеловать в щеку — не трясти же твердую култышку!— но встретился с ее губами...

Теперь он ехал, смотрел в окно на черные остовы обрушенных построек и возвращался мыслью к последним словам Галины. Да, тяжело ей до конца дней своих оставаться совсем одной. Но лучше ли быть вдвоем, все-таки чувствуя себя одиноким? «Стану любить его детей. Если родятся дети». Вот эта любовь, наверно, бывает всегда без обмана. В эту любовь нельзя не верить. И Галина ищет сейчас только такой любви. Можно ли осудить ее за это? Хоть что-то должно остаться человеку! Годится ли каждого мерить только на свой собственный аршин?

Почему Галина доверилась ему? Среди подруг своих по медсанбату можно было найти лучших советчиков. Женщина — женщине. Однако ж она открылась во всем мужчине. Может быть, думала, вдруг скажет: «Галя, выходи за меня замуж!» Ведь близко же было к такому ответу. Слова сорвутся, их не воротишь. И тогда, если честен, надо обещание выполнять. Галина знала давно, что на ветер он слов не бросает...

Стой, стой! Ну, а разве ты не знал Галину тоже очень давно? И ты допустил, ты смог допустить сейчас мысль такую...

Андрей приник головой к оконной раме. От нее пахло паровозным дымком, видимо, где-то наружный воздух пробивался внутрь вагона сквозь щели. Этот дымок легкой горчинкой ложился ему на губы. Да, вот таким был и нечаянный поцелуй Галины. Он не обжег его таинственной сладкой неизведанностью, как первый Ольгин поцелуй или горячий, наполненный откровенной страстью поцелуй Жени. Но все-таки Галине, видимо, хотелось прикоснуться к нему губами, иначе она успела бы отстраниться. Не отстранился и он. Он тем более успел бы. А теперь думай, Андрей, почему ты не успел...

Продолжение следует.

«На Дальнем Востоке... Завершить сооружение Зейской ГЭС, развернуть строительство Бурейской ГЭС...»

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

адреса великих свершений

Борис СМИРНОВ,
фото Сергея ПЕТРУХИНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

ПЛОТИНА НА ЗЕЕ

Встреча с каждым новым для тебя местом — это прежде всего ожидание. Ждешь каких-то маленьких открытий, неведомых впечатлений чего-то главного, что не удалось тебе узнать до сих пор...

Впереди была Зея. Точнее говоря, Зея была внизу. Пока под самолетом проплывали ее плавные речные изгибы, бесчисленные протоки и ручьи, я еще раз просматривал все заранее выписанные в Москве сведения о реке и о городе, ее [illegible] Одна из крупнейших рек Дальнего Востока... Начало берет на склонах Станового хребта, отличается бурным [illegible] паводками, нередко вызывающими наводнения... Ага, вот несколько строк [illegible] 1928 года: город Зея почти полностью затоплен, вода [illegible] дома, уничтожены [illegible]. А вот о самом городе: в сентябре 1879 года у [illegible] Мориц построил склад с товарами для [illegible] ... Более [illegible] [illegible] Черняево. С 1906 года — город Зейская Пристань, с 1913-го — город Зея. В 1970 году здесь было около 17 тысяч жителей, [illegible] [illegible] строительство одной из крупнейших в стране, Зейской ГЭС [illegible] гидротурбин, [illegible] города Зея в честь столетия [illegible] [illegible] ...

...С первых же шагов просто ошеломляет густой хвойный запах, висящий в жарком воздухе зейского аэродрома. Да, Сибирь! Прижались к краю поля вертолеты. Бревенчатый дом аэропорта, бревенчатая вышка диспетчерской службы... Уже вкуснейший земных тягот автобус везет нас к городу сквозь березовый перелесок, потом за окном болото, потом снова березы, сосны, лиственницы... Первые дома на окраине — небольшие, вроде сельских, деревянные постройки. Резные наличники на окнах, деревянные заборы, ворота... Кто-то из прилетевших пассажиров, нагнувшись к соседу, громко пошутил:

— А что, плотина тоже деревянная?

Каждый город, если присмотреться, домами своих застроек говорит об истории так же, как дерево — годовыми кольцами на срезе. Вот промелькнул уголок, в котором хоть сейчас снимай кинофильм о прошлом Сибири: дом с деревянной башенкой, — ему никак не меньше ста лет. Небольшая площадь, кирпичные здания — это, конечно, застроенный не так давно административный центр Зеи. А еще через несколько [illegible] рядами идут [illegible] дома — точно [illegible] со строек Братской, Красноярской ГЭС, из Усть-Илимска... Улицы стали шире. Вот [illegible] Дом культуры, а [illegible] Что, [illegible] [illegible] с современностью! Но автобус идет дальше, поднимается в гору и [illegible] опять въезжает в [illegible] город.

[illegible]

вечером в открытые окна залетают к тебе «на огонек» лесные жуки и мохнатые бабочки...

— Это место как считается — поселком? — спрашивал я у местных жителей, и они немного обиженно отвечали:

— Нет, просто город.

— Городской микрорайон? — настаивал я, и мне терпеливо объясняли:

— Да нет, просто Светлый. Здесь раньше в основном гидростроители жили, а теперь все селятся. Если нужен точный адрес, так и говорят: город Зея, Светлый...

Но, может, даже не многослойность города стала для меня главным впечатлением первых дней в Зее: повсюду — в разговорах, в строках местных газет, даже в лицах людей я замечал смесь радости с грустью, во всем почти зримо обозначалась какая-то жизненная грань. Впрочем, загадки не было — город и в самом деле оказался сейчас на стыке двух периодов. Подошла к концу огромная стройка, многие годы будоражившая всю округу. Спали долговременное напряжение, привычная предпусковая лихорадка... Ведь с самого своего начала стройка все время жила в ожидании каких-то больших событий: первый ковш земли, первый бетон, перекрытие Зеи, потом начались ударные вахты по пуску гидротурбин. А сейчас все как-то вдруг оказалось позади. Устарелым выглядит щит со словами «До пуска последнего агрегата осталось... дней», еще стоят опустевшие трибуны праздничных митингов... В коридоре управления «Зеягэсстроя» мне попалась на глаза стенгазета с не успевшими еще выцвести рапортами строителей, с победным рапортом о первых оборотах шестой, последней по счету зейской турбины, и в строках репортажа своеобразно все та же грусть расставания. Оказывается, совсем недавно сформирован и отправлен на Бурейскую ГЭС ударный комсомольский отряд зейских гидростроителей, только вчера ушли туда же баржи с оборудованием.

Неподалеку от стенгазеты на одной из дверей табличка: «Группа проектирования Бурейской ГЭС». И еще более конкретно обрисовал мне, так сказать, положение дел один из самых знатных бригадиров зейской стройки, Герой Социалистического Труда Иван Иванович Евсеев:

— Сложнейшее время в жизни гидростроителей: стройка на финише, что дальше? Вроде и на новом месте ты со своим опытом нужен — и здесь дал корни... Вот и мучаемся, кому куда... У меня, например, бригада как барометр стройки: обычно в ней работает человек шестьдесят, в жаркие периоды стройки приходилось укрупняться до ста двадцати человек, а вот сейчас меньше тридцати осталось.

— А вы, Иван Иванович, сами-то как решили?

— Я, пока полностью ГЭС не закончу, не уеду. По плану работы до сдачи в эксплуатацию еще года полтора продлятся, вот тогда и буду решать. У меня, знаете, принцип — строить ГЭС от начала до конца. Эта, Зейская, у меня уже третья, а начинал я с Иркутской ГЭС, потом была Братская...

— И как же, Иван Иванович, вы со стройки на стройку всей бригадой переезжали?

— Нет, не получалось. Костяк бригады, правда, удавалось сохранить, а на его основе заново создавался коллектив. И то — вспомните, когда Иркутская строилась? В середине пятидесятых, сколько лет-то прошло...

Мы стояли в саду небольшого домика семьи Евсеевых. Иван Иванович аккуратно подрезал ножницами кусты малины. Яблони, посаженные им когда-то, уже готовились дать свой очередной урожай.

— Я еще так скажу, — задумчиво продолжал бригадир, — дело ведь не в том, чтобы с места на место кочевать. Вот сейчас на многих стройках работают бригадиры, начальники участков, даже руководители, которые когда-то у меня в бригаде плотниками начинали. Выросли, выучились, разлетелись.

Заместитель главного инженера строительства Зейской ГЭС Р. О. Гадасс. * Заполнение рукотворного моря продолжается.

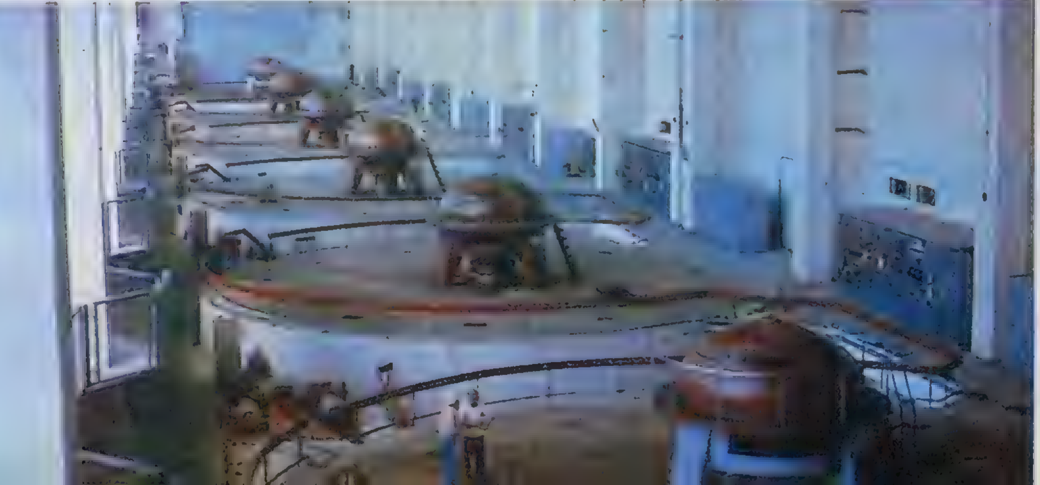
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Плотина. * Недавно городу Зея исполнилось сто лет. * Рейд выгрузки леса. * Идет энергия ГЭС... Бригадир Леонид Богуш и электрослесарь Владимир Любич монтируют воздушный выключатель.

Выходит, я во всех этих стройках тоже как бы участвую, правда?—

А потом мы поехали на плотину. Я до сих пор ничего не сказал о ней самой, о Зейской ГЭС, хотя на самом деле отправился смотреть ее сразу же по приезде, едва забросив в гостиницу дорожную сумку. Плотина — это, что ни говори, чудо, к которому невозможно привыкнуть, она ни на что не похожа и в то же время выглядит неотъемлемой от гор, которые словно связала бетонным поясом, от моря воды, навалившейся на ее крутую спину...

На плотине тоже чувствовалось скорое окончание стройки. Без опалубки, без строительных лесов и ставших ненужными конструкций ГЭС уже приобрела какую-то эстетическую завершенность. Особенно это заметно было по длинному белому зданию машинного зала — его окружили цветочные клумбы, в чистых стеклах многометровой стены горело солнце. От машинного зала провода густой сетью перекинулись на траверсы первой высоковольтной мачты, оттуда—на распределительную площадку и дальше, по серебристым мачтам, над склонами сопок — к горизонту. Казалось, провода только дают направление, а сама мощная электрическая река, рожденная у зейской плотины, течет прямо в сухом, прогретом солнцем воздухе.

— Как же так — агрегаты пущены, станция работает, а стройка еще продолжается?

Тариэль Леванович Гогоберидзе, начальник технического отдела, смотрит снисходительно: как, мол, это люди не разбираются в таких простых вопросах?..

— Все идет по плану. Станция с 1975 года выработала более восьми с половиной миллиардов киловатт-часов и уже на сорок процентов окупила затраты на ее строительство. Видите ли, здесь впервые в мире установлены диагональные турбины большой мощности, которые способны работать с высоким кпд даже при пониженном напоре воды. Вот и получается — плотина пока достраивается, наполнение водохранилища продолжается, а станция уже дает промышленную энергию.

— А что же надо достроить?

— Водосливы еще не все готовы. Сейчас вода идет сквозь плотину по рабочим турбинам и через донные отверстия, а потом ее излишек будет сбрасываться через гребень. Кстати, еще одна особенность ГЭС—бетон на поверхности водосливов: он наш, зейский, особо высокого качества. Представляете, с какой силой и скоростью будет мчаться вода с высоты ста пятнадцати метров? Любой крохотный изъян на бетонном ложе вызовет такие завихрения, что вода быстро вышелушит покрытие. А наш бетон—гладкий, без задоринки, водному потоку не за что будет зацепиться. Чувствуете, бетон под ладонью, как шелк? Авторское свидетельство наша лаборатория за него получила.

— И вся плотина из такого бетона?

— Нет, зачем же, всюду свои, определенные марки бетона. Кстати, известно ли вам, что наша плотина полая? Если представить ее в разрезе — как коробка. Это тоже особенность Зейской ГЭС. Видите, мощные выступы, контрфорсы придают плотине нужную жесткость, а стены ее в два раза тоньше, чем это принято для таких сооружений! Бетона израсходовано на четыреста тысяч кубических метров меньше...

— И внутри плотины можно ходить?

— Да хоть ездить! Правда, сейчас в полости пока еще много строительного мусора... Да вот как раз туда направляется Раильд Оскарович Годасс, заместитель главного инженера по основным сооружениям. Может, он вас с собой возьмет?

Раильд Оскарович, одетый в каску, в плотную штормовку, критически оглядел мое летнее одеяние.

— Вообще-то можно, но... боюсь, простудитесь там.

— Ничего, обойдется!

— Ну смотрите...

Стояла тридцатиградусная безветренная жара, но из проема в теле плотины, к которому мы шли, издали тянуло свежестью. Еще несколько шагов под бетонные своды... Темнота, которую не может пробить свет электроламп. Стены уходят куда-то вверх, во тьму, теряются там, нависают выступами. Не поймешь, на что похоже — не то старый храм, не то пещера. Холодно... Сверху падают тяжелые капли, гулко шлепают по невидимым лужам.

— Не думайте, что плотина протекает. Это конденсат, стены потеют. Бетон держит в себе зимний холод — видите, в углу даже иней? Тут и лед найти можно...

Мы пересекли бетонный зал, оказались в бетонном коридоре. Тусклый свет, журчит где-то вода, тянет сырым сквозняком... Идем, балансируя по мокрым доскам. Да, сапоги бы не помешали...

— Скоро все уберем, осушим... Вот теперь сюда, тут донное отверстие. Осторожно...

В стене что-то вроде лаза. Слышно, как внизу мощно рокочет поток воды. Раильд Оскарович, протиснувшись за прутья арматуры, начинает спускаться по железной времянке. Прямо в поток? Надо не отставать... Мокрые прутья — ступеньки одной лесенки, потом другой. Стало светлее. Мы оказываемся в прямоугольном, просторном тоннеле. Совсем рядом бежит вода, падает с бетонного порога и, бурля, несется к недалекому срезу тоннеля. Какая-то фантастическая обстановка вокруг: пещерный полусвет, гулкий поток, нависшая над головой огромная конструкция, похожая на поднятое забрало гигантского рыцарского шлема...

— Это сегментный затвор. Мы находимся в одном из донных отверстий плотины. Сейчас оно перекрыто, нас отделяет от водохранилища только этот стальной лист. За ним — все водохранилище, мы как бы на дне, на глубине семидесяти метров. Представляете, какая масса воды на него давит? А толщина стенки — всего триста миллиметров. Не страшно?

Я понимаю — это шутка. Если вся надежность плотины сконцентрирована здесь, в этих тридцати сантиметрах брони, значит, эта надежность несомненна.

— Донные отверстия нужны нам временно, на период строительства. Сейчас два из них уже намертво заделаны бетоном, скоро и это, где мы находимся, исчезнет. А вода? Вода пойдет сверху, через гребень — и через турбины, конечно...

Как буднично все звучит! Ведь речь идет не просто о каком-то водном потоке — вся река, вся мощь Зеи запросто направляется в ту или иную сторону. Ее заставляют крутить колеса турбин, нырять в тоннели, прыгать через гребень плотины... Мне рассказывали, что до начала строительства некоторые местные жители посмеивались: еще, мол, посмотрим, удастся ли нашу Зею приручить! Конечно, покорение реки казалось невероятным тем, чьи дома, как щепки, всплывали в паводковых водоворотах, кто изведал силу былых зейских порогов. Река и строителям показывала свой характер — было здесь за годы стройки немало авралов, даже проект самой ГЭС пришлось серьезно изменять. И все-таки приручили!

Теперь на многие сотни километров — от зейской плотины до Благовещенска — по берегам реки можно строить, не боясь сокрушительных разливов, поселки или целые города. Огромные пойменные луга, богатые земли зейской равнины уже без скидок на милость реки можно считать надежной плодородной нивой—нет сейчас в этой зоне ни одного хозяйства, которое не планировало бы на ближайшие годы значительного прироста урожаев, широкого благоустройства. А сколько дешевой электроэнергии получила дальневосточная земля! Всю Амурскую область, Хабаровский край, центральную зону БАМа напитает сила зейской плотины.

А сама плотина... Да, мы привыкли к панорамам наших многочисленных ГЭС, и сегодня даже неспециалист, глядя на газетные и журнальные снимки, легко различает: это Днепровская, это Волжская, это Красноярская... Но теперь-то я знаю: надо вот так пройтись по чреву бетонной громады, ощутить холод ее стен, представить давящую мощь воды, чтобы понять, какое это все-таки сложное и величественное сооружение — плотина.

...Потом, выйдя наружу, мы зашли в зал центрального пульта управления станцией — чистый, светлый, где тишину нарушал лишь шелест резиновых лопастей вентиляторов. Я долго не решался в своей промокшей обуви сойти с коврика у порога... И снова будничность сложного мира ГЭС — теперь уже в словах начальника смены станции Владимира Ильича Шуманова:

— Сейчас нас попросили подбросить для Нерюнгри двести тысяч киловатт... Хабаровску дать много пока не можем: линия электропередач еще строится. Зея входит только в дальневосточную энергосистему, а когда будут готовы ЛЭП — войдет в ЕЭС...

Солнечный свет, отражаясь от стен плотины и проникая сквозь легкие шторы, так и не мог затмить блеска маленьких ламп-глазков на пульте работающей станции.

●

Отсюда, от плотины, сплавной лес продолжит свое путешествие уже по земле. * Вошли в строй все агрегаты гидростанции.

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Сборник стихов Игоря Ляпина начинается с дороги.

Дорожный плащ на плечи и —
до встречи!
Уже заря в полнеба занялась.
Земля — планета рек
и междуречий.
А остальное все на ней — от нас.

Мотив людской отзывчивости, тепла человеческих сердец, согревающего героя в пути, возникает почти на каждой странице сборника. О том же говорит и его название. Не в «чистом поле» пролегли дорожные маршруты автора, но в гуще жизни. И поэт пристально всматривается в эту кипучую жизнь, радуется ей, не проходя мимо ее тягот и несовершенств.

Он хорошо знает тех, о ком пишет: проходчиков Московского метрополитена и сибирских речников, рыбаков на Диксоне и таежных лесорубов. Ему не понаслышке знакомы и обледенелая палуба сейнера, и ночевки у костра, и промысловая драга, которым он сполна отдал дань до поступления в Литературный институт.

Пути-дороги «от Сокольников до Вилюйска» неизменно возвращают мысли автора к отчему крову, в заповедный край детства.

В Днепропетровске яблони
цветут,
Грозится небо дальными
раскатами,
И белый цвет кружится там
и тут —
Над детсадами, над
военкоматами...

И нету слов. Я просто сам
не свой
От встреч, от полыханья
белопенного
И оттого, что мой отец с тобой
Прощался здесь в июле сорок
первого.

Да, —чуткая память прошлого, ощущение преемственности поколений звучат в стихах И. Ляпина.

В душе автора сборника болью отдаются чужая неустроенность, одиночество, в особенности, если от них страдают дети.

Со сдержанным, ненавязчивым лиризмом представлена в сборнике «вечная тема». К любимой автор обращается в момент разлуки, житейских неурядиц, внутреннего разлада с самим собой и говорит с нею о самом важном, самом сокро-

Тема любви к женщине соседствует на страницах сборника с темой любви к Родине, размышлениями над сущностью патриотизма.

Каждой родине — честь!
Каждой родиной можно
гордиться.
Но и родина вправе
восславить, отвергнув — забыть.
И чтоб стать россиянином —
мало в России родиться.
Мало быть из Воронежа,
чтобы воронежским быть.

В лучших стихах сборника отразился беспокойный характер нашего современника, ощущающего свою кровную связь с людьми и шагающего в ногу с ними по дорогам времени.

Ю. ОСИПОВ

Игорь Ляпин. Но в чистом поле. Книга стихов. Москва. Современник, 1979. 255 с.

СТОЙКОСТЬ

Первый секретарь ЦК Парагвайской компартии Антонио Майдана — видный деятель коммунистического и рабочего движения Латинской Америки. 19 долгих лет он вместе со своими соратниками Альфредо Алькортой и Хулио Рохасом провел в тюрьмах и концлагерях диктатора Стресснера. Ни пытки, ни бесчеловечные условия тюремной жизни не сломили его морального духа. 27 января 1977 года благодаря движению международной солидарности он был вырван из рук палачей.

Сейчас в Политиздате готовится к печати документальная повесть журналистов-международников Александра Петрухина и Евгения Чурилова «Кебрачо — значит стойкий», в которой рассказывается о бесстрашии и мужестве Антонио Майданы и других узников-коммунистов. Редакция журнала предлагает вниманию читателей отрывок из этой повести.

Александр ПЕТРУХИН
Евгений ЧУРИЛОВ

МАЙДАНА ГОТОВИТСЯ К СУДУ

Июнь 1959 года. Майдану снова вызвали на допрос — десятый со дня ареста. На этот раз он был короток. Вопросы задавал новый следователь. Прищурив глаза, он проговорил:

— Когда ты перестанешь играть в молчанку, Майдана? Ну что ж, пеняй на себя. В сентябре начнется суд.

Уже официальным тоном добавил:

— Ищи защитника.

На следующий день, когда жена Дора пришла на свидание, Антонио сказал ей:

— Вчера сообщили о предстоящем процессе.

— Наконец-то... Когда?

— В сентябре. Мне нужен защитник.

Оглянувшись на жандарма, тихо произнес:

— Скажи об этом друзьям (он сделал ударение на слове друзья, и жена понимающе кивнула головой). И принеси мне, пожалуйста, бумагу и ручку.

Жандарм прервал:

— Время свидания истекло.

Майдану увели в камеру. Он сел на матрац и стал думать, как лучше подготовиться к предстоящему процессу. Несомненно, власти сделают все, чтобы очернить его, Майдану, как одного из руководителей компартии, постараются облить грязью коммунистическую идеологию. Это будет политический процесс. Поэтому надо сделать все, чтобы разоблачить диктатуру, ее антинародную сущность, фашистский характер закона № 294.

Майдана встал и прошелся по камере. О чем он еще скажет на суде? Конечно, о том, как полиция жестоко обращается с политическими заключенными, что является самым грубым нарушением конституции.

На следующем свидании Майдана узнал от Доры, что его защитником будет доктор Фернандо Карраско.

— Карраско, Карраско...—вспоминал Антонио.—Знакомая фамилия.

— Это известный адвокат,— сказала Дора.— Он член Революционной февреристской партии. Но самое главное, Карраско честный, порядочный человек. Когда я и наши друзья побывали у него дома и сообщили о цели своего прихода, он с удовольствием согласился защищать тебя, подчеркнув: «Я высоко ценю сеньора Майдану — патриота, борца за счастье народа».

— Мне хотелось бы с ним как можно скорее встретиться, посоветоваться по разным юридическим вопросам.

— Он сможет прийти только послезавтра

Антонио попросил жену:

— Принеси в следующий раз конституцию, уголовный кодекс, газету, где опубликован закон № 294, а также журналы. Они мне пригодятся.

Все, что обдумывал Антонио в последние дни, стало ложиться на бумагу.

Антонио писал около двух часов, иногда останавливался, обдумывал фразу и лишь тогда снова брался за перо. Увлекшись, он не услышал, как в камеру вошел надзиратель. Взглянув на листки бумаги, надзиратель покачал головой:

— Все пишешь...

— Пишу,— ответил Антонио.— Что еще скажешь?

— Как бы тебе за это не влетело.

— За что?

— Да вот за эти бумажки.

— В моих бумажках никаких секретов нет,— сказал Антонио и снова стал писать.

Надзиратель потоптался на месте и со словами: «Как сказать» — вышел из камеры.

Антонио прочитал написанное. Кое-где ему не понравилось, и он сделал запись на полях: «Еще раз посмотреть, обдумать»,— в другом месте написал: «Проконсультироваться с адвокатом». Походил по камере, лег на матрац и моментально заснул.

Проснулся от шума. В камеру вошли два офицера. Из-за их спин выглядывал надзиратель. Показывая пальцем на Майдану, он быстро говорил:

— Осмелюсь доложить, арестант допоздна писал. Я его предупреждал, говорил, что он нарушает тюремный режим, но он не послушался.

Офицер подскочил к Майдане, схватил лежавшие на матраце листочки бумаги и стал читать.

— Это что еще такое? — нахмурил он брови. И, повернувшись к другому офицеру, сказал:— Ты посмотри—этот коммунист критикует наше правительство и наши законы.

Майдана энергично запротестовал:

— Вы не имеете права отбирать записки. В них изложена моя защитительная речь, с которой я выступлю на суде. Вы нарушаете конституцию.

Офицер ухмыльнулся:

— Мы еще посмотрим, кто из нас нарушает конституцию. А это,— и он показал на листочки,— я забираю. Баста!

ДИКТАТОР НЕРВНИЧАЕТ

— Сеньор президент, позвольте напомнить...— Министр внутренних дел Эдгар Инсфран подобострастно смотрел на Стресснера.— Через три дня суд над Майданой...

Диктатор раздраженно прервал:

— Суд, суд... И только. Вы добились от него хоть одного признания?

Министр с виноватым видом развел руками. Этот жест вывел из себя Стресснера. Мнимого спокойствия как не бывало. Он резко поднялся из-за стола, подошел близко к Инсфрану и, размахивая короткими руками с красными ладонями, закричал:

— Позор! Позор! Целый год этот коммунист в твоих руках — и ничего не добиться. Невероятно! Позор!

Министр оправдывался:

— Все, что могли, сделали. Вначале Алум допрашивал. Потом с Майданой говорили другие следователи. Пугали его, склоняли к сотрудничеству с нами. Не помогло. Молчит. Прямо не человек, а железо. Оказывал вредное влияние на других узников. Однажды у него обнаружили книгу Ленина. Пришлось его изолировать.

— Железо-то можно расплавить,— назидательно произнес диктатор.

С тех пор как генерал Стресснер пришел в результате военного переворота к власти, он боится за свою жизнь. В последние годы эта боязнь еще больше усилилась. Он чувствует себя в этой стране, хотя и родился в ней, неуютно. В его жилах течет немецкая кровь. Его отец — выходец из Баварии — внушал сыну, что лучше и чище арийской расы нет в мире. Но, став благодаря штыкам президентом Парагвая, приходится изображать из себя отца нации, благодетеля... Хорошо хоть есть отдушина—недобитые эсэсовцы. С ними любит беседовать по душам Стресснер. Диктатор не скрывает, что преклоняется перед Гитлером. Даже внешне генерал старается быть похожим на своего кумира: отпустил усики «а ля фюрер».

Ведя борьбу с коммунистами и другими патриотами, Стресснер всегда прислушивается к советам бывших эсэсовцев и агентов американского ЦРУ. Ведь они накопили богатый опыт по уничтожению инакомыслящих. Диктатор, конечно, испытывает удовольствие от сознания того, что у него в руках один из главных руководителей компартии — Антонио Майдана. Хотелось из него выжать все. Однако вышла осечка, не сумели полицейские заставить говорить узника.

А что, если этой цели добиться с помощью суда? Генерал остановился перед министром внутренних дел и более спокойным тоном произнес:

— Суд проведите с соблюдением закона, а то всякие,— и Стресснер поморщился,— международные организации не дают покоя. Требуют, чтобы я освободил Майдану.

Немного помолчав, диктатор продолжал:

— А кто требует? Главным образом коммунисты. Майдана останется в моих руках. Ты слышишь, Эдгар?

Министр в знак согласия кивнул головой и улыбнулся. Диктатор нахмурил брови и, сжав правую руку в кулак, произнес, делая ударение на каждом слове:

— Вот так нужно держать коммунистов. За глотку.

Потом опустил руку и произнес властно:

— Сделай все, чтобы осудить Майдану. И о ходе процесса сообщай мне лично.

Стресснер дал понять, что аудиенция закончена. Инсфран вышел из кабинета.

СУД

Суд состоялся в Асунсьоне за закрытыми дверями. Власти, опасаясь осложнений, отказались приглашать публику. В зале находились пять человек: судья, прокурор, секретарь, адвокат и обвиняемый. Увидев Фернандо Карраско, Майдана поднял в знак приветствия правую руку. Тот ответил тем же жестом.

— Ваша партийная принадлежность? — обратился к Майдане с первым вопросом судья Рамирес Русе.

Майдана с гордостью ответил:

— Член Парагвайской коммунистической партии.

— Сколько вам лет?

— Сорок два.

— Профессия?

— Учитель.

— Пост, занимаемый в партии?

— А почему я должен отвечать?

— На какие средства существует партия?

— Что означает этот вопрос?

— Сеньор судья, разрешите мне разъяснить обвиняемому суть этого вопроса?

Майдана посмотрел на говорившего человека. Это был прокурор, слывший ярым антикоммунистом.

— Давно известно, что коммунистические партии не имеют своей самостоятельности. Их контролирует Москва. Оттуда же они получают и финансовую поддержку. В этом смысле не составляют исключения и парагвайские коммунисты.

— У вас на этот счет есть доказательства? — усмехнулся Майдана.

— Доказательств здесь никаких не требуется. Это всем известно.

— Глубоко ошибаетесь,— возразил Майдана.— Вы повторяете заведомую ложь, которая давно всем набила оскомину.

— Я протестую! — вскочил прокурор.— Обвиняемый меня оскорбляет.

— Это вы оскорбили мою партию,— возразил Майдана.— Парагвайская компартия служит народу, и трудящиеся массы добровольными денежными пожертвованиями поддерживают коммунистов...

— Подсудимый,— продолжал задавать вопросы судья,— ваша профессия?

— Я уже ответил — учитель.

— Назовите фамилии руководителей партии.

— Отказываюсь отвечать.

Прокурор снова вскочил со своего места:

— Сеньор судья, подсудимый отказывается отвечать на вопросы и тем самым демонстрирует неуважение к суду. Я прошу это отметить...

Судья предоставил слово Майдане. Тот поднялся во весь рост, расправил плечи.

— Сеньор судья,— начал он,— вы хотите меня судить на основе закона № 294. Но он противоречит конституции... Использование прав и свобод, провозглашенных Национальной конституцией, как то: право на свободу мышления, печати, собраний и объединений, право учить и учиться и так далее — этот закон карает как преступление. Из этого важнейшего факта вытекает недействительность закона. В шестой статье конституции 1940 года записано: «Всякий закон, распоряжение или постановление, противоречащие конституции, считаются недействительными...»

В конституции, в статье девятнадцатой,— подчеркнул Майдана,— записано: «Каждый человек имеет право свободно высказывать свои мнения. Это право включает в себя также и то, что человек не может подвергаться преследованиям за свои убеждения. Но правительство Стресснера — Инсфрана,— воскликнул Майдана,— обязанное выполнять и добиваться выполнения этих положений, наоборот, преследует, судит и заключает в тюрьмы тех граждан, которые выступают против военно-полицейской диктатуры, а также тех, кто просто защищает свои права. Всех их подвергают пыткам...

Прокурор застучал кулаками по столу:

— Замолчите, замолчите!

Обращаясь к доктору Русе, он закричал:

— Сеньор судья, обращаю ваше внимание на то, что подсудимый обвиняет главу государства и его министра. Я требую лишить подсудимого слова.

Атмосфера накалилась. Пришлось прервать заседание суда.

«Я ПОЛЮБИЛ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ»

Спустя четырнадцать дней Майдану вновь привезли в суд. На председательском месте вместо Русы восседал Томас Бенитос Акоста. Он задал подсудимому те же вопросы, что и прежний судья.

Адвокат Майданы напомнил, что подзащитный две недели назад уже начал выступать с речью, но ему помешали говорить. Карраско выразил уверенность, что новому судье, очевидно, известен тот инцидент.

Доктор Акоста кивнул головой.

— Тогда,— сказал адвокат,— я не буду называть конкретно тех, кто сорвал судебное заседание.

При этих словах прокурор вскочил со стула.

— Сеньор судья, адвокат обвиняемого ведет себя недостойно, он, видимо, задался целью помешать проведению судебного процесса.

— Сеньор прокурор,— заметил Карраско,— хочет свалить вину с больной головы на здоровую...

Акоста призвал к тишине. Затем он предоставил Майдане слово, добавив:

— Говорите по существу.

Антонио, поблагодарив членов суда за предоставленную ему возможность выступить, начал:

— Я уже говорил и сегодня повторяю: антидемократический закон № 294, на основе которого меня судят, противоречит конституции. Поэтому, если бы настоящий суд объявил, что закон № 294 не имеет силы, ибо является антиконституционным,— это соответствовало бы духу законности. Указанный закон отрицает также основные права человека, провозглашенные «Всеобщей Декларацией прав человека», принятой Организацией Объединенных Наций. Хотел бы напомнить, что эта Декларация подписана и ратифицирована правительством нашей страны.

Прокурор вскочил с места.

— Сеньор судья! — закричал он.— Я обращаю ваше внимание на то, что подсудимый клевещет на наше правительство. Я требую лишить его слова.

Доктор Акоста не пошел на поводу у прокурора и призвал его к сдержанности.

— Согласно конституции,— разъяснил судья,— подсудимый имеет право свободно высказывать свои суждения.

Прокурор с явным неудовольствием выслушал это объяснение, сел на свое место, скрестив руки на груди.

— Хочу привести другие примеры,— продолжал Майдана,— свидетельствующие о беззаконии, творимом в нашей стране. В августе прошлого года по решению Парагвайской конфедерации трудящихся и при поддержке всех профсоюзов страны проходила всеобщая забастовка. Ее участники требовали установления заработной платы в размере 156 гуарани. Это был единодушный протест трудящихся против политики правительства, сохраняющего низкую заработную плату и в то же время повышающего и без того чрезмерные налоги. В ответ на это справедливое требование правительство арестовало многих профсоюзных руководителей и активистов. Оно направило на заводы и на транспорт военные силы, чтобы заставить рабочих трудиться под дулами винтовок.

Подсудимого несколько раз прерывали, но Майдана продолжал говорить:

— Коммунистическое учение победоносно шагает по земле, оно дает добрые всходы. Вспомните СССР, Кубу, другие социалистические страны.

— Вы назвали Советский Союз,— перебил прокурор.— Вы там бывали?

— Да.

— Позвольте спросить, что вы там делали?

— Я встречался с советскими людьми. Знакомился с их жизнью. Это самые счастливые люди.

— Подсудимый совершил еще одно преступление, тайно посетив Советский Союз; он убежденный марксист, агент международного коммунизма,— заявил прокурор.

На это Майдана с улыбкой ответил:

— Вы можете судить меня за то, что я сказал правду о Советском Союзе. Но я полюбил советских людей, полюбил эту страну, где создано счастье для рабочих и крестьян.

Прокурор устроил настоящую истерику. Акосте удалось с большим трудом его утихомирить.

— Сеньор судья! — сказал в заключение Майдана.— Основываясь на вышеизложенном, я с негодованием протестую против произвола, выразившегося в том, что меня несправедливо заключили в тюрьму. Ввиду того, что меня содержат в тюрьме без какого бы то ни было основания, так как я не совершал никаких преступлений, прошу суд распорядиться о моем немедленном освобождении.

Суд прервал заседание, чтобы принять решение. Во время выступления Майданы доктор Акоста многое обдумал. Он ясно видел, что подсудимый не виновен. Нет никаких улик, чтобы обвинять его в каком-либо преступлении. За противоположные взгляды, согласно конституции, не судят. Это прекрасно знал Акоста. Но власти требовали строго наказать Майдану. Что делать?

Медленно тянулось время. В зале наступила тишина, когда появились члены суда во главе с Акостой, который огласил приговор.

Последние строки он прочитал спокойным, решительным тоном:

— Всякий закон, декрет или указ, который находится в противоречии с конституцией, не имеет силы. Основываясь на этом, суд считает, что закон № 294 является недействительным, судебное разбирательство прекращается, а подсудимый немедленно освобождается...

ПРОИЗВОЛ

(Воспоминания Антонио Майданы)

Я был ошеломлен решением суда, оправдавшим меня. Без всякого сомнения, здесь решающую роль сыграли позиция доктора Акосты и высококвалифицированная защита адвоката Карраско. Из разговора с женой и друзьями я знал, что судья — порядочный, честный человек. Но чтобы пойти на конфликт с режимом, одной честности мало. Надо обладать еще и личным мужеством. Диктатор жестоко преследует всех, кто хоть в малейшей степени не согласен с его мнением. Кому-кому, а доктору Акосте это было известно. И, несмотря ни на что, Акоста поступил в соответствии с конституцией.

Я искренне переживал за его судьбу. Впоследствии мне стало известно, что Акосту выгнали со службы, арестовали, а потом выслали за пределы страны.

Решение суда меня, конечно, обрадовало. Но тут же возникли сомнения: будет ли оно выполнено, особенно в условиях объявленного диктатором осадного положения?

Прошла неделя, а я по-прежнему находился в тюрьме. Жену ко мне не допускали. Пробовал было заговорить с надзирателем, но тот отвечал:

— Мне ничего не известно.

30 сентября за мной пришли полицейские. Они сказали, что переводят меня в казарму батальона безопасности. Жаловаться было некому. Ко мне не допускали не только родных, но и адвоката. Решение суда не было выполнено, и я еще долгие годы провел в тюрьмах...

Когда отрывки из этой книги готовились в печать, из Аргентины пришла тревожная весть: в столице этой страны среди бела дня группой вооруженных лиц похищен Первый секретарь ЦК Парагвайской компартии Антонио Майдана. Ему угрожает смертельная опасность. И вновь, как и в давние годы, по всей планете проходят митинги протеста. Их участники требуют: «Свободу Антонио Майдане!»

1

2

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Фото В. ПЕТРУСОВОЙ.

Я звоню, и дверь мне открывает Раневская.

Стоя на пороге, она с трудом удерживает сперва очень сердитую, а потом бурно радующуюся лохматую лайку, подобранную ею однажды на улице в снегу, полумертвую... Я сразу вижу: Фаина Георгиевна ничуть не изменилась. Все такая же статная, стройная. Вот разве что не курит больше. Да еще стала совсем уж серебряно-седая; быть может, по этой причине выглядит даже красивее, чем в молодости.

Сама актриса добродушно посмеивается:

— Возраст есть возраст, увы. Однако благодарю за комплимент!

Она утомлена после долгой репетиции, но приветлива; разговаривает низким контральто в своей обычной, иронически-лукавой манере. Она хороша. И — загадочна... Она предстает загадочной даже вот здесь, у себя дома,— улыбающаяся и гостеприимная, среди множества книг и цветов.

Имя этой загадки — талант. Умение души зажигаться чужою душой, чужой жизнью как своей собственной. Умение, не только не утраченное, не ослабленное прожитыми годами, но, напротив, крепнущее, возрастающее...

РАНЕВСКАЯ

7

8

9

3

4

5

6

С самой ранней актерской молодости Раневская умела чувствовать эту «чужую», постороннюю для нее жизнь остро и сильно. Деятельно. Были ее героини разными — и «плохими» и «хорошими», но всегда запоминающимися. Радостно или грустно приходилось им жить на свете, но они проживали эту жизнь благодаря актрисе сполна... На каждый спектакль она приходит как на премьеру, заряженная энергией творчества до отказа. И действует всегда импровизационно, находчиво, рождая в зрительном зале ощущение чуда. Ведь ей ведомы все оттенки добра и зла, радости и печали, лирики и трагизма...

— Я бываю по-настоящему счастлива,— говорит Фаина Георгиевна,— когда играю хорошую пьесу. Всегда с упоением погружаюсь в классику. Сейчас я — Филицата в пьесе Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше». Сколько же тут неповторимого юмора, настоящего света, какие характеры!.. Черпаю жизнь полными пригоршнями и наслаждаюсь! Поэтому и настроение хорошее, а вовсе не из-за юбилея... Юбилей — это утомительно... Волновалась очень, когда по телевидению выступала. Сказала: «Служу трудовому народу». Сказала правду, а потом рассердилась на себя за такую «пышность»... Но вот так именно хотелось сказать. Так само сказалось.

— Это очень точно было выражено — по самой сути вашего служения.

— Так ведь и комические были у меня роли. И просто маленькие. Хотя сама я их маленькими как-то не считала. Маленьких людей вообще не бывает...

Уходить от Раневской очень не хочется; но завтра у нее опять репетиция — с самого утра и на весь день.

Н. ТОЛЧЕНОВА

1 «Сомов и другие».

2 «Шторм».

3 «Модная лавка».

4 «Правда — хорошо, а счастье лучше».

5 «Последняя жертва».

6 В тот день коллектив театра поздравлял Ф. Г. Раневскую с награждением ее орденом Ленина.

7 «Патетическая соната».

8 Сцена из спектакля «Шторм».

9 «Закон чести».

10 Ф. Раневская и М. Терехова.

11 «Дальше — тишина».

10

11

Внучка эскадрильи «Фарман-7» — Маша Солодовникова. Фото 1916 года. Румынский фронт.

Офицер связи старший лейтенант Мария Васильевна Солодовникова. Фото 1942 года.

ВНУЧКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЭСКАДРИЛЬИ

М. СОЛОДОВНИКОВА

Мария Васильевна Солодовникова — участница трех войн: империалистической, гражданской и Великой Отечественной. В первых двух она была медицинской сестрой. В Отечественную—офицером связи, имеет правительственные награды, почетный член прославленного полка «Нормандия — Неман». Но с французскими авиаторами ей довелось познакомиться еще в первую мировую войну.

В 1915 году я работала фельдшером на Юго-Западном фронте. В 1916 году Румыния объявила войну Германии и стала союзником России.

В Румынии я была старшей сестрой санитарного поезда «Летучка литер «А». В городе Текучи мы распределяли раненых и больных по госпиталям. Здесь неожиданно заболела сыпным тифом и скончалась моя самая близкая подруга, наша очаровательная медицинская сестра Елена. Мне стало невыносимо тяжело и так горько, что я неожиданно для себя заревела громко, навзрыд.

Сестры нашего поезда взяли меня под руки и плачущую повели на вокзал. По дороге мы встретили группу французских летчиков, которые базировались в Румынии. Они окружили нас и через своего переводчика спросили: «Кто мог так обидеть эту молодую, милую девушку? Скажите! Мы сейчас же встанем на ее защиту!»

Да, действительно, защита была бы внушительной. На их мундирах красовались высшие боевые награды Франции и других стран. Сестры объяснили, что это смерть подруги так огорчила меня.

«О! Тогда мы примем участие в похоронах и похороним вашу подругу с воинскими почестями».

Командир эскадрильи спросил, кто я, откуда. Мой ответ: «Я русская, из Сибири» — удивил их. Летчики взволнованно, почти разом, заговорили. И вдруг командир эскадрильи предложил мне быть внучкой их эскадрильи «Фарман-7».

Видя мое смущение, переводчик сказал: «Мадемуазель, вам оказана большая честь, а сделано это в память русских солдат, ценой своей крови помешавших наступлению врага на город-крепость Верден».

Вскоре я получила направление в госпиталь, который обслуживал французскую эскадрилью. Приветливо и шумно встретили меня летчики. Командир эскадрильи капитан Морис Гон представил всему личному составу, сказал о моих обязанностях.

Затем он показал мне ангары и самолеты со знаком «Ф-7». У каждого биплана к передней стойке была прикреплена какая-нибудь женская вещь: лента, перчатки, локон и т. д. Я спросила, зачем это. Командир улыбнулся: «Это амулеты — приносят счастье».

Примерно через неделю за обедом командир эскадрильи сказал: «Мадемуазель, как внучке эскадрильи вам надо получить воздушное крещение. Завтра в восемь часов утра будьте в ангарах».

Было яркое солнечное утро. Самолет стоял наготове. Мы подошли. Мое место было впереди, кто-то подставил руку, помог забраться на сиденье. Меня крепко привязали к нему ремнями. Мотор заработал, и мы покатились по дорожке и наконец поднялись в воздух.

Я боялась не то что шевельнуться, но даже дышать! Уж очень неустойчивым казался наш самолет. Хотелось скорей быть на земле. Но положение обязывало, и я заставила себя улыбнуться...

С большой торжественностью встретили нас на аэродроме французские летчики, наблюдавшие за полетом. В ангарах был сервирован парадный обед, мне надели нарукавный знак из черного репсового сукна с вышитым серебром пропеллером...

Когда эскадрилья «Фарман-7» перебазировалась на другой аэродром в семнадцати километрах от города, французские летчики, попадая в город, обязательно заходили ко мне с поклонами и приветами от эскадрильи. Перед отлетом во Францию Морис Гон участливо спрашивал: «Как вы останетесь одна, госпиталь расформировывается?» «Не беспокойтесь,— отвечала я.— Ведь еду-то я домой, а у нас сейчас революция. И это хорошо».

Добрую память о благородных французских летчиках я сохранила на всю жизнь.

интервью «огонька»

НАУКА О Н... ПОТРЕБНО...

Б. М. МОЧАЛОВ, доктор экономических наук

— Борис Михайлович, каждый из нас бывает покупателем. Один заходит в магазин ежедневно, другой — редко, но сути это не меняет. И не всегда покупатель находит то, что ему нужно.

— Говоря о потребности в том или ином товаре, мы привычно прибегаем к термину «спрос» и подчас ограничиваемся этим определением. А оно не может, объективно не может охватить всю проблему. В производстве и в торговле находится около миллиона наименований и разновидностей изделий широкого потребления. К тому же идет непрерывный процесс: появляются новинки, исчезают устаревшие модели, вытесняются старые изделия, прежде безоговорочно властвовавшие в быту. Цветные телевизоры начинают теснить телевизоры черно-белые. Вскоре рядом с телевизором и магнитофоном окажется и видеомагнитофон. Покупатель частенько просто-напросто не знает о существовании нового, только что родившегося товара.

(Недавно спрос преподнес сюрприз: вдруг заметно увеличилась продажа теннисных мячей. Больше стало играющих в теннис? Выяснилось, что массовые закупки ведут владельцы «Жигулей», которые используют мячи в системе подвески автомобилей.)

Спрос «обозревает» и отражает день сегодняшний, сегодняшнюю заботу, а перспективу ему предусмотреть трудно.

— Значит, такая новая наука, как потребностеведение, появилась не только из-за объективной в ней надобности, но и потому, что спрос иногда «не справляется» с обязанностями?

— Если согласиться с несколько необычными для экономики формулировками, то можно сказать, что дело обстоит именно так. Спрос субъективен, отражает моментное отношение к той или иной вещи, а потребность (значит, и потребностеведение) при ее индивидуально-общественном (обязательно общественном; наш век — время массового потребления вещей) характере заботится о стратегии, «работает» с прицелом, стремится к тому, чтобы покупатель, придя в магазин через год или два, нашел там то, что ему будет нужно через год или два, а не то, что он хочет приобрести сегодня. Ныне остро необходима, злободневна система хозяйствования, основанная на научном анализе потребностей.

Потребностеведение — наука комплексная. Она возникла и развивается на стыке политэкономии социализма, отраслевых экономик, прикладной математики, эстетики, физиологии и психологии.

Увы, не секрет, что в координации выпуска тех или иных товаров иногда случаются сбои. Вот вам пример. Фотография — увлечение миллионов. Каждая новая фотокамера встречается с интересом. И когда несколько лет назад начали говорить о «Фотоне», дающем возможность мгновенного получения фотоснимка, появились потенциальные покупатели. Они ждали камеру, и едва «Фотон» появился, поспешили сделать покупку. Именно поспешили. Рядом с «Фотоном» в магазинах не оказалось специальных фотонаборов «Момент», без них снимка не получишь. Скоро, понятно, спрос на эти фотоаппараты резко упал, а затем и снизился до нулевой отметки. В конце концов отказались от выпуска «Фотонов». И тут-то на рынок хлынули комплекты «Момента». Их было много, они лежали во всех магазинах. Подошел черед, их стали уценивать. Не помогло. Мало кто делал покупку, потому что фотоаппаратов «Фотон» в продаже уже не было. Сейчас в магазинах нет ни «Фотонов», ни «Моментов»...

— И все же фотоаппараты — особый товар...

— Для потребностеведения нет деления товаров на особые и не особые. Перед этой наукой равны все изделия производственного или личного потребления. Они составные части единой системы, когда речь идет о товарах, нужных советскому человеку сейчас или в ближайшем будущем. Как вы думаете, есть ли необходимость в лаптях?

— В лаптях? Из лыка?

— Да, из лыка... По первому представлению никакой надобности в лаптях нет. И быть не должно. Но вот недавно зашел в магазин сувениров. Там продавались лапти. Раскупали так, что этим нехитрым, «ненужным» изделиям могли бы позавидовать самые модные туфли. Значит, нужны? И не только как сувениры; есть в них надобность у киностудий, у театров. Ведь кинофильмы и пьесы случаются и о временах, когда лапти были обиходной обувью. Так что судьба «затухающего» товара не так проста, как кажется...

Есть такая группа товаров, интерес к которым предугадать вроде бы невозможно. И только исследователь может определить необходимость в изделии, способном удовлетворить иногда даже

не сформулированные запросы. Известно: парк личных автомобилей увеличивается, будет расти и впредь. Почему бы, к примеру, обувщикам не подумать о специальной обуви, которая, оставаясь элегантной, была бы удобна именно для вождения автомашины? Есть и более сложные ситуации, предопределяющие появление того или иного товара.

— Нельзя ли в этот разговор ввести примеры, которые подошли бы под рубрику нашего журнала «Домашние наши помощники»?

— В ряду машин и приборов, помогающих уборке квартиры, наиболее известны пылесосы. Конструкторская мысль предложила жидкостные, с водой, аппараты. Они собирают очень мелкие частицы и микропыль, которая обычными фильтрами почти не задерживается. Пылесос ПНЖ-600 создан. Прошел испытания. Неплохо зарекомендовал себя. О нем уже знает покупатель. Но пылесосов нет в продаже. Предвижу (хотя предпочел бы ошибиться) его судьбу: сейчас есть покупательский спрос, но нет пылесоса. Появится этот аппарат через какое-то время — не исключено, что к тому времени он морально устареет. Но самое главное, покупатель может к нему охладеть.

Покупатель — самый важный в торговле человек; от него в конечном итоге зависит, будет ли сделана та или иная покупка. Но, полагаю, уважающий себя покупатель никогда не откажется от того, чтоб ему помогли советом.

Задача потребностеведения при всей ее глобальности — забота о конкретном человеке.

Многие из нас становятся все менее консервативными. Помните, с каким «скрипом» мы переходили на узкие брюки. Обсуждения на страницах газет, споры, только что не симпозиумы. А последовавшее возвращение широких брюк прошло спокойнее. Терпимость и понимание проявляются и сейчас, когда мода снова передиктовывает свои уставы. Вообще-то мода менее всего прогнозируема, но все же потребностеведение может уловить ее волны, вскрыть закономерности, тенденции и тем избавить каждого из нас от шараханья, а общество — от неразумных затрат и нелепой расточительности.

— Каковы перспективы новой науки?

— На очереди формирование процессов жизнедеятельности человека и семьи.

Пока же мы стремимся к дальнейшему совершенствованию, углублению основ потребностеведения, которое сейчас не только разрабатывает теоретические положения, используя и опыт практиков экономики, но уже и помогает практическому ведению хозяйства рекомендациями, долговременными прогнозами.

Беседу вел К. БАРЫКИН.

АШИХ

СТЯХ

Я ЕДУ НА РАБОТУ

«Дорогой «Огонек»! У нас в городе с транспортом трудное положение. Особенно нелегко уехать в часы «пик», утренние и дневные. Каждый день на дорогу от Автозавода до центра, где я работаю, трачу почти час и все равно опаздываю. Приезжайте, посмотрите сами, нормально ли это!

Г. В. Юдина».

Горький.

З. ЗОЛОТОВА

Смена начинается в 6.30. Рассчитываю время: полчаса на сборы и завтрак, двадцать минут до Московского вокзала и еще полчаса до Автозавода.

Сливаюсь с общим потоком на остановке. Сразу сесть не удается — автобусы подходят переполненными. Не рискую и еду с пересадкой у вокзала. Десять минут уже потеряно.

На привокзальной площади, как всегда, шумно. Один за другим подходят оранжевые «Икарусы», ЛиАЗы, маршрутные такси. Они мгновенно поглощают живую волну спешащих людей. И так же быстро вырастает новая волна. Все торопятся втиснуться в автобус. Не буду описывать штурм, разыгравшийся на остановке, но 10 минут потеряно еще. Десять минут, нервных и напряженных. Я уже опаздываю на десять минут, хотя ровно столько же у меня было в запасе. Вместе со всеми штурмую дверь «Икаруса», и толпа вносит меня в вагон.

«Всегда ли так?» — с этим вопросом обращаюсь к пассажирам. «На Московском шоссе иногда по полчаса стоим. Летом тепло, а зимой проклянешь все на свете. Нельзя сказать, что транспорта мало, нет. Только ходит он нерегулярно. Ждешь, ждешь, потом толкаешься в автобусе, нервничаешь и в результате приезжаешь на работу уставшим, а я уже человек пожилой», — высказал давно наболевшее А. Н. Тарасов.

Пассажир в Горьком — человек рабочий, и для него важно вовремя прибыть к месту службы. Поэтому и основные жалобы связаны с нерегулярностью движения транспорта.

Нравятся горьковчанам маршрутные автобусы, билет дороже ненамного, а ехать быстрее и приятнее. Есть и претензии. Хотят они, чтобы на остановках было где укрыться от дождя, чтобы водители вели машину мягче, названия остановок объявляли и, конечно же, не грубили. Чтобы зеленый огонек такси можно было поймать в любой момент и таксисты обязательно отвезли бы по названному адресу, независимо от длины маршрута. Горьковчане любят езду быструю, удобную и приятную. Но как добиться этого?

Решаю поговорить с водителями и вместе с корреспондентом «Горьковской правды» П. К. Бухалкиным отправляюсь в новый квартал города Кузнечиху. Отсюда начинается несколько автобусных и троллейбусных маршрутов, здесь диспетчерский пункт, можно сделать мелкий ремонт машины, здесь меняются и отдыхают шоферы. Послушаем, что они говорят, каковы их заботы.

Юрий Воробьев. Прежде всего о пассажирах. Неорганизованные они, и все. Конечно, мне легче и приятнее вести машину, когда все сидят, а если набьется двести человек? Билетов оторвут самое большее пятьдесят. План не выполнен, премия снижается.

А. И. Воскресенский. Начальник маршрута. Делали в прошлом году опыт, ставили кондукторов на некоторые маршруты. Выручка сразу подскакивала вдвое. В часы «пик» почти все ездят бесплатно. По-моему, уже пора высчитывать проезд из зарплаты. Работаем в убыток: бывает, что парк не может выкупить топливо у нефтебазы, нет денег.

Как разгрузить «пики»? Да сделать начало рабочего дня в разное время, как в Москве. Еще один минус — дороги наши. Как уберечь технику на таких ухабах?

Значит, перегрузка в часы «пик» проходит одинаково болезненно и для пассажиров и для водителей.

В управлении пассажирского автотранспорта надеюсь получить ответ на все вопросы. Узнаю, что в Горьком 72 автобусных маршрута, на которых работает 800 машин, 8 линий маршрутных такси, что протяженность поездок растет, среднее время, затрачиваемое на одну поездку, составляет 43 минуты.

Беседую с начальником управления пассажирским автотранспортом В. Г. Коршуновым.

В. Г. Коршунов. В утренние часы вводим дополнительные экспрессные рейсы, ввели четырнадцать укороченных маршрутов, прямо до проходных ведущих предприятий. Увеличивать подвижной состав сложно из-за узких улиц, отсутствия подземных переходов, транспортных развязок.

Главный выход из создавшегося положения — рассредоточить начало рабочего дня на промышленных предприятиях, в институтах. Год назад эту работу начали, но безуспешно. Руководители предприятий не пошли навстречу транспортникам. Мы понимаем, что вопрос этот не простой, он связан с технологией производства, сменной работой, с работой предприятий сферы обслуживания, детских учреждений, но решать его нужно.

И второе. Нет в городе четкой диспетчерской службы. Информацию о движении автобуса получаем выборочно. Практически маршрут контролируется в одной точке. Сломалась ли машина или случилось что в пути, а сведений об этом не получаем.

Потери в транспортной службе только за счет простоев автобусов в первой половине текущего года — 21 969 часов. За счет сходов транспорта с линий потеряно 88 552 часа. А один час простоя государству обходится в 4—5 рублей. Вот и перемножим. Грустная арифметика. Когда ремонтируют подземные коммуникации, а в Горьком это делается постоянно, улицу перерывают, транспорт идет по запасным магистралям. И расходы из-за увеличения пробега ежедневно выливаются в сумму 2966 рублей. На Ижорской улице строительное управление Сормовской ТЭЦ прокладывает теплотрассу с 1978 года. Трест-12 Спецгидростроя прокладывает напорный коллектор на бывшей Инструментальной уже три года вместо обещанных 16 дней. На улице Дьяконова в центре дороги огромная лужа, и идут три автобусных маршрута в объезд, давно идут. Из-за плохих дорог быстрее изнашиваются машины, увеличивается время поездки. В Горьком транспортные перевозки за последние 10 лет увеличились в 2 раза, а состояние дорожного хозяйства в 4 раза ухудшилось.

— Каковы же перспективы улучшения работы городского транспорта?

В. Г. Коршунов. Горьковчане ждут метро. Через четыре года от Московского вокзала к Автозаводу побегут электропоезда. Скоро вступит в строй Мызинский мост, он свяжет Приокский район с Автозаводом, значительно сократив маршруты.

Перспективы у горьковчан прекрасные. А пока у транспортников много забот. Это и материально-техническая база, и достаточное количество транспорта на линиях, и текучесть кадров, и жилищное строительство. Проектирование широких улиц, новая техника и бережливое отношение к старой, рассредоточение начала работы предприятий, изучение пассажиропотоков, соблюдение транспортной дисциплины на линиях и внедрение передовых методов обслуживания пассажиров, постоянный поиск резервов. Только все это, взятое вместе, и поможет решить проблему.

На многих линиях горьковские транспортники добились больших успехов. По методу маршрутного подряда работает одна из лучших бригад Министерства автомобильного транспорта, возглавляемая лауреатом Государственной премии СССР В. Ф. Шкилевым. Пассажиры довольны: маршрут работает как часы, две-три минуты, и подходит автобус. Твердо соблюдаемый график движения дает гарантию уехать в любое время, и, конечно, у пассажиров снижается усталость, улучшается настроение, что обязательно скажется на их работоспособности. Вот это и есть та основная мера, которой мы оцениваем качество работы городского транспорта.

К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. ФЕТА

А. А. Фет. Фотография 1850-х годов.

ВЕЛИКИЙ ЛИРИК

Николай СКАТОВ, доктор филологических наук

Подобно тому, как Пушкин дал русской поэзии и русским поэтам новую жизнь, именно пушкинские праздники открыли традицию праздников поэзии: лермонтовских, некрасовских, тютчевских...

В Орле состоялся праздник поэзии Афанасия Фета, переместившийся затем в Мценск, а еще точнее, в Новоселки — на место рождения поэта.

Здесь и вспомнилось, что уже в начале двадцатого века, на которое приходится третий после пушкинского и середины девятнадцатого века поэтический прилив, один из критиков даже писал: «Сам по себе тот факт, что Россия целиком прозевала Фета,— страшен: он заставляет усомниться в праве нашем на национальное бытие». Тогда же другой поэт и критик (К. Бальмонт) писал, что Россия девятнадцатого века имела семь великих поэтов: Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Кольцов, Некрасов, Тютчев, Фет. И уж, конечно, тогда это понимал не только один Бальмонт. Прежде прочих — Александр Блок. А еще раньше Лев Толстой и Федор Достоевский. А Чайковский уверенно писал о несомненной для него гениальности Фета. И не случайно: музыка Чайковского многим обязана музе Фета.

Фет — великий поэт! Да, в определенные годы общая наша литературная практика поставила Фета в этом качестве и звании как бы под сомнение. Затем пришло что-то вроде снисходительного разрешения: ну что же, пусть и Фет... тихая поэзия тоже нужна. Фет — тихий поэт? Что стояло за таким отношением? С одной стороны, в известной степени незнание, с другой — примитивное и пагубное представление, что силу поэтического голоса можно измерять натужностью крика: кто громче. А ведь громче не всегда значит — мощнее.

Я в жизни обмирал и чувство это знаю,
Где мукам всем конец и сладок томный хмель;
Вот почему я вас без страха ожидаю,
Ночь безрассветная и вечная постель!
Пусть головы моей рука твоя коснется
И ты сотрешь меня со списка бытия,
Но пред моим судом, покуда сердце бьется,
Мы силы равные, и торжествую я.

Это Фет, бросающий вызов смерти (стихотворение так и называется — «Смерти»).

Измучен жизнью, коварством надежды,
Когда им в битве душой уступаю,
И днем и ночью смежаю я вежды,
И как-то странно порой прозреваю.

Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов задушевный,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность,
И пламя твое узнаю, солнце мира.

И это — «тихий» Фет?

Фет родился в октябре (или в ноябре) 1820 года в той самой средней России, откуда вышли почти все великие русские писатели. И Фет связан с ними не только местом рождения: глубокое взаимопонимание с Тютчевым, тесные отношения с Тургеневым, многолетняя дружба с Толстым.

Отец Фета, богатый и родовитый орловский помещик Афанасий Неофитович Шеншин, будучи в Германии, тайно увез оттуда в Россию жену дармштадтского чиновника Шарлотту. Вскоре Шарлотта родила сына — будущего поэта, который тоже получил имя Афанасий. Однако официальное бракосочетание Шеншина с Шарлоттой, перешедшей в православие под именем Елизаветы, совершилось несколько позже. Через много лет церковные власти раскрыли «незаконность» рождения Афанасия Афанасьевича, и, уже будучи шестнадцатилетним юношей, он стал считаться не русским дворянином Шеншиным, а проживающим в России сыном немецкого чиновника. Мальчик был потрясен. Не говоря о прочем, он лишался всех прав и привилегий, связанных с дворянством и законным наследованием. Лишь в 1873 году просьба о признании его сыном Шеншина была удовлетворена; впрочем, свое литературное имя — Фет — поэт сохранил. Всю жизнь жили в одном человеке Фет и Шеншин. Создатель прекрасных лирических стихов. И жесткий практичный хозяин, помещик. Ненавидимое имя «Фет» оказалось связано с любимым искусством, а желанное и, наконец, всеми правдами и неправдами достигнутое дворянское «Шеншин» — с той жизненной и житейской практикой, от которой сам поэт жестоко страдал и в которой сам был достаточно жесток.

Я между плачущих Шеншин,
И Фет я только средь поющих,—

признался Фет в одном стихотворном послании.

Искусство Фета не было оправданием практики Шеншина, а скорее противопоставлением ей. Фет и Шеншин органически связаны, но эта связь «Фет — Шеншин» являет единство противоположностей. Искусство Фета не только органически связано со всем существованием Шеншина, но и противостоит ему, враждебно и непримиримо. То, что открыл в искусстве Фет, не мог открыть никто другой, кроме самого Фета. Он действительно от многого уходил, но, как заметил еще один старый критик, он возвращался не с пустыми руками.

Нынешний праздник Фета проходил на природе, в прекрасную погоду, на лугу. Перед глазами стояли и поля, и покрытые лесом холмы, и речка чуть вдали. Хорошая погода, конечно, дело случая. А вот то, что поэтический праздник Фета более, чем какой-либо другой, должен совершаться на природе, так естественно. Ибо Фет единственный в своем роде у нас поэт природы. В шестидесятых годах прошлого века один из журналов писал: «Кто может в настоящее время услаждаться чтением «Бедной Лизы» и стихотворений Фета, тот может совершенно безгрешно и целомудренно предаться созерцанию пейзажиков». Но дело совсем не только в «пейзажиках». Фет — поэт природы в гораздо более широком смысле, чем лирика пейзажей. Наше время, выявляя на новой основе отношения человека с природой во всей их обширности и во всей их сложности, заставляет иначе вглядываться и в посвященную таким отношениям поэзию прошлого, в частности, и в особенности в поэзию Фета. Фет выразил в русской лирике более, чем кто-либо, то свободное отношение к природе, в которое вставал человек как высокоразвитый социальный организм, уже создавший вторую природу и только после этого получивший возможность увидеть жизнь и красоту первой. Только как высокоорганизованное социальное, общественное существо человек смог ощутить всю прелесть природных, естественных человеческих состояний (прелесть детства, скажем) и обнаружить их в себе, но уже как подлинно человеческую естественность. Оригинальность Фета состоит в том, что очеловеченность природы встречается у него с природностью человека. «В нас вопиет всесильная природа»,— недаром воскликнул поэт.

Лирика Фета открывает и выявляет богатство человеческой чувственности, того, что часто существует помимо ума и умом не контролируется. Недаром еще в 1889 году председатель Психологического общества Н. Грот на чествовании Фета читал от имени членов общества адрес, в котором говорилось: «...без сомнений, со временем, когда приемы психологического исследования расширятся, ваши произведения должны дать психологу обильный и интересный материал для освещения многих темных и сложных фактов в области чувствований и волнений человека».

Поэзия Фета — как толстовская Наташа Ростова, которая «не удостаивает быть умною». Недаром сам Толстой считал себя немало обязанным Фету именно в ощущении свежести, «ума сердца», по собственным его словам, жизни как таковой. Предмет внимания Фета — человек нормальный, здоровый. Его чувства изощрены, но не извращены. «Вы не найдете у Фета,— писал критик Николай Страхов,— ни тени болезненности, никакого извращения души, никаких язв... Чтение Фета укрепляет и освежает душу». Здоровая лирика Фета — не случайно непременная участница школьных хрестоматий, литературы для детского чтения. Она учит чувствовать.

Фетовская поэзия жила за счет непосредственных картин бытия, реальных, окружающих. Именно потому он поэт очень русский, очень органично вобравший и выразивший именно русскую природу. Не удивляешься, когда видишь, как социальный, крестьянский, такой русский Некрасов заявляет, что он «в Италии — писал о русских ссыльных». Но в равнодушии к Италии и Фет, поэт «чистого искусства» с его культом красоты, почти повторяет Некрасова в стихах «Италия, ты сердцу солгала!», а в «Воспоминаниях» пишет: «Намереваюсь пройти подробности моего пребывания на классической итальянской почве». Фет искал и находил красоту не там, где она уже оказывалась заданной. Потому же он часто и охотно противопоставляет любимый русский север южным красотам.

Нам еще многое предстоит открыть в Фете: и в Фете-прозаике (авторе интересных мемуаров), и в Фете-философе (первом у нас переводчике труда Шопенгауэра «Мир как воля и представление» да и других его произведений), и, конечно, в Фете-лирике.

На фетовском празднике, подтверждая его истинность, поэзия Фета жила. Конечно, читали много стихов: поэты из Москвы, Ленинграда и рязанские, брянские, орловские. Стихов именно о Фете, Фету.

Поэзия в нашей литературе сейчас вроде бы явно уступила прозе. Но, видимо, процесс становления в ней какого-то нового качества вершится. Какое-то свежее, глубинное, корневое начало в ней уже прослушивается. Оно еще не отлилось в некую поэтическую цельность, персонально отчетливо не выражено, но оно проявляется уже у многих: иногда неожиданно сильным стихотворением у одного поэта, вроде бы большим не почитавшегося, у другого — одной строфой, у третьего — одной строчкой.

Такое накопление внутренней мощи идет. И могучая в своей стихийности, органичная, поэтическая поэзия Фета этому сегодня тоже очень помогает.

В. Ефанов. ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА И. В. КУРЧАТОВА.

В. Ефанов. ПОСЛЕ ФОРУМА.

ЭТО БЫЛО НА МАЛОЙ ЗЕМЛЕ

Фронтовое письмо, о котором я хочу рассказать, у меня не сохранилось. Но история его интересна. Может, найдутся и те, кто его написал.

В феврале сорок третьего в числе десантников я был высажен на Малую землю и воевал на ней все семь месяцев до освобождения Новороссийска. В апреле шли особенно жестокие бои. Раненых было много. Ночью их грузили на мотоботы (тогда мы их называли «тюлькин флот»), которые отплывали от Малой земли в полной темноте. В море раненых перегружали в сейнеры, а мотоботы с тяжелоранеными цепляли к сейнерам, и так они следовали до Большой земли.

Мне через каждые две недели приходилось курсировать на «тюлькином флоте» на Большую землю и обратно.

В одну из таких темных ночей пять или шесть мотоботов, нагруженных ранеными, отошли от берега. Я прыгнул перед самым отходом в последний мотобот, раненых на нем было столько, что иголке некуда упасть. Шел дождь, море штормило. Мы отплыли от берега километров шесть, когда заглох мотор. Плывшие впереди не заметили этого, и мы остались одни. Прошло полчаса, мотор не заводился. Моторист, молодой парень, как сейчас помню, в тельняшке, выбился из сил, но ничего не мог сделать.

От волн и дождя посудина наша наполнялась водой. Кто в состоянии был двигаться, вычерпывал воду руками, котелками. Все отлично понимали, что с наступлением рассвета фашисты уничтожат нас всех. Обидно было так бесславно погибать!

Кое-как я пробрался с носовой части к мотору, накрыл его плащ-палаткой, выкрутил свечи и засунул их под пояс брюк, чтобы они просохли. Потом снял портянку (ничего другого сухого ни у кого не было), смочил ее своим пайковым спиртом, зажег и прожег цилиндры мотора. Когда я поставил свечи на место, к величайшей радости всех мотор заработал, и мы доплыли до Геленджика.

Через день я возвратился на Малую землю. Спустя две недели мне принесли письмо-треугольник. Вместо адреса на нем стояло: «Малая земля. Лейтенанту-спасителю».

Письмо, написанное ранеными, которые плыли в ту ночь на мотоботе, нашло меня, хотя фамилии и не было указано.

Точно не помню, но кажется, письмо это передала мне наш малоземельский почтальон Клава Федан — отважная девушка, которая постоянно ночами курсировала на «тюлькином флоте», доставляя солдатские треугольники. Сейчас она живет в городе Марганец, Днепропетровской области, ул. Айвазовского, 17.

Хотелось бы очень знать, остался ли кто в живых из авторов письма. Оно у меня не сохранилось. Во время боя на мне загорелась одежда. Химич Федор Григорьевич успел накрыть меня плащ-палаткой, и я был спасен. Вместе с одеждой сгорело и письмо.

Удалось спасти только комсомольский билет, который был со мной с первого до последнего дня войны, а сейчас хранится в музее города Шахты, где я живу.

Тогда у меня сильно обгорели ноги, кожа снялась, как чулки. Не передать, какая мучительная боль! Позже меня сильно контузило взрывом торпеды, но Малую землю я не покинул.

Когда началась война, я служил в Красной Армии вблизи границы. 23 июня я пошел в бой, а на восьмой день войны был ранен. С тяжелыми боями пришлось отступать. Какие это были горькие дни! Сколько раз приходилось пробиваться из окружения, всего не расскажешь.

Я прошел от Карпат до Кавказа и обратно. Закончил войну в Праге.

Я. АПАНАСЬКО

Шахты, Ростовская область.

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ: ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР

Знакомясь с читательской почтой, вызванной публикацией материалов под рубрикой «Молодая семья», хочется отметить одну особенность приходящих в редакцию писем. Неудачно сложившаяся семейная жизнь заставляет человека не только горько высказывать обиды, мучительно выяснять, кто в сложившейся ситуации прав, а кто виноват, но и по-новому осмысливать саму жизнь, глубже задумываться над ее сокровенным смыслом.

«Я вышла замуж совсем недавно и боюсь, что ни в один из прожитых с мужем дней я не могла сказать: «Да, я счастлива». Плохо? Да, нехорошо. Тогда почему я до сих пор живу с мужем? Наверное, я немного старомодная, несовременная, но какое-то очень живучее стремление живет во мне. Мне хочется иметь свой маленький угол (даже не квартиру), свою, пусть пока маленькую (я и он) семью, во мне теплится надежда, что муж станет лучше, добрее, ласковее и внимательнее. Но мои желания, увы, остаются только желаниями... Муж по-прежнему часто задерживается на работе. И когда я пытаюсь поделиться с ним своими заботами, он чаще всего отмахивается: не мешай, я занят. Все мои попытки просто поговорить с ним безрезультатны, или он занят, или он считает, что я говорю глупости, «детский лепет».

И неужели у многих в семьях так? И все так живут до свадьбы золотой? Можно ли так жить, нужно ли так жить? И как долго так можно прожить? Очень часто я об этом думаю, и хотя во мне велико желание сохранить семью, я боюсь, у меня просто не хватит сил, выдержки...

Дорогая редакция, мне очень жаль, что я не могу написать, что я счастлива, и мне очень жаль, что так не могут написать и многие другие».

Татьяна, 26 лет

Московская область.

«Почему-то мы не стесняемся ругани, криков, скандалов, а порой и драк. Не стесняемся того, что унижает достоинство человека, а стесняемся элементарной добропорядочности в отношениях. Стесняемся лишний раз проявить внимание, обнять, пожалеть родного человека».

А. Карелин

пос. Пангоды, Тюменская область.

«Взять тот же «жилищный вопрос». Молодые люди, вступившие в брак, всегда хотят жить отдельно от родителей, как бы хорошо ни было с ними. А где жить? Снимать где-то комнату? Не всем средства позволяют. Переезжать в другой город? Почему нельзя строить больше малосемейных общежитий, хоть однокомнатных? Ведь из-за жилья у молодых возникают первые ссоры, ожесточение».

Татьяна Кузнецова, 23 года

гор. Тукумс, Латвия.

«Может быть, счастливая семейная жизнь заключается не только в том, чтобы стирать, готовить обед, помогать по хозяйству и дарить каждый день друг другу улыбки. Неужели она в том, чтобы жить только друг для друга? И больше ничего? Забыть друзей, подруг, работу, учебу (ведь именно такая «счастливая» жизнь, как я понял, была у Люси В. из Мелитополя,— «Огонек», № 6. Теперь же она спрашивает: «Как жить дальше?»). Это я к примеру. Мы отлично понимаем значение слов «горе», «радость», «боль», «измена», но что же представляют собой слова «любовь», «счастье», о которых мы так страстно мечтаем, спорим?»

Николай Долгов

Ульяновск.

Немало приходит и писем-исповедей. Несмотря на многообразие описанных судеб, письма эти во многом похожи друг на друга.

Публикуемое ниже письмо Ф. Михайловой, конечно, не должно рассматриваться как совет-наказ всем одиноким женщинам. Оно интересно прежде всего как человеческий документ. Привлекает натура автора — женщины, по-видимому, сильной, ищущей, не желающей мириться с тем, что оказалась «за бортом» семейной жизни. И пока, конечно, рано судить, как сложится ее новая жизнь, но хочется пожелать ей счастья.

«Многие пишут, что не надо выходить замуж скоропалительно. Я советов давать не хочу. Расскажу о себе. Замуж вышла в двадцать четыре года. Муж оказался пьяницей, не любил работать, тянул только с меня. Через год родился ребенок. Отношение мужа ко мне не изменилось. Я за него долго боролась, а он на это отвечал хамством. У меня появилось по отношению к нему равнодушие. Разошлись. Через полгода приехал мириться. И снова с бутылкой, с подвыпившими дружками... Сколько я пережила за эти два года, известно только мне!

В течение следующих четырнадцати лет жила с дочкой. Воспитывать ее помогали мама и брат. А затем я, натура вроде сильная, сдалась. Отчаялась в жизни. Все надоело, на работу ходила без всякого интереса. Не имела подруг, так как все они были замужем, у всех свои заботы и радости. Спасибо маме, которая понимала мое состояние и не оставляла меня. Помогала советом и добрым словом. И, может быть, я так бы и жила, если бы не прочитала в газете об одном человеке, комбайнере. Там говорилось, что он холост. И тогда что-то во мне проснулось, я ему написала письмо, где рассказала о себе. Пусть я не знала его совершенно (я послала ему свою фотографию, а его фотографии в газете не было), но внутренний голос говорил мне, что это тот человек, который мне нужен...

Получила от него письмо, узнала, что он было собрался ко мне в гости, но не рискнул из-за плохой погоды: дорогу развезло. И я решилась. Взяла недельный отпуск и поехала к нему, хотя путь был неблизкий. Конечно, думала обо всем — как встретит, как подойду к нему, что скажу... В общем, телеграмму послала. Он меня встречал два дня подряд, несколько раз мы друг мимо друга проходили, но так и не узнали.

Приехала к нему на автобусе. Он был дома. Растерялся. Потом рассказывал, что ночи не спал, обдумывал ответ на мое письмо, много раз переписывал. А как отправил, вернулся домой и «заснул как убитый».

И вот уже несколько месяцев мы живем прекрасно. Ни разу не поругались, не упрекнули ни в чем друг друга. Я словно заново родилась. С работы спешим домой, чтобы что-то сделать друг для друга. Мы не делим дела на «женские» и «мужские».

У мужа много братьев и сестер — семь человек. С его мамой мы живем душа в душу. А ведь муж мой был женат...

Вот какая у нас получилась любовь. Недавно ездили к моей маме, а летом перевезем ее к нам совсем. Мой муж к ней очень хорошо относится. И я могу с уверенностью сказать: он для меня идеал. Не пьет, не курит, ни разу я не слышала от него брани. А ведь он совсем простой человек! У меня хоть и высшее образование, но я не чувствую никакого своего превосходства. Он понимает все мои дела и помыслы.

Мы уже люди немолодые. Муж старше на пять лет. Дочка сразу приняла его, хотя поначалу была категорически против нашего брака. Муж к ней относится, как к родной. Мне говорит так: «Если я тебя люблю, ты мне нужна, то и все твои родные мне тоже нужны». И я придерживаюсь того же мнения по отношению к его родным.

Конечно, трудно во все это поверить, но это действительно так...»

Ф. Михайлова

Саратовская область.

Юрий БОНДАРЕВ

ВЫБОР

РОМАН

Рисунки П. Пинкисевича

— Здравствуй, Илья,— выговорил Васильев и напряженно протянул руку, не отрывая взгляда от впившихся в его лицо испанских глаз Ильи, а в голове мелькнула мысль о противоестественной сдержанности этой их встречи, казалось, счастливо или гибельно решающей их судьбу первыми действиями и первыми словами.

— Здравствуй, Владимир,— ответил низким голосом Илья и стиснул его руку порывисто крепким, чересчур длительным пожатием, как бы этим выражая важную необходимость встречи для себя, и добавил с излишне подчеркнутой чеканной вежливостью:— Спасибо. Наверно, для тебя встретиться со мной не так просто... Спасибо.

Васильев хорошо помнил, но почти не узнавал его голос, утративший былую естественность насмешливых или командных интонаций, произносивший сейчас фразы твердо, выпукло, правильно, как многие русские, очень долго прожившие за границей,— и не внешний переменившийся облик Ильи, этого седого, несколько изысканного иностранца в безукоризненно сшитом костюме, не его полукруглые, ухоженные ногти, не его холеные пальцы, а чеканка каждого слова, под которой скрывалось тайное опасение за верность произношения, именно это резко задело Васильева, и стало вдруг страшно подумать о прошедших годах, разъединивших их.

«Каким же кажусь я ему?»— подумал Васильев, содрогаясь от ощущения времени, от жестокой его превратности, не щадящей ничего, и сказал только вполголоса:

— Что ж, давай сядем. Стоять, пожалуй, неудобно. Завтракать, наверно, пока не будем. Подождем Марию.

— Я не должен спрашивать, удивлен ли ты,— заговорил своим чеканным, выпуклым голосом Илья, когда оба сели и он пододвинул к Васильеву сигареты.— Встретить меня ты никак не ожидал. Нонсенс! Не правда ли? Моя великая родина меня давно похоронила. По солдатскому разряду. Или вернее — по офицерскому... а я оказался жив. Фантастика, не правда ли?

Он вынужденно улыбнулся, показывая плотные хорошие зубы, то ли свои, то ли вставные, и Васильев не успел ясно вспомнить, как много лет назад улыбался молодой Илья, но словно бы что-то знакомое, прежнее мелькнуло в белизне его зубов.

— Скажи, Илья,— проговорил Васильев, насильно спокойно вглядываясь в педантично выбритое коричневое его лицо, поражавшее вот этой чужой холеностью следящего за своей внешностью человека.— Скажи, Илья,— повторил он решительней, подчиненный необоримому нетерпению.— Скажи, Илья, как все случилось? Да, ты прав, встреча с тобой для меня полная неожиданность. В общем, до конца я не верил. Нет... До тех пор, пока не увидел тебя, не верил...

— Поверил? — спросил Илья и опять в белизне его зубов словно бы промелькнуло отражение прежней дерзкой улыбки.— Не возможно ли, что двойник Ильи Рамзина сидит перед тобой? Сидит и под личиной действительного Ильи заманивает бывшего однокашника, советского художника... коварно заманивает в паучьи сети? Так вот: эти сети и всякое политическое дерьмо мне нужны, прости великодушно, как овчарке люксембургской противозачаточные таблетки. Я хочу, Владимир, чтобы ты сперва знал: я ненавижу политику, поэтому ничей... Помнишь, в войну ничейная земля была? Помнишь, нейтральная полоса?.. Так вот, никакими пряниками меня теперь никуда не заманишь — ни вправо, ни влево. Я — колобок вне политики. Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел. Бога нет ни там и ни там...— И он грубо выругался, но чужеродно прозвучавшую непристойную фразу свою смягчил усмешкой.— О чем иногда сердечно жалею,— добавил он,— здесь, на гнилом Западе, как о нем в России пишут, не звучит русский мат, который мы отлично использовали на войне. Никто не поймет... Но я о другом. Бог вот здесь...— продолжал Илья и постучал пальцем в грудь.— И сюда, если говорить по-немецки, «цутритт ферботен!». А по-русски: вход строго запрещен. Могу догадаться, что ты думаешь обо мне. Но парадокс в том, что я не забыл и помню Москву, двор и войну... И тебя лет с двенадцати. Так вот, Владимир, в моей жизни я прошел через все обманы, поэтому скажи сначала правду: моя мать жива?

Илья спросил это и выпытывающе взглянул на Васильева, не сразу, должно быть, настроенный поверить, но было видно, как хотел он задать этот вопрос, который, вероятно, уже задавал Марии в Риме, и так сейчас открыто жадно ждал ответа, значившего для него много.

— Раису Михайловну я встретил год назад,— ответил ровно Васильев.— Она не работает в библиотеке, ушла на пенсию. Почти все из нашего дома разъехались в новые районы, осталась она и старики Цыганковы. Ты помнишь это семейство сапожников?

— Помню, но плохо. Как она... родная моя мученица? Ей уже за семьдесят... Она была младше отца на пять лет,— проговорил Илья хрипловатым голосом и сильно чиркнул зажигалкой, поднес огонек к сигарете, металлическая точка вспыхнула в его зрачках.— Если перед кем и виноват и грешен, так перед святой моей матерью,— заговорил он, внезапно ожесточаясь против самого себя.— Она любила больше всего книги. Таких, как она, на свете единицы. Если бы я мог, Владимир, показать ей библиотеку, которую собрал за последние годы! Она была бы рада! Без книг я давно погиб бы... На какую пенсию она живет? Рубликов пятьдесят? Сколько ей подаяния жалуют на старость, бедной моей маме?

— Как я помню, Раиса Михайловна получает восемьдесят рублей,— сказал Васильев, начиная испытывать досаду против колющих вопросов Ильи.— Знаешь, в конце концов от тебя... от твоей... послевоенной судьбы зависело благополучие Раисы Михайловны. Ты был единственным сыном, как известно, и...

— И? И едва не лишил мать крупного советского пенсиона в восемьдесят рубликов?

— То есть? Не понял иронии, Илья.

— Я был убит или пропал без вести. Ясно, что так числился в донесениях о потерях. Но никто не знал, что в это время я жрал сырую брюкву в плену. Даже ты, хотя мы с тобой до последнего боя вместе были. «Лейтенант Рамзин, командир огневого взвода, не вернулся из боя». Так писали в донесениях?

— Так.

— А я в это время сдался в плен немцам.

— Сдался? Ты хочешь сказать: тебя взяли в плен?

— Володя, солнышко! Я всегда преклонялся перед твоей чистотой и совестью... с детства!..

— Я прошу тебя, Илья, без этого кулуарного тона. На кой черт!..

— Володя, дорогой мой бывший друг детства!..

— Ну что, Илья, дорогой мой бывший друг детства?

— Какая разница: «взяли», «попал», «захватили»... Пленным не был тот, кто до плена стрелялся, а в плену вспарывал вены ржавым гвоздем, бросался на проволоку с током, разбивал голову о камень... Так умирали. А тот, кто хотел жить, независимо от того, сам сдался или взяли, все равно был пленным.

— Так ты сдался? Или немцы тебя взяли? Я хорошо помню ту ночь на опушке, когда мы вернулись за орудиями... Помню, как начался и кончился бой. Помню, как немцы с фонариками подошли к обрыву, где были вы...

— А ты не запамятовал старшину Лазарева, командира отделения разведки? Мордатый такой был, здоровый, как медведь, из бывших уголовников.

— Помню. У него была наколка орла на груди. Он прорывался вместе с тобой к орудиям. И тоже не вернулся, пропал без вести...

— Убит. Его убило двумя пулями возле меня. Мы вместе прыгнули с ним под обрыв, к ручью. Отличнейшим образом помню эту медведеобразную мокрицу. А фамилия у него была прекрасная — Лазарев, от имени святого. Старшина Лазарев. Была знатная фигура в батарее. И наушник к тому же. Отличнейшим образом запомнил его навсегда. Навеки. После войны ставил ему свечки в православных храмах и записывал «за упокой»...

— Но как все-таки ты попал в плен?

— Взяли. Разумеется, взяли. Окружили целыми полчищами автоматчиков и — «хенде хох!». В бессознательном состоянии, тяжело раненного, контуженного, без рук, без ног. Тебя это удивляет? Так в России писали о попавших в плен?

— Такие шуточки я не принимаю, Илья. Думаю, что ты помнишь, чего стоила нам война.

— Кому — народу? Тебе или мне?

— Ну, хотя бы тебе твой плен, черт возьми!

— Я прошел, Володя, все круги ада и чистилище, потом, у меня не было гениального гида — бесподобного Вергилия. В рай не попаду, не заслужил. Много пролил человеческой крови. Прискорбно, но руки-то у меня по локоть в крови. Каяться, молиться надо денно и нощно, если по Христу. А полного смирения, блага любви во спасение и увеличения любви в душе нет. Но чужую кровь проливал и ты...

— Не понял, о какой пролитой крови идет речь?

— Ежели и ты и я командовали огневыми взводами, то посчитай, сколько наших снарядных осколков достигли цели в каждом бою. И ты и я пролили цистерны крови. Крови фашистской сволочи, как мы говорили на войне. Но не все среди немцев были наци. А убивать гомо сапиенсу гомо сапиенса — самый неискупимый грех. И... в монастырь, в монастырь давно пора! На коленях, до спасения души выстаивать. А спасения нет. Кто мне прощение даст? Бог? Слишком далеко. Люди? Самим, подлецам и грешникам, перед ближним искупать вину надо. Так кто меня сейчас может судить — как я попал в плен: сдался или взяли? Ты? Вряд ли, Владимир. От орудий мы отходили вместе. Возвращались вместе. И про-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38 11

рывались вместе. Командир полка майор Воротюк? Таких в любое время вешать мало. Народ? Понятие великое, но общее, и используют его частенько демагоги — говорят от имени народа.

— Понятно, Илья. Можешь не продолжать. Значит, никто?

— Значит, никто. Нет сейчас в мире праведного суда, Владимир.

— Ну, а погибшие, в конце концов! Или все забыто? Мы-то с тобой не имеем права.

«Кто дал мне право говорить с ним таким судейским тоном? Что за допрос? Я не верю ему?»

— Не хочешь ли ты обвинить меня в том, что двадцать миллионов русских полегло потому, что я в плен попал? Да какое там двадцать! Преуменьшено, конечно. Думаешь, в этом моя вина?

Черные узкие глаза Ильи, горячо вспыхивавшие когда-то в юности огнем гнева, теперь изучающе всматривались в Васильева, а тот с несогласием и надеждой старался найти в его облике то, что было неизменной сутью резкости его поступков и сутью бесповоротной решимости лейтенанта Рамзина. Но этого прежнего не хватало сейчас в элегантной одежде, жестах, в опасных глазах Ильи, сквозь прищур которых проникали лишь искры лихорадочного жара.

— Нет, Владимир, пленные здесь ни при чем. Я-то знаю, кого судить за погибших,— сказал Илья четко.— Майоров Воротюков надо судить, которые и карту-двухверстку толком читать не научились. Помнишь, как он ходил, бесподобный наш командир полка: зимой хромовые, летом брезентовые сапоги в гармошку, сплошь в портупеях, летом фуражечка козырьком надвинута на глаза, затылок бугорком, зимой — папаха... первый парень на деревне. И красивая девка из санинструкторов, всегда при нем, всегда под боком вместе с пройдохой-ординарцем. А каков голос — с вибрацией, с любовью к распеву: смир-р-н-а-а! Не знаю, как ты, а я его помню так, будто вчера война кончилась. По телефону он кричал два слова: «Вперед!» и «Давай!». И после боя оставалось в ротах человек по шесть. Ты хорошо помнишь майора Воротюка?

— Я помню его.

— А старшину Лазарева?

— Помню.

— Тогда «найн проблема»!

— Илья, мне кажется, что ты почему-то уходишь от моих вопросов.

— Ухожу? От вопросов? Нет, Владимир, ни бога, ни черта я давно не боюсь. Я прожил жизнь и видел кое-что. Попил все вина мира и выкурил сигареты всего света. И спал с женщинами всех марок — даже с чернокожими Цирцеями. Так скажи на милость — кого и чего мне бояться? Смерти? Просто ты, Владимир, как почти все русские за границей, осторожен и хочешь... знать: как я выжил... не службой ли у генерала Власова?

— Я хотел спросить другое, Илья,— проговорил Васильев, замечая усмешку в черноте его глаз и чувствуя царапающую горечь, как будто их обоих засасывала и не выпускала липкая тайна жизни Ильи, неподвластная прошлому.— Я хотел сказать другое... Ты был русским офицер, а как известно, в плену...

— Не все подыхали,— фальшиво-ласково перебил Илья.— Я зубами и ногтями держался за жизнь. Больше тебе скажу. Только там я понял, что такое жизнь и что такое превратиться в падаль.

«Откуда у него этот шрам на виске?» — подумал, ненавидя себя, Васильев и сейчас же представил, как оправдание, пулевое ранение в левый висок Ильи, ранение, полученное той дикой роковой ночью, когда им приказано было вытащить орудия, оставленные в окружении. И он спросил, против воли спасительно хватаясь за это оправдание:

— В висок тебя тогда ночью ранило?

Илья, очевидно, сразу понял, о чем хотел сказать Васильев, приподнял брови, выразив снисходительное добродушие, и, приглаживая холеными пальцами ровно зачесанные седые волосы на виске, сказал:

— Нет — другое. Следы драки в одном сомнительном заведении. В сорок восьмом году. А тогда ночью,— он с нажимом произнес «тогда»,— был абсолютно целехонек. И в полном сознании. Я тебе сказал — тогда я зубами и ногтями держался за жизнь. Тогда.

— А сейчас?

— Сейчас я ценю свою жизнь не дороже ломаного гроша.

Илья выказал в быстрой улыбке очень белые зубы, и Васильев вспомнил маленькую золотую «фиксу», надетую Ильей в восьмом классе на боковой зуб коронку, поразившую всех порочным блатным блеском, подумал, как давным-давно это было и так далеко, что возникло желание сбросить вязкое наваждение памяти.

— В конце концов,— проговорил Васильев,— в конце концов,— повторил он, не без омерзения слыша, что говорит не то, что должен был сказать,— в конце концов я не очень понимаю двусмысленность в нашем разговоре

Никакой пр[illegible]блемы (нем.)

Илья вертел, разминал неприкуренную сигарету, и его выбритое лицо, желтое, суховатое, и безукоризненно завязанный галстук, и эти острова седины в зачесанных назад волосах—все было солидно, все говорило о годах прожитой жизни, об усталости когда-то сильного, деятельного человека, отошедшего от дел и теперь занятого своей внешностью, костюмом, поддержанием еще сохранившейся бодрости.

— Не знаю, нужно ли об этом с тобой говорить?..— сказал Илья, не прекращая мять неприкуренную сигарету.— Я не хотел встречаться с тобой в Риме, где тебя окружало много всяких и разных господ.

— Всяких?

— Не сомневайся, известный художник,— Илья прикусил фильтр сигареты и сунул ее, так и не закуренную, в пепельницу.— Разумеется, там не было Джеймса Бонда. Но кувшинные рыла торчали непременно. В Венеции посвободней. И я решился. Я хочу узнать... и именно у тебя...— Он снова вынул сигарету из пепельницы и снова принялся тискать и крутить ее в пальцах.— Именно у тебя...

— Что узнать?

— Я хотел узнать... Именно у тебя. Узнать вот что, Владимир. Как ты думаешь: пустят меня на время в Россию, чтобы повидаться с матерью? Вернее, дадут ли мне визу? Только скажи по-мужски: ты можешь узнать?

— Ты хочешь приехать? Это ты хотел узнать?

— Это,— ответил Илья, продолжая механически мять сигарету, сосредоточенно устремив внимание на свои пальцы, нервные, с бледными, отполированными ногтями.

— Визу? Не знаю,— проговорил Васильев и положил коробок спичек перед Ильей.— У тебя что — огня в зажигалке нет?

— Благодарю. Есть.

Илья сломал измятую сигарету, швырнул ее в пепельницу, после чего взял со стола маленькую изящную зажигалку, высек огонь, задул его и не то поморщился, не то улыбнулся.

— Не обращай внимания. Мне разрешено курить три сигареты в день. Одну я выкурил, ожидая тебя. Так ты не можешь ответить на мой вопрос, Владимир?

— Нет.

— Жаль.— Он, опустив глаза, стал неспокойно поигрывать зажигалкой и, занятый этим, все так же не глядя на Васильева, проговорил отрывисто: — Даже если бы меня расстреляли, я все равно хотел бы увидеть мать. Даже если бы расстреляли...

«Да, вот он, вот он!» — подумал Васильев, до предельной ясности вспомнив вот эту давнюю его привычку: давать работу рукам в моменты раздумья или перед тем, как окончательно принять решение. И зажигалка попрежнему беспокойно мелькала на его ладони напоминанием той старой особенности Ильи.

— Я многое знаю о России по советским газетам,— заговорил Илья упрямым голосом.— Мне стало известно, что посмертно реабилитирован мой отец в годы Никиты Хрущева. Я хотел бы приехать на несколько дней... увидеть мать.

— Даже если тебя и расстреляют? Почему ты это сказал, Илья?

— Я мало кому верю. А иногда и бессрочно надо платить по счетам.

— За что платить?

— За то, что не вернулся, а теперь возвращаться поздно. За то, что не подох в плену, не захлебнулся в дерьме, как сотни других русских за границей, а даже благопристойно разбогател в пределах, конечно, скромных. Вот вышеупомянутые «за то». Мало разве? Но у Власова не служил, хотя вербовали в Заксенхаузене. В Иностранном легионе не воевал. В военных преступниках и карателях не числюсь... Все было. Кроме перечисленного.

Он остановил испытывающий, пристальный взгляд на лице Васильева и тут же, смягчая это упорное выражение, проговорил:

— Я постарел, поэтому мне снится наш двор на Лужниковской, деревянные ворота и липы под окнами. И еще — почему-то весеннее утро в голубятне и, знаешь, пахнет перьями, коноплей... Я хочу..., я хочу увидеть мать. Помоги, если ты мне хоть немного веришь. Если нет, то скажи прямо: нет!..

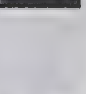
Продолжение следует.

Виктор ПРОНИН

КЛЕВЕТА

Удивительный случай произошел в Котовске Одесской области. Городок этот небольшой, жители хорошо знают друг друга, и все, что происходит в течение дня, к вечеру становится общим достоянием. А если уж с вами случилось нечто из ряда вон, можете не сомневаться: где бы вы ни оказались — в районе вокзала, на главной площади, у рынка или на самой дальней окраине, вы обязательно поймаете на себе взгляд земляка. Он все о вас знает. Или полагает, что знает все.

Поэтому, когда однажды в центре города средь бела дня собравшаяся у инспекции Госстраха толпа с интересом наблюдала, как под присмотром милиции из здания выносят и грузят в машину кипы бумаг, бухгалтерские книги, скоросшиватели с приказами и прочую документацию, проницательные люди, не избалованные подобными впечатлениями, задавали друг другу только один вопрос: «Кого сажают?» Другие, не менее проницательные люди, выдержав скорбную паузу и оценив на глаз масштаб операции, твердо отвечали: «Похоже, начальство сажают, никак Саевскую». Присутствовавший здесь же следователь ОБХСС от прямых вопросов уклонялся, но, приятно взволнованный вниманием толпы, не отрицал, что да, действительно, Саевская Зинаида Ильинична — того... В общем, сами понимаете.

Но главные события происходили внутри здания. Там осматривали, опечатывали, пломбировали сейфы, ящики письменных столов, сумочку заведующей — и до нее дело дошло. Саму заведующую вскоре тоже увезли. Нет, не в милицию. В больницу, с острым сердечным приступом. И наутро городок знал: Саевская в больнице. Одни искренне жалели Зинаиду Ильиничну, другие отнеслись спокойно, если не равнодушно. О чем, дескать, говорить, поболеет-поболеет да и поправится...

Когда Зинаида Ильинична вышла из больницы, знакомые откровенно удивлялись, видя ее на свободе, без конвоя, при исполнении... Все-таки новости, передаваемые вот так, из уст в уста, имеют свои недостатки: они всегда оказываются искаженными, причем почему-то чаще в сторону преувеличения всевозможных ужасов — количества пострадавших, суммы похищенных денег, строгости приговора и так далее.

Что же произошло?

Чем были вызваны действия местных правоохранных органов?

Гром грянул, можно сказать, среди ясного неба. Пришла в милицию пожилая женщина по фамилии Гром, по имени Евдокия Антоновна и открыла глаза следователям на заведующую Госстрахом Саевскую. Рассказ ее был обстоятелен и подробен. Евдокия Антоновна без утайки поведала, как обманывают в инспекции простоватых клиентов, как наживаются за их счет. Не стала Евдокия Антоновна скрывать и того, как безжалостно расправляются в инспекции Госстраха с неугодными людьми, как увольняют их за малейшее несогласие с руководством.

Старший инспектор ОБХСС Василий Кирштa, человек молодой, энергичный, со специальным образованием, рассказывает сейчас, что во всем поведении Евдокии Антоновны его насторожило одно — не захотела она оставить письменное заявление. Вообще-то такие случаи предусмотрены законодательством: при устном заявлении составляется протокол, и заявитель обязан подписать его. Евдокия Антоновна отказалась выполнить эту несложную формальность, но тем не менее милиция получила основание всерьез заняться проверкой заявления. Поверили заявительнице на слово. Уж больно убедительно, со знанием дела излагала Гром суть злоупотреблений в инспекции Госстраха, технологию хищений, благодаря которой и удавалось скрывать злоумышленникам свою преступную деятельность.

Здесь, надо полагать, Евдокия Антоновна одержала важную тактическую победу, поскольку сумела убедить начальника городского отдела милиции В. М. Желиховского, начальника ОБХСС М. Г. Крысюка, прокурора города В. И. Сороку в том, что человек она честный и говорит им сущую правду.

Кто же такая гражданка Гром? Чего добивается, куда стремится?

Нетрудно догадаться, что Евдокия Антоновна сама работала в инспекции Госстраха города Котовска, и, конечно же, для людей непосвященных ее заявления выглядели куда как убедительно: знание специфики работы, терминологии страховочной деятельности, ссылки на реально существующих людей, прижимание ладошек к сердцу создавали впечатление искренности. Тут уж хочешь не хочешь, а увидишь перед собой поборника справедливости, для которого, кроме государственных интересов и готовности до конца отстаивать наши с вами нормы нравственности, нет ничего на белом свете.

Так вот, работала Гром, работала, а года два назад словно что-то прорвалось в ней — перестало Евдокию Антоновну устраивать положение, которое она занимала в коллективе.

Наверно, этим можно объяснить быстрое и, судя по всему, необратимое превращение Евдокии Антоновны. Вот ее слова:

— Десять лет я помогала и поддерживала Саевскую, хотя видела ее неправильное и грубое обращение со всеми подчиненными. Всех она держит в вечном страхе, все ее должны бояться, одно слово протие — и сразу Саевская находит статью. И я пожаловалась в управление Государственного страхования Украинской ССР. В результате собрали общее собрание, стали требовать от меня слово, что не буду больше жаловаться, что только в этом случае меня оставят на работе, а иначе выгонят.

Здесь Евдокия Антоновна слегка передергивает. По ее жалобе была проверка, и лишь потом состоялось общее собрание, на котором весь коллектив потребовал от нее немногого — вести себя по-человечески. Дело в том, что обвинения, указанные в жалобе, как говорится, в результате проверки не подтвердились.

На собрании Евдокия Антоновна пообещала, что больше не будет писать жалоб, не будет клеветать на коллектив. Но не смог-

ла сдержать слово, просто не смогла. Духу не хватило.

Истины ради надо отметить, что формальные показатели работы страхового агента Гром были неплохими, но вся ее энергия, весь запал были направлены на одно — получить наибольшую из возможных ставок. И она ее получала — сто восемьдесят рублей. Случалось, что она соглашалась помочь новичку, показывала, как заполнять документ, рассказывала о видах страховки. Новичок шел на участок, выполнял работу, а зарплату за него получала Евдокия Антоновна. Было. Поэтому, когда в одной из жалоб Евдокия Антоновна написала, что главная ее забота не о себе, а о молодежи, которая только вступает на жизненный путь, понимать ее надо было с учетом условий, на которых она соглашалась поддержать эту самую молодежь.

Нельзя не сказать и о том, что Евдокия Антоновна иногда не прочь была дать дельные советы и в несколько иной области — по части спекуляции слыла Гром неплохим специалистом. Не все гладко получалось, были недоразумения с соответствующими органами, говорилось об этом ее «невинном» увлечении и на общих собраниях коллектива, и руководству с глазу на глаз вынуждена была объяснять она свои «маленькие слабости». Было и это. И накапливалась, накапливалась в душе Евдокии Антоновны глухая неприязнь к коллективу, в котором работала, и, конечно же, к заведующей, Зинаиде Ильиничне Саевской.

А вскоре обнаружились подчистки, исправления, подделки в ее отчетных документах, выявились частые задержки собранных денег — чтобы их можно было как-то в оборот пустить. Оказалось, что Евдокия Антоновна частенько ставила в квитанциях фиктивные даты, фамилии, адреса, нередко заглядывала на участки других агентов Госстраха, опять же с единственной целью — зашибить деньгу.

Естественно, начались неприятности, замечания по работе, конфликты с администрацией, то бишь с Саевской. И Гром почувствовала себя уязвленной, обиженной, незаслуженно оскорбленной мелкими придирками. Тогда же она и увидела все те «преступления», о которых поведала миру. Еще будучи в штате инспекции, она начала открывать людям глаза, но все это вскоре кончилось, поскольку Гром была уволена по статье, предусматривающей, помимо прочего, утрату доверия со стороны администрации. Уволена по согласованию с месткомом. В полном соответствии с действующим законодательством. Что, собственно, и подтвердил народный суд Котовска, куда Евдокия Антоновна обратилась с иском о восстановлении на работе. И Одесский областной суд дважды подтверждал правильность увольнения.

Кстати, суд, который состоялся в Котовске, надолго запомнится жителям города. Еще бы — сорок свидетелей вызвали для дачи показаний, весь коллектив инспекции Госстраха был оторван от дел, чтобы доложить правосудию о своих отношениях с Евдокией Антоновной. Двадцать восемь человек потребовала вызвать в суд гражданка Гром, да еще двенадцать пришли от коллектива инспекции. И ни один не подтвердил ее обвинений.

— Конечно! — воскликнула Гром. — Они боятся Саевскую, вот и говорят все, что она им велела.

— Позвольте, — удивилась судья,— но ведь это же ваши свидетели. Кроме того, мы заслушали нескольких человек, которые в инспекции давно не работают... Им-то почему не сказать все как есть?

— До сих пор дрожат!— отрезала Гром.

Суд постановил в иске отказать, а требования истицы об оплате вынужденного прогула признать необоснованными.

— Ах, так!— сказала Евдокия Антоновна.— Ну, тогда слушайте, что я вам еще скажу... Я вам сейчас такое скажу, такое скажу... Я Саевской взятки давала с каждой зарплаты. Вот так.

— Как давали? — Судья невольно откинулась на спинку кресла.— Где давали?

— Везде. На работе, в автобусе, прямо на улице... Где увижу, там и даю.

— Зачем?

— А она требовала. И я давала. Чтоб не уволила...

— Зачем же ей увольнять, если в инспекции до сих пор людей не хватает?

— А она вместо меня возьмет ту, которая будет безропотно ей взятки давать.

— Евдокия Антоновна, а вы знаете, что если ваше обвинение подтвердится, то вам тоже придется отвечать как взяткодателю? Это ведь тоже преступление... А если не подтвердится, то мы можем привлечь вас к ответственности за клевету.

— Знаю, все знаю! И отвечу, если надо будет. Как говорится, выколю себе глаз, зато у моей тещи зять кривой будет.

После суда, словно поняв, что мосты сожжены, Гром развернулась во всю мощь. Одно только перечисление адресов, куда она писала жалобы и разоблачения, займет немало места. Для примера можно назвать несколько, чтобы показать широту захвата, если можно так выразиться: контрольно-ревизионное управление Министерства финансов УССР, обком союза госучреждений, Облгосстрах, Комитет народного контроля города Котовска, партийные, финансовые, судебные, следственные органы — от местных до самых высоких.

Вот один из многочисленных документов, родившихся в результате проверки жалоб Гром — «Акт ревизии оперативной и финансовой деятельности инспекции государственного страхования города Котовска». Привожу выдержки только из этого акта, поскольку и пункты проверок и их результат полностью совпадают со всеми остальными...

«В инспекции Госстраха людей, не работающих, но получающих зарплату, не установлено... Получение заработной платы так называемыми «мертвыми душами» не установлено... Фактов увольнения с работы неугодных руководству людей не установлено... Фактов присвоения денег З. И. Саевской не установлено... Случаев оформления на работу людей якобы для получения большой пенсии не установлено...»

Это подтверждает и начальник управления Госстраха Одесской области В. И. Карбилецкий: «Вопросы, поставленные гражданкой Гром Е. А. в жалобе, аналогичны тем, по которым уже проводились расследования контрольно-ревизионным управлением Министерства финансов, ревизионным аппаратом облуправления Госстраха, расследованием ОБХСС Котовского района, ОБХСС облуправления МВД, народного контроля Котовского района, народного и областного суда. Факты, изложенные Гром Е. А. в ее жалобах, были тщательно проверены всеми вышеуказанными органами, и ни один из них не подтвердился».

Хочу привести слова еще из одного документа, где также вещи названы своими именами — из постановления следователя Котовского ГОВД М. С. Шаповала, который достаточно занимался поисками истины на путях, указанных Евдокией Антоновной...

«Проведенным расследованием установлено: Гром Е. А., обозленная на З. И. Саевскую за увольнение ее с работы, начала писать жалобы, в которых указывала, что давала взятки З. И. Саевской. Для закрепления этих сведений Е. А. Гром приходила к своим бывшим коллегам по работе и просила их оговорить З. И. Саевскую, дать показания, что они давали ей взятки».

Закон говорит, что распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений есть клевета. Особо опасной признается клевета, обвиняющая человека в тяжком преступлении, а взяточничество и есть то тяжкое преступление, в котором Евдокия Антоновна, не жалея живота своего, обвиняет и устно и письменно заведующую инспекцией Госстраха. Для установления состава преступления у следователя все было на руках.

И все-таки в Котовске пока еще не решились открыто выступить против Евдокии Антоновны, хотя ее деятельность в последнее время приобрела характер цепной реакции: в каждом следующем письме она жалуется на те органы, к которым обращалась до этого и которые ее домоганиям отказали. Например, в заявлении на имя первого секретаря Одесского обкома партии Евдокия Антоновна пишет:

«Я пожаловалась в управление Государственного страхования Украинской ССР, так как в областное управление жаловаться бесполезно...» «К сожалению, и из республиканского Госстраха мер не приняли...» «Написала заявление прокурору Котовска товарищу Сороке В. И., где указала факты присвоения денег З. И. Саевской, описала всю ее деятельность, но до этого времени ничего не могу добиться...»

Евдокия Антоновна явно скромничает, утверждая, что не добилась никаких результатов. События вертятся вокруг нее, она задает им и скорость вращения и направление, повелевает всеми центробежными и центростремительными силами, в которых беспомощно барахтаются весьма уважаемые, наделенные властью люди. Да что там люди — целые организации в своих годовых отчетах о проделанной работе неизменно упоминают проверки заявлений и жалоб Евдокии Антоновны Гром. На сегодняшний день двадцать две проверки выдержал многострадальный коллектив Котовского Госстраха! Двадцать две большие и малые проверки, наезжавшие не только с соседней улицы, но и из Одессы, Киева, шли запросы из Москвы. Двадцать два раза Зинаида Ильинична Саевская писала пространные многостраничные объяснительные записки, отвечая на обвинения, которые вызревали к тому времени в воспаленном мозгу Евдокии Антоновны Гром. Одни проверки тянулись по нескольку дней, другие продолжались месяцами. Как выразился следователь В. Н. Киршта, последние полтора года инспекция Госстраха работает в условиях непрерывных проверок.

И заметьте — ни одна проверка не нашла в работе инспекции ничего предосудительного, ни один криминальный «факт» из жалоб Евдокии Антоновны не подтвердился. Тем не менее и ныне никто не уверен в том, что все кончилось. Более того, поговаривают о двадцать третьей проверке, поговаривают о том, что Евдокия Антоновна в Москву собралась, якобы в весьма высокие инстанции уже на прием записалась.

— Что же делать?— обреченно говорит прокурор Котовска Владимир Иванович Сорока.— Будет новое заявление Евдокии Антоновны, будет новая проверка. В этом наша обязанность, и мы не можем уклоняться...

— Владимир Иванович, а вообще, каково ваше отношение ко всему происшедшему?

— Видите ли, Саевская неправа. Она не должна была так остро реагировать на письма Евдокии Антоновны...

— Она реагировала не на письма, а на ревизии, следствия, проверки. И потом речь не только о ней — в редакцию из Госстраха пришло письмо, подписанное десятками фамилий, и в нем одна только просьба: «Помогите! Нет больше сил работать!» Весь коллектив до единого человека...

— Ну, какой там коллектив,— прокурор махнул рукой.— Разве это коллектив? Там же нештатных больше половины!

— Но ведь и нештатных вызывают на допросы, они дают показания, пишут объяснения. Их единодушие, неприятие возни, затеянной Гром, позволяют утверждать, что это коллектив.

Нельзя не сказать еще об одном результате «разоблачений» гражданки Гром. Из инспекции Госстраха ушли несколько прекрасных работников, не выдержав напряженности, недоверия, ревизий, следствий и объяснений. Долго лежала в больнице Зинаида Ильинична Саевская. Она с горечью рассказывала, что далеко не все даже из ее близких друзей смогли выдержать эту проверку на прочность — иные отшатнулись, засомневались, начали избегать. И это понятно. Если полгода ведется следствие, если весь городок только и говорит о том, что, коль Саевскую утром видели на улице, значит, еще пока не посадили, если на допросы вызываются не только сотрудники инспекции, но и просто жители города, когда-то имевшие какие-то отношения с Госстрахом...

— Конечно,— говорит Зинаида Ильинична.— настоящие друзья остались. Собственно, только в таких вот переплетах и узнаешь, кто твой настоящий друг. Но стал уже круг друзей. Ушли близкие люди, с которыми не один год... Знаете, именно это во всем деле самое тяжелое.

Дымковский сувенир

Сама судьба привела Алю Трефилову, а точнее — Алевтину Матвеевну, в Дымково, к игрушке, которую знает сейчас весь мир. А ведь могла пройти мимо, хоть и росла и родилась в том же Кирове, по другую сторону реки Вятки. Были времена — замирала игрушка, не был популярен промысел. В пятидесятые годы, например, не пользовался он такой известностью, как в наши дни. Увидела Аля «дымку» впервые... в журнале, хотя находится поселок недалеко от города. Увидела и запомнила. А когда после школы прочитала в газете о приеме в художественно-производственные мастерские, пошла, не задумываясь, учеником мастерицы. Такие наборы редко бывают: между вторым, Алиным, и третьим прошло восемь лет. И всего-то сейчас в Дымкове сорок три мастерицы. Не так уж много, если иметь в виду огромный спрос на игрушку и у нас и за границей — русский сувенир, не уступающий балалайке или самовару...

За свои работы Алевтина Трефилова стала лауреатом премии Ленинского комсомола, получила звание «Народный мастер», избиралась делегатом XVII съезда ВЛКСМ.

Три года назад в течение двух месяцев в Неаполе и Палермо на советской выставке, посвященной нашей молодежи, она знакомила итальянцев с «дымкой», лепила из глины традиционных молодиц, кормилиц с детьми, щеголей в картузах — так называемых гусаров, индюшат с роскошным оперением, всех действующих лиц дымковского арсенала. Расписывала заранее приготовленные, обожженные дома заготовки. Тронет краской розовой щеки, нанесет золотом узор, посадит черные крапинки — и вот важно выступает барыня, гордо шествует водоноска с коромыслом, разрядилась пестрая дымковская публика.

В представлении итальянцев традиционная игрушка никак не вязалась с обликом милой молодой женщины. Казалось, что это дело старушек.

— И я раньше так думала,— смеется Аля.— Хочется,— продолжает она,— чтобы сохранилось исконное лицо «дымки», ее привычные мотивы. По существу, это шуточные сценки, подсмотренные в народном быту предыдущими поколениями мастеров, только, может быть, чуть-чуть шаржированные. И современную тему, я думаю, тоже можно решать в традиционной форме.

— К чему сама стремлюсь? — переспрашивает она.— К тому, чтобы чувствовался материал, и к легкости. Люблю пестроту, нарядное многоцветье. Пытаюсь сделать игрушку с характером, чтобы в каждой был свой образ, чтобы она сама о себе рассказывала. У старых мастериц, у Мезриной, например, она вроде совсем простая. Но ведь живая! Смотришь на нее — идет нянюшка, а молодица так словно плывет, ног под собой не чуя. У Косс-Деньшиной все совсем иное, лепка мягкая, красива своей пластикой...

В производственной мастерской план у Али — сто изделий в месяц. Приходится творчеством заниматься дома — в субботу, воскресенье, в отпускные дни. В будни — лишь урывками: то художественный совет, членом которого она является, то общественная работа...

Вся ее жизнь — в этой вот игрушке. Лепит, расписывает и сама своей работе радуется. Разыгрывает по-своему знакомые сюжеты, придумывает новые композиции, ищет удачные сочетания красок, цветом задает ритм. И появляются желанная легкость, тонкость, белизна. Игрушка в руках Алевтины Трефиловой обретает новое дыхание — хоть и традиционная, а смотрится современно, молодо.

О. НЕМИРОВСКАЯ

Не всегда с должным достоинством в этой нервозной обстановке вели себя и представители официальных органов. Сам масштаб затеянных проверок словно бы гипнотизировал, заставлял их верить в то, что действительно — еще одно усилие, и вина, столь красочно расписанная в сочинениях гражданки Гром, выплывет наружу. А в результате начальник городского отдела внутренних дел В. М. Желиховский вынужден был прислать Саевской официальное извинение за «нетактичное поведение» начальника ОБХСС М. Г. Крысюка — именно такая форма была найдена.

Но нетактичность проявилась не только в поведении М. Г. Крысюка — после двадцати двух проверок ни одна комиссия, ни одно должностное лицо не сочли нужным сказать коллективу: зачем приходили, что искали, что нашли? Не посчитали нужным.

В то же время клеветница исправно получала вежливые и весьма полные отчеты о проведенной работе. И высокие инстанции и те, которые пониже, соблюдая строгие сроки ответов, сообщали Евдокии Антоновне, что ее жалоба получена, что приняты безотлагательные меры, что весьма сведущие в своем деле люди получили задание проверить ее сигналы. В общем-то это правильно, так и должно быть, ни одно письмо, ни одно заявление или жалоба трудящихся не должны оставаться без ответа, без должной проверки, но давайте согласимся и с тем, что должны существовать некие разумные пределы. Коллектив, который месяцами живет и работает в условиях следствия, заслуживает того, чтобы к нему отнеслись с не меньшим уважением, нежели к озлобившейся клеветнице, разве нет? Тем более что документально доказана честность, порядочность и коллектива и его руководства. Пока же приходится говорить о том, что в инспекцию Госстраха даже не возвращены все документы, которые были изъяты, хотя они частенько нужны в повседневной работе.

Безнаказанность клеветницы, то доверие, с которым отнеслись к ней во многих местах, проверочный бум в городе, который она вызвала, вольно или невольно показали нечистоплотным, склонным к такой вот мстительности людям, что, оказывается, можно действовать и так; что статьи Уголовного кодекса, предусматривающие весьма серьезные наказания, можно толковать по-разному; что злостную клевету, оговоры, заведомо ложные доносы, обвиняющие честного человека в тяжких преступлениях, можно истолковать как обычную, чуть ли не семейную ссору двух женщин, повздоривших из-за пустяка. Именно к такому толкованию событий склоняются и начальник городского отдела внутренних дел В. М. Желиховский, прокурор В. И. Сорока, следователь Н. Н. Максимчук, которому поручено расследовать возбужденное областной прокуратурой дело о клевете. К этому же склоняется и следователь В. Н. Киршта, который не один месяц расследовал «должностные преступления» З. И. Саевской. Впрочем, все они признали, что до окончательных выводов дело еще не дошло. Позвольте, хочется спросить: а разве материалы двадцати двух проверок не дают оснований для таких выводов?

Первый секретарь Котовского горкома партии Н. А. Мещеряков прямо сказал, что не может ни в чем упрекнуть Саевскую; ее деловые качества, энергия, любовь к своему делу, вообще к работе заслуживают только одобрения. Нет у горкома партии никаких сомнений и в ее порядочности, честности. Четкое мнение имеет и прокуратура Одесской области, которая возбудила уголовное дело против Гром Е. А. по признакам статьи 125 часть 2 УК УССР (клевета, соединенная с обвинением в совершении особо опасного преступления). К сожалению, прокурору следственного управления старшему советнику юстиции Е. В. Волкову приходится второй раз посылать такой документ в Котовск. Первый, посланный более года назад, остался без последствий, второй тоже пока не оградил коллектив инспекции Госстраха от атак клеветницы.

Здесь надо уточнить — речь идет не только о Евдокии Антоновне Гром и криминальных качествах ее характера, речь идет о гораздо большем — о нравственной атмосфере, о доверии к закону и к людям, призванным стоять на его страже, призванным следить за его исполнением, речь об откровенной спекуляции теми нормами советского общества, которые защищают права каждого человека, позволяют ему добиваться истины, справедливости. Если же пакостник пытается использовать это право для достижения своих не больно достойных целей, для мелкой мести, клеветы и оговоров, то мы должны отнестись к нему так, как он этого заслужил.

Дело тут не в строгости наказания, дело в том, что оно должно быть неизбежным, обязательным. Подумайте, на два года отравлен нормальный рабочий климат целого государственного учреждения. Какое доверие может быть у рядовых граждан, жителей Котовска, к Госстраху, если они каждый божий день получают все новые сведения с поля боя, если в городе только и разговору, что о том, кого вызвали в ОБХСС, кого собираются вызвать, какие вопросы задавали, какие объяснительные пришлось писать, какая новая комиссия и из какой столицы уже в пути.

А что касается Евдокии Антоновны, то поговаривают, что она ходит по городу и вербует трех свидетелей, которые подтвердили бы: да, З. И. Саевская действительно берет взятки... Кто-то из весьма осведомленных ее советников подсказал: трех свидетелей достаточно, чтобы посадить ненавистную заведующую на скамью подсудимых.

— А вдруг найдет она таких людей?— без улыбки спрашивает Зинаида Ильинична.— Вдруг найдет таких, кто соблазнится даровой выпивкой, или дружеские чувства к Евдокии Антоновне найдут у человека столь странное выражение... Вдруг?! Проверки-то продолжаются! Наши архивы теперь, наверно, самые чистые в городе, в них пыль не успевает завестись! Уж сколько раз на воздух выносили, в машины грузили, всю пыль повыбили...

Что получается: само правосудие ставится с ног на голову, речь в городе ведут уже не об истинной вине и справедливом наказании, больше говорят о юридических фокусах, запрещенных приемах, лукавых ходах, которые, дескать, могут свести на нет всю юриспруденцию, а заодно и нравственные нормы, духовные ценности общества.

* * *

Вы никогда не задумывались над тем, что клеветники среди прочей преступной братии стоят особняком? Смотрите, верша свое черное дело, они ведь далеко не всегда ставят перед собой какие-то корыстные цели, они не грабят, не расхищают, да и к хулиганам их тоже не отнесешь. В общем-то под порядочных рядятся. Одни говорят тихими, скорбными голосами, как бы жалея своих слушателей, прозябающих в постыдном невежестве, другие орут в голос, неистово воздевая руки, словно призывая высшие силы подтвердить их искреннюю приверженность справедливости. Вот в чем еще сила клеветников — они ведь справедливость отстаивают, они вроде того, что все до единого правдолюбцы и бессребреники. И ничего-то им на белом свете не нужно, кроме как открыть людям глаза на ближних своих да заклеймить позором неправых. И столько проявляют в этом усердия, выдумки и настойчивости, что порой диву даешься: откуда у людей столько сил берется, времени, откуда у них столько ненависти?

Да, у клеветников в отличие от прочей преступной братии выгода не всегда на первом месте, главная их добыча — пакость. А если удастся кому-то жизнь испортить, здоровье подорвать, друзей человека лишить, то тут уж нет предела их радости. Впрочем, вряд ли даже при самой большой удаче их охватывает такое уж безудержное веселье. Радость все-таки предполагает возможность поделиться ею, увидеть ответную улыбку. А здесь скорее можно говорить о глухом удовлетворении, ублажении страстей, о которых и вслух-то не везде скажешь...

...Ныне в Котовске по-новому толкуют пословицу о громе среди ясного неба. Весьма кропотливые проверки доказали: все ясно в делах инспекции Госстраха, но гром над головой нескольких десятков человек продолжает грохотать.

И самое последнее. Пока этот очерк готовился к печати, в Котовской инспекции Госстраха состоялась двадцать третья проверка. Состоялась все же. С тем же результатом. На повестке дня — двадцать четвертая.

Не пора ли кончать с этой позорной историей?

На КамАЗе главный приз «Огонька» завоевала бригада Евгения Сокольского.

С ответным словом от имени строителей выступил бригадир Рим Шафигуллин.

Иван Савельев читает новые стихи.

Ансамбль народной музыки под руководством Дмитрия Покровского.

Играет Владимир Дубовицкий.

Наталия Иртлач и Татьяна Гуменная.

ВСТРЕЧИ В НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНАХ

Фото А. Гостева

В жизни камазовцев и всего города на Каме наступил ответственный период — широко развернулась борьба за выполнение обязательства сдать вторую очередь КамАЗа по выпуску автомобилей к открытию XXVI съезда КПСС. Продолжается сооружение Нижнекамской ГЭС, в строю уже четыре ее агрегата; бурно растет город, которому весной 1981 года исполнится 10 лет; по пути интенсивной специализации развивается пригородная сельскохозяйственная зона... Об этом шла речь во время беседы первого секретаря Набережно-Челнинского горкома КПСС Р. К. Беляева с огоньковцами, прибывшими для вручения призов журнала победителям соревнования. В беседе приняли участие секретарь ГК КПСС Л. В. Шилова, председатель горисполкома Р. Р. Гилязов, секретари райкомов партии Б. К. Кудимов, Ю. В. Курмашев, Ю. Н. Петрушин.

МИЛЛИОНЕРЫ

«Сегодня мы собрались в десятый раз,— сказал, открывая торжественный вечер во Дворце культуры «Энергетик», секретарь парткома «Камгэсэнергостроя» В. П. Сударев.— У нас, строителей, знаменательная дата...» Итоги этого своего рода юбилея, оглашенные заместителем начальника объединения Н. И. Кафтайловым, таковы: около семи тысяч человек работают по договорам на подряде. И что особенно характерно — если пять-шесть лет назад объем работ, выполненных каждой бригадой, потоком или комплексом, был невелик и краткосрочен и определялся десятками, самое большее двумя—тремястами тысячами рублей, то теперь многие участники соревнования перешли миллионные рубежи...

И когда на сцену поднялся очередной «миллионер», завоевавший главный приз «Огонька», зал разразился дружными аплодисментами. Рим Шафигуллин совсем еще молод, тем не менее руководит большим коллективом — 50 монтажников, сварщиков, плотников, штукатуров... Эту бригаду возглавлял с момента ее создания до недавнего времени Виктор Филимонов — знаменитый в Набережных Челнах человек. Он ставил «первую» в городе двенадцатиэтажную башню, и потом со своей бригадой возвел много-много крупнопанельных зданий, был удостоен звания Героя Социалистического Труда. С начала пятилетки бригада сдала 118 тысяч квадратных метров жилья — тысячи благоустроенных квартир. Только за двадцать последних месяцев ею освоено 3,8 миллиона рублей. Филимонов без отрыва от производства учился на вечернем отделении строительного института и был выдвинут на руководящую работу. Сейчас Виктор Петрович начальник СМУ-46. На XXV съезде КПСС он был избран членом Центральной ревизионной комиссии.

Вторую премию журнала «Огонек» завоевали автоскреперисты — комплексная бригада коммунистического труда, руководимая Федором Панковым. Она тоже «миллионер»: ею разработано и перевезено 6 миллионов кубометров грунта! Сейчас сооружает в Башкирии дамбу — это в связи с водохранилищем, образованным Нижнекамской ГЭС.

ПОБЕДЫ ЛЕГКО НЕ ДАЮТСЯ

На КамАЗе за приз «Огонька» борются сегодня уже 500 коллективов. Победителем стала бригада Евгения Сокольского с завода двигателей.

«По всем показателям — качеству выпускаемой продукции, ритмичности, коммунистическому отношению к труду, бережливости и очень высоким показателям по выполнению плана — набрала наибольшее количество баллов,— сказал председатель профкома объединения Н. Ф. Галиуллин.— Близким был результат и у других коллективов. Но бригада Сокольского буквально покорила нас своим высокоморальным микроклиматом, дружбой и спайкой. Ребята принесли на заседание жюри большие красочные фотоальбомы и дневники, своего рода родословную бригады. Тут было все: кто где учился, когда женился или вышел замуж, кто у кого родился, как вместе убирали картошку, справляли новоселья и ходили в турпоходы. Бригаде пять лет. За это время она не имела ни одного дисциплинарного взыскания. Стабильность коллектива, в нем 39 человек,— его другое драгоценное качество. Двенадцать месяцев подряд она занимает первое место по цеху и заводу, семь кварталов — классные места в соревнованиях комсомольско-молодежных бригад объединения».

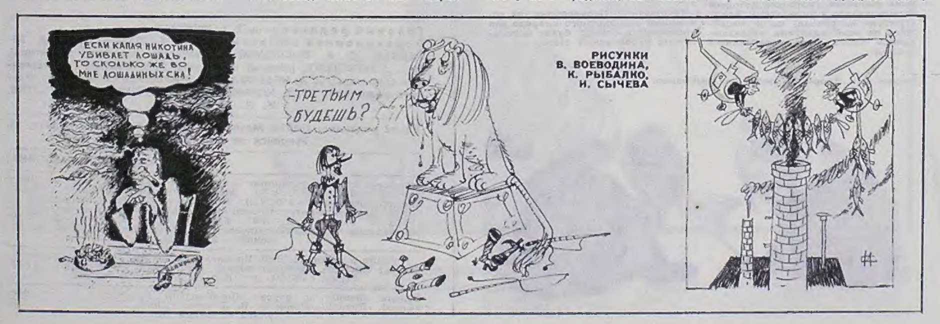
Вторая премия журнала «Огонек» — переходящий вымпел — была присуждена бригаде слесарей с главного конвейера автосборочного завода, возглавляемой Николаем Титовым.

* * *

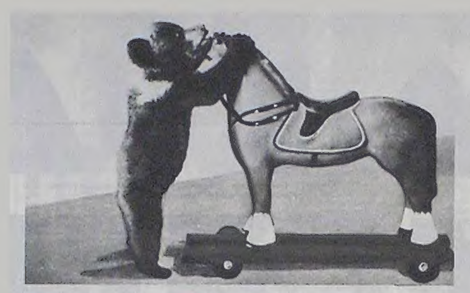
Призы победителям соревнования вручил главный редактор журнала «Огонек» А. В. Софронов. В работе творческой бригады «Огонька» приняли участие корреспонденты журнала Г. В. Куликовская, Н. А. Быков, Ю. В. Козлов, фотокорреспондент А. И. Гостев.

Тепло встретили строители и заводчане поэта Ивана Савельева, прочитавшего свои новые стихи.

Силами артистов Росконцерта и Москонцерта на заводах и в ДК «Энергетик» были даны концерты. Вдохновенно выступал ансамбль народной музыки под управлением Дмитрия Покровского. Зрители дружно аплодировали певице Наталье Иртлач, концертмейстеру Татьяне Гуменной, виртуозу игры на гитаре Владимиру Дубовицкому.

РИСУНКИ В. ВОЕВОДИНА, К. РЫБАЛКО, Н. СЫЧЕВА

Конный спорт. Напутственное слово седока перед стартом.

«ОЛИМПИЙСКИЙ ГОД — НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ ОЛИМПИЙЦЕВ»

Все помнят, конечно, что талисманом XXII Олимпийских игр был медвежонок. Случайно ли? «Нет,— говорит наш читатель из Кирова Сергей Дмитриевич Новоселов.— Уверен: выбор пал на медведя еще и потому, что это животное обладает исключительными спортивными способностями».

В качестве доказательства С. Д. Новоселов прислал короткую заметку и три фотографии к ней.

Спортивные наклонности, дух соперничества и добродушие приходилось наблюдать у медведей на аренах цирка. Но это дрессированные животные. Не многие знают о том, что те же качества проявляются у мишек без специальной дрессировки, в естественных условиях.

Полтора месяца жили у нас в квартире два презабавных медвежонка. Днем отсыпались в «берлоге», устроенной под ванной, а вечером устраивали импровизированные состязания по самым разнообразным, в основном олимпийским, видам спорта. Да так уморительно и увлеченно, что болельщики не расходились до самой ночи.

Особой популярностью пользовалась у медвежат борьба, преимущественно вольная. Не менее азартно проходили состязания по футболу, спортивной гимнастике, поднятию тяжестей и даже конному спорту. Правда, в тяжелой атлетике вместо штанги медвежатами использовалась трехлитровая банка с вареньем (вес, можно сказать, рекордный!), которую они поочередно поднимали, переносили, забавно при этом переваливаясь. Ну, а пустая банка из-под варенья была любимым снарядом, который использовался в акробатике. Хохот «трибун» не стихал, когда медвежата по всей квартире перекатывались через этот «спортивный снаряд».

Гимнастика. Перекладина (за неимением стандартного снаряда для упражнения сейчас будет использована перекладина стола).

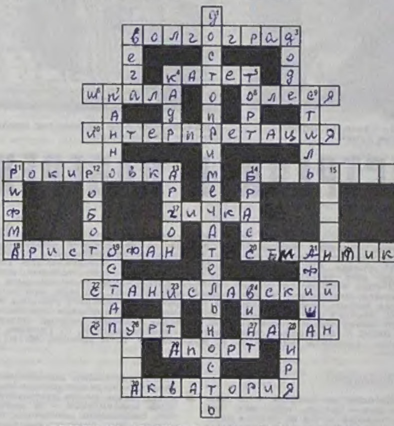
Ручной мяч. Упорство, достойное чемпионов.

КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Город-герой. 4. Сторона прямоугольного треугольника. 6. Брус, опора для рельсов. 8. Повесть А. И. Куприна. 9. Истолкование, разъяснение. 11. Шахматный ход. 14. Садовое или комнатное растение с яркими цветками. 17. Узкая гребная шлюпка. 18. Древнегреческий комедиограф. 20. Раздел языкознания. 22. Народный артист СССР, режиссер, педагог, теоретик театра. 25. Резкое усиление хода, рывок в спортивном состязании. 27. Огнестрельное оружие. 29. Сорт яблок. 30. Участок водной поверхности в пределах порта.

По вертикали: 1. Место или предмет, заслуживающие особого внимания. 2. Самая яркая звезда северного полушария неба. 3. Французский писатель XIX века. 4. Отдельный снимок на киноленте. 5. Кондитерское изделие. 7. Обрамленная орнаментом поверхность стены или потолка с живописным или скульптурным изображением. 9. Литературный слог. 11. Созвучное окончание стихотворных строк. 12. Автомат, выполняющий функции человека. 13. Химический элемент, газ. 14. Способ спортивного плавания. 15. Место стоянки и ремонта речных судов. 16. Ластоногое животное. 19. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 21. Объявление о спектакле, лекции. 23. Город в Коми АССР. 24. Стержень со спиральной нарезкой. 26. Двуглавая гора в центральной части Большого Кавказа. 28. Металлический груз, служащий мерой при взвешивании.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали: 5. Малахит. 7. Ортикон. 8. Армавир. 11. Восьмистишиев. 12. Титов. 14. Кумач. 16. Лодка. 18. «Громобой». 19. «Богатыри». 21. Дятел. 22. «Клоун». 23. Экран. 27. Физкультурник. 28. Табидзе. 29. Волынка. 30. Ливанов.

По вертикали: 1. Кашалот. 2. Статья. 3. «Пороша». 4. Корюшка. 6. Максимов. 9. Водоизмещение. 10. Реконструкция. 13. Инерция. 14. Королек. 15. Чигорин. 17. Коврига. 20. Угольник. 21. Давыдов. 24. Носорог. 25. Юкатан. 26. Эркель.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Провода от Зейской ГЭС тянутся в глубь Сибири и Дальнего Востока. (См. в номере материал «Плотина на Зее»).

Фото С. Петрухина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Дымковская игрушка Алевтины Трефиловой. (См. в номере материал «Дымковский сувенир»).

Фото А. Награльяна.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран—250-24-21; Искусств—250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 22.09.80. Подписано к печати 4.10.80. А 00430.
Формат 70×108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2507. Заказ № 2962.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

«ГЛОБАЛЬНЫЙ» ПСИХОЗ

Хотят, совсем лишившись разума,
Весь шар земной опутать базами.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663